

Людмила Советской России

Е. Астахов

ПОВЕСТЬ
О ДРУГЕ

Е. Астахов

**ПОВЕСТЬ
О ДРУГЕ**

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1979

32С5
А91

Художник И. С. Клейnard

Астахов Е. Е.

А91 Повесть о друге.— М.: Сов. Россия, 1979.— 208 с.
1 л. портр. — (Люди Советской России).

Документальная повесть о Герое Социалистического Труда, депутате Верховного Совета РСФСР трех последних созывов Н. Ф. Семизорове, который в течение семнадцати лет возглавляет многотысячный коллектив Куйбышевгидростроя. Писатель Евгений Астахов, долгие годы знающий Н. Ф. Семизорова, показывает становление личности главного героя, знакомит с делами строителей, создавших уникальный промышленный комплекс в Жигулях,— Волжскую ГЭС им. Ленина, большую химию Тольятти, Волжский автомобильный завод. В главах повести рассказывается также о людях, без тесного общения с которыми Семизорову трудно было бы сформироваться как руководителю.

А $\frac{11301-121}{М-105(03)79}$ 54—79 0802010204

32С5

© Издательство «Советская Россия», 1979 г.

О Т А В Т О Р А

Книга рождалась долго. События, встречи, впечатления, воспоминания — все это, так или иначе, итог трех десятилетий жизни очень многих людей. О большинстве из них в книге не упоминается, и тем не менее они в ней присутствуют, потому что, когда мы говорим о столь значительном явлении в нашей жизни, как строительная эпопея в Жигулях, преобразование целого края, начатое всего через пять лет после окончания Великой Отечественной войны и продолжающееся по нынешний день, мы обязательно затрагиваем судьбы сотен тысяч людей, непосредственно связанных и с прошлым, и с настоящим, и с будущим жигулевской земли.

Мне как-то сказали: а уместна ли патетическая приподнятость при рассказе о таком простом и вроде бы будничном, каждодневном деле, каким является строительство? Тем более сейчас, когда даже космические полеты стали для нас уже привычными.

И против прямых сравнений. Подвиг первооткрывателей космоса ни в коей мере не снизил высокое звучание

подвига любых других первооткрывателей. А строитель — Большой Строитель — он всегда первооткрыватель, предвестник будущего. Жизнь его полна тревог, риска, порой крайних перегрузок, что поделать — сегодняшние крупные стройки неизбежно приносят с собой необходимость преодоления трудностей, предусмотреть которые заранее невозможно. Они возникают, как лавина, и сваливаются на человека неожиданно и грозно, и все зависит уже от того, каков этот человек, сумеет ли он, хватит ли у него сил, мужества, энергии, чтобы выстоять и победить — совершить очередной подвиг, который, скорее всего, никто и не заметит; не воспоет его, не напишет о нем ни поэмы, ни даже репортажа в многотиражку.

Подвиг строителя повседневен, к нему не готовятся заранее, а просто работают многие годы. И когда потом люди поражаются величю возведенной гидростанции, или города, или небывалого еще завода, имя построившего теряется среди тысяч и тысяч равнозначных имен. И тут ничего не поделаешь — славу строители делят поровну, и никто еще ни разу не потребовал, чтобы на фасаде построенного им дворца, на стене жилого дома или заводского цеха выбили бы имена тех, кто возвел этот прижизненный памятник себе. Возвел для других.

Я не знаю, почему это не делается. Существует же такая прекрасная вещь, как личное клеймо мастера. Но разве построенный «с нуля» за тридцать долгих лет комплекс Тольятти не отмечен десницей талантливейших мастеров?

Об одном из них эта книга. О начальнике дважды орденоносного Куйбышевгидростроя Николае Федоровиче Семизорове. В течение почти двух десятилетий он состоит в труднейшей должности «инженера номер один».

«ИНЖЕНЕР НОМЕР ОДИН»

Принято говорить, что «инженером номер один» на любой стройке является ее начальник. В общем-то это так. Вся тяжесть обобщенной ответственности и за дела инженерные, и за дела административные ложится на «первого». Устрашающий вес этой ответственности знает, по-моему, лишь тот, кто испытал его на себе самом. Эта огромная нагрузка давит не просто на плечи человека — они могут быть достаточно широкими и могучими, — но и на душу его, на сердце, на совесть. И болит душа за неделанное; им ли самим или кем-то другим, какая разница?

В уверенности этого человека, в неизбывной его энергии, в неутомимости (а вернее — в умении скрывать от всех смертельную порой усталость) в известной степени черпают силы работающие с ним люди.

Напряжение, растянутое на долгие годы. Пока еще не существует строек, работающих без напряжения; хотим мы того или нет, а напряженность — естественное состояние любого, большого по масштабам и важного по целям строительства,

Есть такое понятие: знакопеременные нагрузки — то в одну сторону тебя потянет, то в обратную. Самый прочный металл устает от них и начинает сдавать. А вот человек держится. Не всякий, конечно...

Восемнадцатый год возглавляет Куйбышевгидрострой Николай Федорович Семизоров. Я не перестаю удивляться этому человеку, хотя он и не первый, достойный удивления, начальник Куйбышевгидростроя. Иван Васильевич Комзин, Виталий Яковлевич Кан были и остаются незаурядными людьми и талантливymi руководителями. История Куйбышевгидростроя не мыслится без тех дел, которые были ими задуманы, выношены и воплощены в жизнь на разных этапах грандиозной жигулевской эпопеи.

А вот все, что делается Семизоровым, — уже не только история, но и день сегодняшний и завтрашний, ибо Куйбышевгидрострой всегда отличался своей страстной устремленностью в будущее. Именно страстность, азартная увлеченность делом типичны для истинных гидростроевцев вообще и для Семизорова в частности.

Эта хорошая одержимость была как бы запрограммирована с первых дней существования коллектива и с годами стала его сутью. Отсюда и объяснение всех чудес, что произошли на жигулевской земле за прошедшие тридцать лет.

— Построить сотни промышленных предприятий, в большинстве своем уникальных, большую химию, машиностроительные гиганты, два города, ВАЗ, Тольяттинский азотный! В такие сроки? Нет, это чудо!..

Подобные фразы, украшенные многими восклицательными знаками, произносились не раз, что вполне закономерно. Люди видели результат титанического труда, а сам труд был скрыт от них временем. К тому же они не знали тех, кто воплощал замысел в реальность. Конечно, все построенное есть результат реализации проектных решений;

но проект всего лишь руководство к действию, он должен осмысливаться творчески, и в данном случае его осмысливали люди, рожденные быть инженерами.

Академик, Герой Социалистического Труда Николай Васильевич Разин, Герой Социалистического Труда Алексей Иванович Трегубов, Дмитрий Владимирович Еремеев — кавалер трех орденов Ленина... Их опыт «главных», соединенный воедино, представляет собой самостоятельную школу инженерной мысли, причем блестящей инженерной мысли. Думаю, что не вдруг удастся найти пример более полного сочетания инженерной теории с инженерной практикой.

Стоит ли доказывать, насколько судьба любого строительства зависит от того, каков главный инженер. И когда оглядываешься сейчас на вереницу уходящих в прошлое лет, отчегливо начинаешь понимать цену спокойной мудрости Разина, неутомимого трегубовского поиска, всеобъемлющего инженерного видения Еремеева.

Главные инженеры... Именно — главные. Без них не просто трудно, а невозможно быть «инженером номер один» — начальником строительства. Если взаимоотношения этих людей чисто служебные и регламентируются только должностной инструкцией, вряд ли по-доброму пойдут дела на стройке, как бы сами по себе ни были хороши два эти человека.

Не помню уж, кто сказал, что на Куйбышевгидрострое в этом сочетании не было стремлений к сольным партиям, преобладал дуэт, хотя оба исполнителя каждый раз являлись первоклассными солистами. В данном случае личное неотделимо от общественного.

Рассказывая о Николае Федоровиче Семизорове, человеке необычном (хотя и внешность его и манера держаться с людьми, порой очень разными, от рядового рабочего и до министра, словно подчеркивают: я самый обычный,

ничем не выделяющийся человек), необходимо, конечно же, вернуться к истокам его биографии.

Итак, 1950 год. Окончив Новочеркасский политехнический институт, Николай Семизоров приехал на Куйбышевгидрострой.

«Оформить на должность прораба»...

Такова была резолюция на документе, в котором фамилия «Семизоров» впервые сочеталась со словом «Куйбышевгидрострой».

Потребовалось неполных двенадцать лет для того, чтоб вышел в свет другой приказ, где эта фамилия впервые была связана с должностью: «Начальник управления Куйбышевгидростроя».

Всего двенадцать лет. И еще семнадцать — в этой труднейшей из всех должностей, какие только можно отыскать в необъятном штатном расписании Куйбышевгидростроя.

Самому как-то трудно поверить, что половину своей жизни мы с Семизоровым прожили, зная друг друга. Нас связывала дружба, связывали общие интересы, сосредоточенные в одной точке, как в фокусе. Да, на школьном глобусе Тольятти — это лишь точка. Но для нас и для сотен тысяч других людей то была точка приложения главных сил. Тех самых, что складывались из профессиональных знаний, опыта, умения верить в себя и в дело, за которое взялся раз и на всю жизнь...

С Семизоровым мы ровесники, и начало нашего пути во многом схоже: школа, война, госпитали и только потом уже институт.

На память о войне осталась Семизорову тоненькая книжечка удостоверения инвалида Великой Отечественной да ранняя седина в густой темной шевелюре.

А еще осталась — и, мне кажется, это тоже от нее, от войны — органическая неприязнь к любому насилию. На-

силию над волей, над мнением, над чувством другого человека.

В свое время приходилось слышать слова о том, что излишне мягок Семизоров, не совладать ему с таким громадным — под сто тысяч! — с таким сложным, в чем-то даже своевольным коллективом. Сомнут, мол, на первом же крутом повороте, сомнут.

Не знаю, чего больше было в подобных словах: непонимания главного, что заключено в этом человеке, неуважения к праву каждого быть таким, каков он есть?

Много было в истории Куйбышевгидростроя «крутых поворотов»; еще больше было ситуаций, в которых могут и смять и снять. Но всякий раз чувствовал Семизоров возле своей руки могучую руку коллектива. Того самого — громадного, сложного и в чем-то порой своевольного. В этом коллективе он вырос. От рядового прораба до начальника управления, объединяющего четырнадцать крупных трестов. И все эти годы Семизоров оставался и остается самим собой. За его мягкостью и непоказной добротой к людям всегда стоит твердая воля высокопринципального человека. Он умеет верно любить и мужественно сражаться за свою любовь. В этом растянувшемся на годы сражении неизбежно забывается такая мелочь, как лишний час сна. Но до чего же дорог бывает этот час в тяжелую пору борьбы, когда неумолимые перегрузки грозят сломить волю, заставить отступить, махнуть рукой на все.

Кого-то может удивить такое сопоставление несравнимых величин: сложнейший комплекс уникальныхстроек и какие-то шестьдесят минут сна!

Как часто забывается, что жизнь любого человека, кем бы он ни был, состоит не только из производственных побед и поражений, но наряду с этим из самых простых и будничных событий: вовремя съеденного обеда, спокойного сна, не прерываемого телефонными звон-

ками, и хотя бы одного дня в неделю, когда можно оторваться от всех срочных и не очень срочных дел, если не мыслями оторваться, то... то просто уйти от них в лес и побродить по нему, шурша палыми листьями, выпугивая из облетевших кустов бересклета длинноносых вальдшнепов.

Когда я вижу серое от усталости и тревог лицо Семизорова, его торопливую скороговорку, брошенное с досадой: «Опять, мужики, дела у нас вкось идут...» — мне хочется крикнуть: «Слушай, давай уйдем отсюда на час. Вон он, лес — рядышком. Походим, помолчим, послушаем, как свистят прилетевшие уже дрозды...»

Он веселый и открытый человек. И бесхитростный. Он рассмеется и махнет рукой.

— Дрозды — это здорово, — и посмотрит выжидающе. — Ну, что там у тебя, давай...

Я мог бы подробно изложить его биографию, перечислить высокие награды и звания. И, в общем, сложился бы довольно парадный портрет крупного и вполне благополучного руководителя.

А он-то весь как раз в неблагополучности, в неуспокоенности, в недовольствии из-за того, что еще очень мало сделано. И совсем не так хорошо, как хотелось бы. В этом основное зерно его неназойливо беспокойной натуры, его сугубо государственного подхода ко всему, большому и малому, будь то решение сложнейшего технического вопроса или разговор с древней старушкой, пришедшей к нему в неурочное время на прием, как к депутату Верховного Совета России.

Я никогда не спрашивал, был ли он отличником в школе. Скорее всего, не был, не тот характер. Но школу мужества и любви, эту главную школу Куйбышевгидростроя, он закончил в числе золотых медалистов. Потому что нельзя успешно работать на Куйбышевгидрострое,

не любя все то, что делаешь и что делают далекие и близкие твои товарищи. Нельзя просто отдавать «рабочее время». Кто не поймет этого, тот будет бесцеремонно отброшен в сторону стремительным бегом событий. Или полюби, или уйди со стрежня в тихую заводь, благо их еще хватает на земле.

Нельзя успешно руководить Куйбышевгидростроем, не будучи человеком мужественным. Такое многозначное понятие — мужество. Уметь говорить себе и людям правду, не боясь обидеть этой правдой. Страшнее обидеть правду. Уметь взять в решающий момент на свои плечи такой груз, который минуту назад казался непосильным.

Когда в главном корпусе ВАЗа сложилось угрожающее положение с кранами и стало ясным, что утвержденный проект организации работ не отвечает требованиям реальной обстановки, Семизоров попросил в министерстве выделить дополнительно тридцать пять гусеничных кранов. Ему отказали. Тогда он потребовал сделать это. Ему снова отказали. Тогда он добился приезда на стройку заместителя министра. И вновь отказ.

— Надо рациональнее использовать имеющиеся краны, — сказали Семизорову.

Кажется, все. Следовало отступить. Краны не спичечные коробкí, из кармана их не вынешь; кроме того, ВАЗ была не единственной стройкой в Министерстве энергетики и электрификации СССР. Благоразумие подсказывало: лучше бы отступить. Благоразумные советовали: настаивать рискованно. Это была чистая правда.

И все же Семизоров не отступил. Во имя любви к тому, что делал. Он противопоставил чужому благоразумию свое мужество. И тогда приехал министр. Он ходил по ночной грохочущей стройплощадке и слушал, что ему говорили, не подозревая, что перед ними министр. Рабочие, бригадиры, прорабы, народ решительный и горя-

чий, формулирующий свои мысли без дипломатических ухищрений. Это и был тот самый сложный и в чем-то своевольный коллектив, который не боялся ничего на свете. Даже министра.

И, придя в гостиничный номер, усталый министр дозвонился до нужного ему человека в ночной Москве.

— Сколько в следующем месяце ты получишь автокранов? — спросил он начальника главка.

И, нетерпеливо выслушав ответ, сказал голосом, не допускающим возражений:

— Тридцать отдашь Семизорову. Я сказал — тридцать. Все!..

Это была самая желанная награда за мужество во имя любви...

По-моему, одной из самых наибольших ценностей, созданных Куйбышевгидростроем, является тот дух доброго и одновременно взыскательного товарищества, которым во все времена отличались взаимоотношения строителей. Это обусловлено многими факторами: трудной работой, многолетним сотрудничеством, единством профессиональных интересов и, несомненно, особым воспитанием, культивированием чувства взаимопонимания, взаимовыручки, патриотизма. Такое воспитание — плод длительной и умной работы партийных организаций Куйбышевгидростроя, его руководителей, его ветеранов.

Дух товарищества, старой, проверенной в испытаниях дружбы никогда не приводил к взаимной снисходительности, к всепрощению, нетребовательности.

Общеизвестны душевность и добрый нрав Николая Федоровича Семизорова. Он ни за что не позволит себе грубо оборвать, обидеть человека, унижить его, но в то же время никому не простит небрежности, делячества

или лжи. Противник репрессивных мер, Семизоров обязательно вступает в борьбу за человека, пытается помочь ему преодолеть ошибки, найти себя, чтобы стать куйбышевгидростроевцем не только по записи в трудовой книжке. Только в самых исключительных случаях приходил Семизоров к решению расстаться с тем или иным работником.

Так год от года складывалась особая деловая атмосфера, в которой, несмотря ни на какие моральные и физические перегрузки, легко дышалось. На различного рода совещаниях могут бушевать страсти, может идти горячий спор, отстаиваться крайние точки зрения — все это для дела, для того, чтобы завершить его быстрее и лучше. Спор идет на равных, никто не давит авторитетом, не обрывает категорично брошенной фразой:

— Ну, в этом мы и без вас как-нибудь разберемся!..

Единственное, что не прощается — легковесность суждений и многословие, за которые обычно прячется либо бездельник, либо некомпетентный человек.

— Все ясно, — скажет таким Семизоров. — На печи, конечно, хорошо пахать, да заворачивать больно уж круто. Так что давайте, мужики, конкретно, а литературным творчеством займемся в свободное время...

Каждый инженер, если он инженер, обязан в совершенстве знать и понимать все, входящее в число порученных ему дел. Ну, а «первому» приходится знать вообще все и за все отвечать.

Бывает специфика профессии, бывает специфика должности. Об этом мы однажды говорили с Семизоровым.

— Иной раз устанешь, свет не мил. В пору размагнититься, да нельзя! Не потому, что на мне все держится, чепуха это, стройка держится на тысячах и тысячах, да только я ведь на виду у них. Поэтому надо устоять, сколь трудно ни пришлось бы, и рукава всегда должны

быть засученными. Не то, знаешь, в народе поговорка есть: когда поп сидя обедню служит, приход лежа молится,— Семизоров засмеялся.— А вообще-то жаловаться грех — с такими золотыми мужиками в одной упряжке состою, любой воз вытянуть под силу...

Умение гордиться подчиненными — одно из самых счастливых умений. Ты главный у них, а они, все вместе, главные у тебя. И нет на свете ничего такого, что не покорилось бы этой объединенной силе...

Люди любят сравнивать. В сравнении познается истинная цена явления, поступка, личности. Все это так. Но иной раз пытаются сопоставить то, что не подлежит сопоставлению. У меня всегда вызывают внутренний протест разговоры вроде:

— А вот знаете, сравнивая Ивана Васильевича Комзина с милейшим нашим Николаем Федоровичем...

Ни к чему не ведут подобные сопоставления. Разное время, разный не только стиль работы, но и сам подход к существу дела, которое стояло перед людьми, ошеломляя их своими размерами, сложностью, непохожестью на все то, с чем им приходилось встречаться ранее.

Широкая, неумемная натура Ивана Васильевича, его многие, порой такие неожиданные таланты — от литературного и актерского до таланта заражать людей смелыми, порой связанными с большим риском идеями. Он умел оглушить, доказать правоту того, что еще недавно казалось нелепым, умел искренне восхищаться человеком.

Никто не оставался равнодушным к Комзину; чувство равнодушия немедленно угасало, соприкоснувшись со всем тем, что составляет разноцветный и громкий мир этого необычного человека...

В судьбе Николая Федоровича, как, впрочем, и в судьбе любого ветерана Куйбышевгидростроя, личность

Комзина оставила глубокий и яркий след. Иван Васильевич всегда отличался умением верить в потенциальные возможности окружающих его людей и старался эту веру утвердить в других. Она была порой чисто интуитивной, но Комзин не боялся ошибиться, разочароваться в человеке, в которого поверил. И, надо сказать, ошибок было не так уж и много, жизнь доказала это.

И в том, что через самое короткое время, на только что начинающейся, полной неизбежной сумятицы стройке был замечен среди десятков других молодой инженер Николай Семизоров, вчерашний студент Новочеркасского института, мне видится отражение постоянного комзинского поиска увлеченных, самоотверженных, перспективных людей, «строителей божьей милостью», как любил повторять Иван Васильевич.

Официальным документам чужды эмоции. Язык их лаконичен и, в общем-то, сух. Даже если в деловых бумагах говорится о событиях, которые не могут не взволновать людей. И я уверен, что, подписывая документы, связанные с представлением Николая Федоровича Семизорова к первой его правительственной награде, начальник стройки Комзин, вчитываясь в официальные фразы, и волновался и радовался одновременно. Как всегда волнуется и радуется человек, убеждаясь в правильности своих надежд...

Высокие награды мирного времени и рядом с ними — медали военных лет. Они были получены совсем еще молодым человеком, солдатом Великой Отечественной войны и остались для него вечной памятью о боях и ранах.

Раны тоже память, они болят к ненастью, напоминают о себе. И не только о себе, но и о времени, неумолимо несущемся вперед.

«Чуть помедленнее, кони, — поется в песне, — чуть помедленнее! Умоляю вас вскачь не лететь...»

Семизоров вслушивается в причудливое сочетание слов, согласно качает головой.

Да, три с половиной десятилетия минуло уже с того дня, когда на выщербленных пулями стенах рейхстага писали русские солдаты свои имена. И имена городов, откуда они родом.

«Иванов — Пенза».

«Владимиров — Ульяновск».

«Елагин из Саратова»...

Николай Федорович не участвовал в штурме Берлина, и подписи его нет на рейхстаге. Но старинную казачью фамилию — Семизоров — все же можно найти среди тысяч других фамилий, покрывших стены, колонны и парапеты поверженной цитадели германского фашизма. Ее мог написать отец Николая Федоровича или кто-нибудь из земляков, кому выпала доля уцелеть и дойти по дорогам войны до самого конца.

Воспоминание о рейхстаге не случайно, и связано оно с историей, казалось бы, не имеющей никакого отношения к событиям последней военной весны.

Давали тепло в чугунолитейный цех ВАЗа. Работа была напряженной по срокам и по той степени ответственности, о которой никто не забывал ни на минуту — от начальника Куйбышевгидростроя до монтажников в бригаде. Все было рассчитано, все учтено, взвешены все варианты, найден оптимальный. С инженерной точки зрения все шло безупречно, но... Но неожиданно для всех ударил тридцатиградусный мороз. Работу пришлось остановить.

Не дать тепло в цех — это значило отодвинуть начало монтажа оборудования, поставить под угрозу срок сдачи самого цеха и в конечном счете — всего завода.

Люди не уходили домой. Ждали, чтоб мороз уступил

им хотя бы пять-шесть градусов. И когда термометр показал наконец минус 25, монтажники возобновили сварку трубопроводов. Варили без отдыха целые сутки и только закончили — температура вновь резко упала. Но теперь уж мороз не был страшен строителям.

Могут сказать: подумаешь, да таких эпизодов в биографии Куйбышевгидростроя тысячи!

Это так. И все же в памяти у многих осталась серая, свежоштукатуренная стена, на которой рабочие, уходя на новый объект, написали:

«Здесь стояли насмерть монтажники:

Иванов — Пенза.

Владимиров — Ульяновск.

Вдовин из Москвы...»

Это были молодые ребята, никто из них не видел войны. Но право достойно наследовать фронтовое, солдатское умение выстоять в любых, самых трудных обстоятельствах, выстоять и победить — было ими доказано в ту суровую, морозную зиму.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ СТРОЙКА?

Каждый ответит на этот во-
прос по-своему:
С проекта...

С первой дороги... С первой палатки... С первого кубометра
вынутой земли... С мечты...

Когда начиналось строительство Куйбышевского гид-
роузла, о городе и заводской его стороне не мечтали.
Просто не наступило еще время красивых, разноцветных
городов. Люди радовались любому жилью, его остро не
хватало, и росли вдоль свежесрубленных просек цепоч-
ки примитивных времянок, сбивались в маленькие посел-
ки со случайными названиями.

Сегодня недобрым словом поминают тех, кто дал жизнь
этим разрозненным поселкам строителей. Их очень труд-
но сейчас свести в единый город со строго организо-
ванным архитектурным обликом.

— Все это настроили здесь те, кто не смотрел дальше
своего носа! Не умел мечтать!

Несправедливые слова. Мечтать умели. В непролаз-

ных кочкарниках волжской поймы видели синий разлив моря. В хаотическом нагромождении развороченной земли — плавные линии плотин, здания гидростанции, ниток плузов. До поздней ночи спорили о будущем совсем еще молодые, полные дерзких замыслов люди.

И главным среди самых завзятых мечтателей и спорщиков был этот высокий, сильный, громкогласный человек. По-разному можно сегодня оценивать роль Ивана Васильевича Комзина во всем том, что создано у Жигулей. Можно отвести ему в истории Куйбышевгидростроя строго отсеченное датами время: 1950 год, когда было решено строить Куйбышевскую гидроэлектростанцию на реке Волге и год 1958-й, когда Комзин уехал вместе с другими гидростроевцами в Объединенную Арабскую Республику строить Садд аль-Аали — высотную плотину на Ниле.

Можно. И с точки зрения работника отдела кадров это будет совершенно правильно.

Но разве жизнь человека, особенно человека страстного, азартного и деятельного, удавалось когда-нибудь уложить в строгие рамки анкеты? Ему тесно в аккуратно расчерченных графах. В них не втиснуть все сделанное, пережитое, передуманное первым начальником Куйбышевгидростроя.

«Меня жизнь не баловала. И мерз, и недоедал, и терпел поражения в деловых спорах, и мучился собственным невежеством, и рисковал, и преодолевал смертельную усталость, сидя долгими, бессонными ночами над книгой. Но я мерз, добывая тепло, недоедал, создавая изобилие. Тяжело переживал ошибки, учась работе точной и безошибочной. Терпел поражения, чтобы завтра победить, мучился невежеством, жадно поглощая новые знания. Рисковал, привыкая действовать наверняка, преодолевая усталость, набирался сил...»

Он напишет эти слова в своей книге о счастье строителя, напишет их не в день своего приезда в Жигули, а спустя семь лет. Очень трудных для него и для всех тех, кто был рядом с ним. Эти семь лет стоили целой жизни.

А жизнь свою Комзин начинал в Москве, в отряде ЧОН Рогожско-Симоновского района. Потом вступление в первую пятилетку, как в первый класс социалистической индустриальной школы. Он и по сей день состоит в этой школе. Только уже не учеником...

В то напоенное романтикой время вся страна жила вестями с Урала, Волги, Сибири и Украины.

— Даешь Харьковский тракторный!..

— Даешь чугуны Магнитки!..

— Даешь Кузнецкстрой!..

По всей стране гремели молодыми буйными голосами комсомольские собрания, слеты, диспуты. И среди участников этих шумных форумов — недавний питомец высшего инженерно-строительного училища Иван Комзин.

Так начиналась биография...

— Здесь на Куйбышевгидрострое, — любил повторять Иван Васильевич Комзин, — мы продолжаем начатое четверть века назад, в годы первой пятилетки. Мы строим, учимся, учим.

Вечерний гидротехнический техникум был открыт на стройке через три месяца после создания Куйбышевгидростроя.

Вечерний политехнический институт — через полгода. Одним из первых его профессоров стал Иван Васильевич Комзин...

Гидроузел возводила молодежь. Дипломированный инженер с трехлетним стажем считался бывалым «зубром». Но «зубров» не хватало. Не хватало и «незубров». Мне

трудно сказать, что было более любимым детищем Комзина, за что больше болел он душой: за будущее плотины, здание ГЭС, шлюзы или за институт.

«Почти каждого из тысячи семисот пятидесяти наших студентов я знаю и как начальник строительства, и как профессор института. Знаю, помню, какими они пришли, как работали, учились, выросли, знаю со всеми их переживаниями и волнениями, невзгодами и радостями...

Четыре года я читаю лекции и заведую кафедрой. Это нелегко, конечно, для начальника строительства, члена нескольких партийных комитетов и... отца семейства. Но, читая лекции, я ведь и сам учусь, безбоязненно и откровенно разбирая со студентами промахи и ошибки нашей практики...»

Мне нравилось ходить на лекции Ивана Васильевича. Он читал курс организации производства гидротехнических работ. Читал блистательно, артистически, завораживая слушателей, заставляя их забывать о звонках. Порой лекция перерастала в своего рода производственное совещание, со спорами, критикой, нападающими и оправдывающимися. Очень часто объектом критики становился сам Комзин. Ведь в его аудитории сидели прорабы, бригадиры, начальники участков, мастера. Они на своей спине чувствовали, что это такое — расхождение теории с практикой. А Комзин воплощал в своем лице и практику — как начальник стройки, и теорию — как профессор.

Во время одного из наших разговоров с Семизоровым я задал ему вопрос о том, какую роль сыграл в его судьбе Комзин.

— Да как бы тебе сказать... — задумался Николай Федорович. — Напрямую мы ведь нечасто общались. Особенно в первые годы моей работы на гидрострое. Ка-

кие там могут быть прямые связи у прораба или даже у главного инженера участка, которым я стал полгода спустя, с начальником строительства? Я для него оставался одним из очень многих, ну, а он, конечно, был у всех у нас на виду, это дело понятное... Знать бы, что стану со временем начальником Куйбышевгидростроя, вот тогда б, конечно, приглядывался к Ивану Васильевичу с особым пристрастием. Да разве думалось об этом? Ты же помнишь, как работали: день не день, ночь не ночь — здесь бы свои дела умять по-доброму, за чужими углядывать недосуг было... И все же, если говорить всерьез, то влияние личности Комзина не только на меня, но и на всех нас, молодых инженеров начала и середины пятидесятых годов, было огромное. Поражала сила этого человека, его увлеченность, какое-то лихое умение с ходу, смело рубить самые запутанные гордиевы узлы. Его стиль, его манера и, если хочешь, хватка очень точно соответствовали стилю самого времени, а это немаловажно. В первую очередь он, Иван Васильевич, сумел привить нам чувство громадной любви к этой стройке, к нашей стройке, которая для стольких из нас стала стройкой на всю жизнь. Патриотизм — великая штука! Патриот своего коллектива — это всегда человек, на которого можно положиться в любом трудном, очень трудном, чертовски трудном деле. Положиться и знать: не побежит, не заноет, не спрячется за спину объективных причин, а их всегда уйма, кого хочешь с головой скроют. И не предаст, понимаешь, не предаст общее дело. Стройка, она обязательно общее дело, в одиночку лишь воздушные замки строят да карточные домики...

И вспоминая те далекие, ушедшие уже в историю годы, когда Куйбышевгидрострой только еще пробовал по-настоящему свои силы, определял, на что способны люди, из которых складывался его коллектив, я стал искать

примеры этого конкретного патриотизма, когда во имя любви к своему делу, к своей стройке шел человек на тяжелые, изнуряющие испытания. Шел сознательно и держался до победного конца.

— Интересно...— сказал Семизоров.— Вот так за заботами да хлопотами недосуг бывает задуматься, вспомнить, сопоставить. Нужное это занятие, между прочим, эх и нужное! В известной степени любое воспоминание есть не что иное, как обобщение жизненного опыта. Своего ли, чужого, суть не в том. Сиюминутное дело не дает возможности обобщить, оценить совершенное тобой, положить его в копилку опыта. Расстояние требуется, время. И немалое. Да только вот не всегда мы, спустя годы, удосуживаемся помозговать малость, поразмыслить да и опустить в ту копилочку еще одну, заработанную когда-то немалым трудом монетку... Помнишь историю с земснарядами в правобережных карьерах?

— Помню... Писал когда-то о ней. Возможно, потому и запомнилась мне давнишняя та история.

— Поучительная, кстати,— сказал Семизоров.— Даже не столько для гидромеханизаторов, сколько для нашего брата, руководителя. Ты бы рассказал о ней в книге, напомнил бы...

РАССКАЗ О НАЧАЛЬНИКЕ
ЗЕМСНАРЯДА № 306
ВИКТОРЕ МИХАЙЛОВЕ

Беда — короткое, много таящее в себе слово. Она пришла к Виктору Михайлову, как всегда, неожиданно. Впрочем, кто знает, может, это вовсе и не была беда, а просто большой и серьезный жизненный экзамен.

Когда Виктор с частью своей команды еще только собирался в далекий путь от Цимлянского гидроузла к Жигулям, его громкая слава одного из лучших гидромеханизаторов страны уже успела долететь до Куйбышевгидростроя. Еще бы — командир земснаряда № 306, того самого, о котором писали газеты, большие и малые, местные и центральные!

И вот теперь Виктор Михайлов вместе со своими друзьями-волгодонцами приведет к Жигулям караван мощных «тысячников». Они станут намывать плотину гидроузла, уложат в ее тело миллионы кубометров волжского песка.

Земснаряды шли через волго-донские плюзы, поднимались мимо Саратова и Куйбышева, входили в Жигулевские ворота; над ними сновали черноголовые чайки, им гудели встречные буксиры, и жители прибрежных деревень высыпали на берег, чтобы подивиться на невиданные суда.

А в это время в кабинетах управления Куйбышевгидростроя вынашивалась смелая мысль: применить земснаряды не только на намыве плотины, но и на выемке грунта из котлована будущей гидростанции. Идея нашла поддержку у главного инженера стройки, и вскоре после прибытия на место земснаряд Михайлова стал в забой у обрывистого правого берега Волги.

В управлении строительства учли все, вплоть до размеров будущих премий за рационализацию производства и сокращение сроков строительства. Неучтенным остался только грунт волжского дна — вязкий, тяжелый ил, на разработку которого не были рассчитаны фрезы земснарядов.

Шли дни, и каждый из них стоил недели. Земснаряды тщетно вгрызались фрезами в неподатливое дно реки и гнали почти что чистую воду.

— Одним концом Волгу качаем, другим концом ее же поливаем! — невесело шутила команда.

И вот тогда остановился Виктор на развилке двух дорог. Куда идти? Можно и впредь продолжать качать воду и по три раза в день латать тросы папильонажных лебедок, тросы толщиной в руку, которые рвались, как нитки, от тщетных усилий «дать грунтишко». В конце концов не он в ответе за вздорность всей этой затеи. Его дело маленькое: где поставили в забой, там и стой, а высокое начальство пусть наперед думает получше. Но нельзя же, черт возьми, равнодушно взирать на то, как бесцельно уплывают народные деньги, уплывает то, что дороже всяких денег — время.

— Не строим, а дурака валяем!..

По какой из дорог идти? Как решиться на долгую и неравную борьбу? Что стоит его мнение — мнение студента всего лишь первого курса вечернего института — по сравнению с мнением умудренных опытом авторов идеи использования земснарядов на правом берегу Волги? По сравнению с авторитетом самого главного инженера строительства!

Лезли в голову разные мудрые изречения, древние, как скифские курганы, и именно поэтому такие убедительные, — все эти бесконечные: «плетью обуха не перешибешь», «сила солому ломит» и так далее...

Но чем больше задумывался Виктор, тем увереннее он приходил к мысли, что надо еще разобраться в том, где сила и где солома. То, что он прав, это совершенно ясно, ну, а правый не может не быть силой.

И Виктор Михайлов начал борьбу. Она была долгой и очень нелегкой. Он столкнулся с упрямым упорством людей, не желавших сказать честно:

— Мы ошиблись...

Нет, они стояли на своем. Они ополчились на Михай-

лова, объявили его маловеером, рутинером, дезертиром и трусом. Ему пришлось уйти с земснаряда. Но, несмотря на все, он не сдался и продолжал доказывать, что применение земснарядов в условиях котлована Волжской ГЭС по меньшей мере техническая нелепость.

Пожалуй, именно тогда, в 1952 году, родилась у него мечта о создании принципиально новой фрезы, которая могла бы разрабатывать тяжелые грунты.

Восемь лет вынашивал он эту идею. Восемь лет труда и поиска, пока, наконец, не появилось авторское свидетельство, выданное на имя инженера Михайлова и его соавтора Виктора Жученко. Свидетельство подтверждало создание ими фрезерно-гидравлического разрыхлителя для землесосных снарядов, разрабатывающих глинистые грунты.

А тогда, в пятьдесят втором, были короткие дни, полные споров, обид и поражений, и длинные ночи мучительных раздумий. Виктор не был одинок в своем упорстве, и это укрепляло его веру в правоту начатой борьбы.

Но, пожалуй, больше всего волновался он, когда главному инженеру стройки все-таки пришлось в конце концов согласиться с доводами противников «новаторской идеи», и земснаряды были выведены из правобережных забоев.

Причем волновался Виктор по пустяковой на первый взгляд причине.

«А вдруг я буду злорадствовать?! — с тревогой думал он, видя, как от Жигулей отходят суда.— Вдруг...»

Этого не случилось. Просто все его существо наполнилось громадным чувством облегчения. Он не перешагнул через свою совесть. И, выбрав беспокойную дорогу, выполнил свой долг, сделал, возможно, небольшое, но правильное дело...

— С этого и начинается любая стройка,— сказал Семизоров.— С борьбы. Обязательно с борьбы за самоутверждение! И стройка самоутверждается, и каждый из нас на ней... История с Виктором Михайловым утвердила не только его и тех, кто поддержал борьбу против технически неграмотного решения. Она помогла одним понять и взять на вооружение истину: если прав — дерись и не отступай от своего. Другим — уяснить не менее важное: ежели неправ, то будь мужественным признать это сразу, а коли будешь упираться, как козел, то сломают тебе рога, и все дела. К тому же память о тебе останется неважная, а это тоже деталь не из приятных... Надо сказать, что первым тогда на сторону Михайлова встал именно Комзин. Думаю, непросто ему было принять такое решение... Да, стройка начинается с борьбы. И продолжается с нею. Не верю я в гладенькое течение событий, в безконфликтную жизнь строителя любого ранга. Если бы и была такая, боюсь, заскучали бы мы, как скучаешь иной раз в кинозале на фильме о выдуманной жизни...

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ КНИГА?

— С рассказа о борьбе, с чего ж еще?..

Так начался наш разговор с Николаем Федоровичем Семизоровым о книге, которая, в общем-то, должна быть посвящена его жизни.

— Что значит: «книга о моей жизни?» — не понял он. — Книга о жизни людей, с которыми я много лет в одной упряжке, — это дело другое. Это, наверное, интересно. А сам я по себе, ну что? Ну, обычная тема для изложения в автобиографии, которая в личный листок по учету кадров вкладывается, и не более того.

— Скромность, конечно, черта прекрасная... — начал было я.

— При чем здесь скромность или нескромность? — пожал плечами Семизоров. — Мы с тобой толкуем о книге, о том, с чего она начнется, чем продолжится. Вот я и говорю. С рассказов о людях, без которых нет меня и быть не может. С рассказов о борьбе, которую вели и ведут эти люди во имя основного дела нашей жизни — во имя стройки. И нет у нас ничего дороже ее.

— Но ведь этих людей — сотни! Какой там сотни — тысячи! За столько-то лет!

— Это ты прав — лет прошло много. И быстро-то как! Страсть как быстро... Помнишь, в детстве, читая Дюма, представляли себе: десять лет спустя — батюшки! Целая вечность — десять лет! А двадцать лет спустя, так и вообще не ощутить, сколько это. Две вечности... А теперь вот сидим с тобой и говорим без малого тридцать лет спустя о том, как начинался Куйбышевгидрострой. Черт те что наворочать успели, а все словно за три года пролетело, и не заметили. Так ведь?

— Так, — соглашаюсь я. — Всё так... И лет много прошло, а людей за это время встретилось в сотни раз больше. О всех хочется вспомнить, но о всех не получится.

— Ну, это твое дело, авторское. Как определить степень важности того или иного события в нашей биографии, когда она тесно переплетена с биографиями очень многих людей, с биографией времени и самого дела, объединяющего всех нас единой судьбой?.. Есть, конечно, люди, которых никак не обойдешь вниманием, — каждый куйбышевгидростроевец, перебирая события собственной жизни, обязательно коснется этих имен. Александр Сергеевич Мурысев, Иван Васильевич Комзин, Александр Петрович Александров, Сергей Павлович Карцев вместе со всей плеядой замечательных землекопов Куйбышевгидростроя. Они всегда начинали с нуля, землекопы, в течение всех лет. Им тяжелее других приходилось. Вот с них ты и начни, пожалуй...

РАССКАЗ О ЗЕМЛЕКОПЕ
СЕРГЕЕ КАРЦЕВЕ

Пришел человек по имени Землекоп. Труд этих самоотверженных людей невидим тем, кто приходит сегодня полюбоваться величественной панорамой Куйбышевского гидроузла, или Волжского автозавода, или Тольяттинского азотного гиганта. Бетон, стальные конструкции, синева остекленных проемов, глянец керамики — это те составляющие, из которых складывается облик всего построенного в Жигулях. А земля, она спрятана под асфальтом, под газонами, под зеленым ковром дерна; рытая-перерытая, много раз перемещенная земля — труд землекопов, скрытый от нас ушедшими в прошлое годами.

Да, землекопы приходят первыми и чаще всего первыми покидают стройку. Не все, конечно. Некоторые связали с Куйбышевгидростроем всю свою дальнейшую жизнь, потому что не было у этой великой стройки последнего года и никогда не будет.

Они любят, когда их так называют — землекопы. Даже гордятся. И впрямь, это одна из самых почетных профессий на любой стройке, а уж на Куйбышевгидрострое и подавно.

Все начинается с земли, с котлована. Миллионы кубометров грунта надо вынуть, переместить, отсыпать заново, утрамбовать. Это очень тяжелый труд. И не только потому, что громадны объемы работ, которые предстоит выполнить. Сама технология, организация этих работ сложна, как правило, очень малы сроки для их выполнения.

Ушли в историю люди с лопатами. Это славная, героическая история, это Магнитка и Комсомольск-на-Амуре,

Волховская ГЭС и Турксиб. Обычную лопату с отполированной твердыми ладонями рукояткой заменили многокубовые ковши экскаваторов. Нет больше грабарок; вместо них у забоев выстраиваются вереницей кургузые самосвалы.

— И все равно мы — землекопы, — говорил мне Сергей Павлович Карцев. — Землю копаем? Копаем. А чем — это уже подробности, присущие данному времени. Ты думаешь, лопатой землю просто копать? Я не о физической трудности, я о сноровке. Настоящий землекоп, он землю, как хлеб, режет — ровно, красиво, экономит на движениях. У него ни натуги, ни суетливости, работает, точно песню поет. Ну, а когда речь об экскаваторе заходит, тут, мальчик мой, и подавно сперва мозгами раскинуть следует, а потом уж и за рычаги хвататься. Если ты лопатой бестолково машешь, убыток одному тебе — упаришься зазря, и все. А здесь — махина! Умная, сильная, послушная. Ее вхолостую гонять — деньги из кармана сыпать. Из государственного причем...

Я любил слушать этого человека. Мне привелось говорить с ним о многом и не спеша.

— Да, мальчик мой, копать землю, валить лес, подгонять камни друг к дружке — это древнее умение человека, — Сергей Павлович Карцев значительно поднимал кверху палец. — Умения добрые, мирные, преследующие созидательные цели...

Его называли в шутку «главным землекопом» Куйбышевгидростроя. Он двигался вслед за экскаваторами, поставив свою дощатую «конторку» на полозья.

Ветеран отечественного гидростроения, человек целеустремленный и страстный, Сергей Павлович умел рассказывать о годах далеких и удивительных так, что собеседник невольно становился словно бы участником и очевидцем ушедших в историю событий.

Я инженер-гидростроитель Карцев,
Я не из хилых валидольных старцев,
Хотя мне, мальчик мой, за шестьдесят.
Давай поговорим с тобой чин чинном,
И разливай, как следует мужчинам,
В стаканы — водку, в рюмки — лимонад.
Ты хочешь, чтобы начал я мгновенно
Про трудовые подвиги, наверно?
А я опять насчет отцов — детей.
Ты молод, я моложе был, пожалуй,
Когда я, бредя мировым пожаром,
Рубал врагов коммуны всех мастей...

Мне ясно видится, как подвижный, полный энергии Сергей Павлович рассказывает поэту о своей боевой юности, о начале биографии, о жизни драматической и необычной.

Прошло время, и Евгений Евтушенко написал поэму, одним из героев которой стал большевик Карцев.

— Ты понимаешь, какая штука, — сказал Семизоров, откладывая в сторону томик стихов, — старшее поколение куйбышевгидростроевцев, ровесников Карцева, оно принесло в громадный, разнохарактерный коллектив наш непроходящее с возрастом умение весело, даже озорно как-то смотреть в лицо любым трудностям и невзгодам разным... — И добавил после паузы: — Даже тем, которых, по совести говоря, могло бы и не быть, которые возникли из-за неорганизованности, порой и растерянности перед лицом тех грандиозных задач, что вставали перед Куйбышевгидростроем.

— Вставали и встают?

— Встают и сейчас, не без этого, да я не о них... Нам, руководителям второго, третьего поколений, все-таки легче, мы аккумулировали опыт наших предшественников, если хочешь — романтический опыт. Евтушенко как раз сумел подметить эту романтичность натуры того же Кар-

цева. Вера в счастливую свою звезду, в ту самую, что с выцветшей от времени суконной буденовки, она помогала этим людям в любых, очень трудных, даже грозных ситуациях не впадать в панику, а хуже того — в уныние. Помогала искать единомышленников, людей смелых, не прячущихся за чужие спины. Вспомни, как много от такого характера было и у Комзина, и у Евеца, и, конечно, у самого Карцева...

Я ерзал: что же медлят с объявлением пожара мирового? Где же Ленин?
«Да вот он...» — мне шепнул сосед-тверяк.
И вздрогнул я: сейчас ОНО случится...
Но Ленин вышел и сказал: «Учиться, учиться и учиться...» Как же так?
Но Ленину я верил... И в шинели я на рабфак пошел, и мы чумели на лекциях, голодная комса.

Нам не давали киснуть малахольно
Маркс — Энгельс, постановки Мейерхольда,
махорка, Маяковский и хамса...

«Нам не давали киснуть»... Через всю жизнь пронесено комсомольское умение не раскисать ни при каких обстоятельствах, быть выше этих трудных, невероятно трудных обстоятельств, не подчиняться их диктату.

Как-то в разговоре о том, что было сделано Куйбышев-гидростроем за три с половиной года строительства Волжского автомобильного, Николай Федорович сказал очень, на мой взгляд, примечательные слова:

— Общеизвестно, что задачи перед нами были поставлены непосредственно Центральным Комитетом КПСС. Задачи чрезвычайно сложные, и среди многих факторов, которые помогли нам решить эти задачи своевременно и на требуемом уровне, было вот что: крепкие и добрые комсомольские традиции, бережно пронесенные через жизнь

и переданные от первого поколения куйбышевгидростроителей второму и третьему, сегодняшнему...

Да, это так. Ведь тот же Михаил Юрьевич Евец приехал в Жигули не как на очередную свою стройку — все равно, мол, где работать. Он приехал потому, что его связывала старая комсомольская дружба со многими магнитогорцами. Там, у горы Магнитной, начиналась биография Комзина, Кошелева, Ястребова, Лизунова и многих других, кто семьями, капитально, надолго переезжал в неведомое никому село Отважное, примостившееся у подножия Могутовой горы в Жигулях.

Нетронутые, заповедные места. Спокойное течение великой реки, деревянный городишко, затерянный в буйном разнотравье волжской поймы. И три десятилетия, отданных тому, чтобы древний край этот возвестил бы о себе всей стране, всему миру легендами.

Легендой о Волжской ГЭС...

Легендой о юном городе Тольятти...

Легендой о «Жигулях»...

Реальность тоже может быть легендарной. У каждой из этих легенд свое начало, а впрочем, нет, начало общее: пришел человек, умелый и сильный, по имени Землекоп.

МИХАИЛ ЕВЕЦ
И ЕГО ДРУЗЬЯ

18 февраля 1951 года экскаваторщик Владимир Колобаев вынул первый ковш земли из котлована под здание будущей Куйбышевской ГЭС. Через месяц вошел в забой экскаватор Василия Лямина; за ним «Уралец» Михаила Евца.

— В те горячие дни, — вспоминал Михаил Юрьевич, — каждый из нас старался поскорее «дорваться до земли». Ведь получали мы не готовые машины, а что-то вроде гигантских детских конструкторов. Знаешь такие — «Собери сам». Вот и собирали, стремясь как можно быстрее ввести в строй могучую землеройную технику. А потом началась у нас охота за секундами. По заводскому расчету цикл работы ковша составляет 45 секунд. Казалось бы, чего здесь мудрить — на заводе все до тонкости рассчитали специалисты своего дела, машиностроители. И тем не менее Владимир Колобаев сумел показать рекордное время — 35 секунд! А все остальные призадумались: предел это или еще не предел? Ну, что там лишняя секунда, подумаешь, — говорили нам люди, не привыкшие ломать привычное, устоявшееся. Опасный это народ, доложу я тебе. Такие и сами ни черта не сделают и другим помешают...

Евец часами наблюдал за работой экскаваторов. В свободное время приходил в забой к Лямину, Солодову, к другим. Зажав в ладони секундомер, вглядывался в каждое движение машины, искал те мгновения, которые теряет она в, казалось бы, до артистизма уже отработанных операциях.

«Надо совмещать, — думал Евец, — совмещать операции! Это единственно верный путь...»

Поворот платформы и — опускание ковша; остановка платформы и — начало его наполнения; разгрузка без «пикирования», а значит, надо найти тот оптимальный уровень, на котором будет двигаться к кузову самосвала наполненный грунтом ковш. Все очень просто и в то же время невероятно сложно. Найти потерянные на операциях секунды — это полдела, а то и меньше того. Надо суметь поймать их, эти ускользающие мгновения, от которых зависит производительность могучей машины.

Работать единым потоком, вырабатывать автоматизм

при управлении экскаватором, слить в одно целое десять движений цикла.

Михаил Юрьевич добился желаемого. Двадцать пять секунд — таков был его результат. Производительность «Уральца» увеличилась почти вдвое против расчетной.

— Вот тебе и цена секунды, — говорил Евец. — Раз! — и нет ее. А приглядишься, и выходит: каждая секунда народной копеечкой звенит, бросаться ею ни к чему нам...

Сам научился — научи другого, помоги ему. Этот девиз, родившись в первые дни существования Куйбышевгидростроя, на все его годы стал одним из основополагающих принципов коллектива.

О работе комсомольско-молодежной бригады Василия Лямина в свое время была написана специальная брошюра. Опыт молодых экскаваторщиков был принят на вооружение всеми землекопами стройки. Да и не только ими. Ведь дело не в специфике, а в том, как по-хозяйски, смело и заинтересованно подошли ребята ко всему, что так или иначе относилось к их работе.

Срок службы экскаватора. Его не продлишь, если не думаешь о том, что убивает машину, выводит ее из строя до времени. И что надо сделать, какую разработать организационную и технологическую схему, дабы ликвидировать «вредные» для механизмов нагрузки.

— Каков забой, — любил повторять Василий Лямин, — таков и машинист экскаватора, таково и «здоровье» его машины. Ежели в рывинах весь забой, точно лицо рябое, в обвалах, то и машина «задергана» перегрузками и ждать от нее долгой, бесперебойной службы наивно. Забой должен ровно срезаться, слоями, красивым быть в общем. Мы не ювелиры, конечно, работаем без лупы, кубометры сгрызаем. Но ювелирность, она в любой работе видится, если работа эта мастером сделана...

Сделано мастером. Так говорили о многих, забывая по-

рой, что мастерство на стройке передавалось по эстафете — от того, кто достиг уже этой высоты, к тому, кто старается подняться на нее.

Так было с Владленом Мячевым. Отличный мастер своего дела, он в какой-то период, потеряв набранный уже темп, очутился позади всех. Бригада, о которой говорили, которую хвалили и ставили в пример, вдруг оказалась в числе отстающих.

Можно было списать ее в несостоявшиеся, расформировать, чтоб не смущала других своей незадачливостью. Мало ли какие торопливые решения приходят иной раз в голову любителям поадминистрировать. Но ничего такого не случилось. Бригаде пришли на помощь. Пришли свои же ребята, землекопы.

Они принесли с собой самый ценный дар — личный опыт. И щедро отдали его. Дороги в забоях, совмещение операций, экономное расходование сил, заложенных конструкторами в машину, бесперебойная подача транспорта под экскаватор.

Организация, дисциплина, вера в свои силы и в силы своих товарищей по смене. Рабочее самолюбие в конце концов!

Давно это было, и многое уже забылось, стерлось в памяти. И все же я уверен, что если сегодня спросить Владлена Мячева о тех жарких и пыльных летних днях, когда выводил он из прорыва свою бригаду и, окрыленный поддержкой товарищей, их добрыми и сердитыми словами, рвался к заветным двум нормам в день, то вновь блеснет в его глазах мальчишеский огонек. Десятилетия отделяют Мячева от комсомольской юности, уже и седина пробиваться стала, а все продолжает стоять перед мысленным взором обычный фанерный щит с торопливой надписью, выведенной крупными буквами:

«Мячев работал сегодня, как Евец и Лямин!»

БЕССМЕРТЬЕ

Борис Коваленко терпеть не мог тишину, покой и вообще размеренную жизнь. Он не признавал ни церемоний, ни дипломатических уверток. Если ему надо было — шел напролом, не считаясь ни с чьим авторитетом. Умел говорить убедительно и красноречиво. Умел работать, не замечая ни дня ни ночи, работать, пока не будет сделано дело, которое он обещал сделать. Причем в такой срок, в какой никто, кроме него, не взялся бы сделать и половины обещанного им.

Мог он посреди ночи позвонить домой Ивану Васильевичу Комзину и потребовать от него, чтобы был наведен порядок с транспортом или с подачей электроэнергии к экскаваторам, мог. И звонил не раз.

— Бесцеремонность, — говорили одни.

— Горячность, — не соглашались другие.

— Нарушение элементарной субординации, — утверждали третьи.

А по-моему, это была злость. Злость против тех, кто останавливал его, сбивал с бешеного темпа, в котором умел работать этот одержимый человек. И для устранения возникшей помехи Борис выбирал самый скорый и гарантирующий успех вариант — он звонил Комзину...

Любил прихвастнуть. Ударить кулаком в обтянутую тельняшкой грудь, сказать раскатистым баритоном:

— Какие могут быть сомнения? Ведь за дело берусь я — бывший боевой моряк Коваленко!

— Однако ты не умрешь от скромности, Боря.

— А я вообще не умру! Я — бессмертен...

Он смеялся и хлопал ребят по плечам.

— Зачем умирать, братва, когда жизнь такая мировая? И дел по горло, и слава за спиной. И вообще мне достав-

ляет удовольствие глядеть, как крутится наш земной шарик...

Он не умер, он погиб. В авиационной катастрофе, возвращаясь со строительства Асуанской плотины. В самые страшные минуты, когда беспомощный самолет валился в десятикилометровую бездну, и уже никто не в силах был спасти его, и участь падающих вместе с ним людей была решена, Борис, пробившись к штурманскому месту, кричал в микрофон слова о жизни, о людях, о том, что он хочет остаться в их памяти коммунистом. И безразличные к человеческой трагедии бобины наматывали магнитофонную ленту до самого последнего мига, за которым начиналась тишина.

А он так не любил тишины...

Люди сохранили в своей памяти сложный, противоречивый образ этого человека.

Борис Коваленко никогда не был просто исполнительным исполнителем. Он терпеть не мог работать по шаблону, по указке, действовать пусть по рациональной, проверенной опытом, но привычной схеме.

— К черту схемы! Мы строим гидроузел, который ломает все устоявшиеся представления о современных возможностях гидротехнического строительства, все мудрые схемы!

— Ну ты, Борис, не очень-то...

— А вот и очень-то! Что задумаю, то сделаю. Кто со мной?!

Только человек, твердо уверенный в реальности того, что предлагает, мог замахнуться на такое дело, как увеличение емкости ковша «Уральца» на полтора кубометра.

Коваленко пришел на стройку новичком, работал на первых порах у Лямина, потом самостоятельно — машинистом. И вдруг у недавнего новичка такое небывалое по

дерзости предложение: на пятьдесят процентов увеличить емкость ковша. Притом на «Уральце», машине, доведенной, казалось бы, до совершенства.

— Стенка ковша будет гораздо тоньше; швы надо почти ликвидировать — на них налипает вязкий грунт, — Борис чертил эскиз нового ковша резкими скупыми штрихами. — Ковш станет больше, а металла на его изготовление завод будет расходовать меньше. Двойной выигрыш получается — и нам и уральцам. В общем, братцы, еду на «Уралмаш», буду толкать идею, убеждать конструкторов. Без победы не вернусь!..

Главный конструктор Уралмашзавода Сатовский отзывался о Борисе, как о человеке с изобретательской жилкой и природной русской смекалкой. «Коваленко, — рассказывал Сатовский, — вносил рационализаторские предложения и настойчиво добивался, чтобы их немедленно рассматривали. Его верным союзником была заводская комсомольская организация... Борис Коваленко выступал на митингах и собраниях. Он призывал молодежь организовывать сбор металлолома, чтобы из собранного металла сделать подарок комсомольцам Куйбышевгидростроя — десять ковшей его конструкции, «ковшей Коваленко»...

День, когда Борис Коваленко доставил с Уралмашзавода ковши, был, вероятно, самым счастливым в его жизни. Он отлично справился с порученным ему делом и с гордостью рабочего человека показывал товарищам то, что привез из Свердловска.

Иван Васильевич Комзин искренно любил Бориса и многое прощал ему, «списывая» срывы в его поведении за счет «болезни роста» и того «головокружения», которое было неизбежным следствием очень громкой, всесоюзной славы, что пришла к командиру комсомольско-молодежпого экскаватора имени матроса Железняка в первые же годы работы на Куйбышевгидрострое. Пришла и укрепилась

за ним, потому что Борис умел поддерживать эту славу делами исключительными.

В напряженные, очень напряженные дни, когда в дно Волги забивались первые шпунтовые стенки — форпосты будущих котлованных перемычек, — проблема быстрого монтажа паровых копров стала одной из главных проблем на стройке. От решения ее зависела судьба котлованов.

Опытные бригады монтажников брались выполнить работу не менее чем за полтора месяца. Но у строителей не было этих полутора месяцев, были две недели. И еще всегдашнее слово — «надо». Надо, и все!

Борис Коваленко вызвался закончить монтаж за шестнадцать дней.

— Это фанфаронство! — возмущались авторитетные специалисты. — Нереально его обязательство, мы докажем это с карандашом в руках!

— А я буду доказывать с гаечным ключом в руках! — перекрывал их хор закаленный на морозе голос Коваленко. — И попрошу без ехидства. И вообще — не мешайте! Черкайте вашими карандашиками в другом месте...

Когда заходил у меня с Семизоровым разговор о днях далеких, многими забытых, а многим и неизвестных, он обязательно вспоминал людей, чьи дела и в целом судьба оставили глубокий след в истории Куйбышевгидростроя.

— Слава — штука порой коварная, вроде волны: расходится шумно, а потом успокоится, и нет ничего. Худо это... По-разному ведь может «утишиться» слава, не всегда волен человек воспрепятствовать тому. Иной и сделает что-то не так, и тут уж знаешь: был бы сокол, а вороны слетятся. Так и с Коваленко получилось, когда выяснилось, что зачем-то придумал он себе героическую биографию, что не был на деле боевым моряком. Да ведь, понимаешь... придумка-то простодушная была, не обман это даже, а что-то другое, не для выгоды сотворенное. Выдумал человек

несуществующую историю своей жизни, выдумал, не подозревая того, что трудом, талантом, верностью делу и товарищам он завоеует право на такую биографию, какую ни придумать, ни сочинить... Сколько таких вот самобытных, дерзких талантов родилось здесь, на жигулевской земле, вместе с Куйбышевгидростроем! Людей, умевших доказывать свою правоту не словами, а делом, как доказал тогда Борис, смонтировав копры...

Копры были смонтированы за четырнадцать дней. И все эти дни Коваленко не выходил из котлована. Следом за его бригадой шли коллективы Владлена Мячева, Ивана Чеволдаева, Василия Клементьева.

Проблема монтажа копров была решена; весной Волга билась полыми водами о земляную грудь первой перемычки. Начинался главный этап строительства Куйбышевского гидроузла...

А спустя несколько лет с наплавного моста сбросили в беснующуюся воду перекрываемой Волги каменную глыбу с надписью, сделанной рукою Бориса Коваленко: «Привет судакам!»

Он и здесь не удержался, чтоб не созорничать...

Старший прораб Николай Медведев, стоя с микрофоном у въезда на наплавной мост, читал свои стихи:

И обернется Волга светом,
Зажженным мною и тобой...

Стихи рождались тут же, в грохоте перекрытия, летели над вспененной Волгой и исчезали навсегда, никем не записанные, никогда не изданные.

Борис работал наверху, на крутом склоне горы. Неяркое октябрьское солнце отражалось в стеклах кабины, высвечивало ряды звездочек, нарисованных возле дверцы красной краской. Десять алых звезд — миллион кубометров грунта. Первый миллион Бориса Коваленко...

И новым морем для планеты,
И новым солнцем над страной!..

Слова стихов разносились по склону горы, гремели, повторенные эхом, и затихали, заплутавшись в облетевшем осиннике.

— И новым солнцем над страной! — кричал Борис шофёрам самосвалов. — Давай шевелись, солнечный народ! Не мешкай, братцы!..

Он был весел, счастлив и по-прежнему верил в свое бессмертие.

По-разному будет жить Борис Коваленко в воспоминании людей.

По-разному будут рассказывать о нем люди. Сурово и скорбно, как рассказывает Иван Захарович Чеволдаев, для которого Борис никакая не легенда, а живой во плоти и крови человек. Для Чеволдаева Коваленко продолжал жить в собранных его руками машинах — Иван Захарович вводил их в забой на Асуане, в Автограде.

И наряду с этим живет очарование легенды, в которой романтическое начало переплетается с реальностью.

Рассказывали, что на Асуане Борис, пораженный, видимо, величием пирамид, сказал товарищам:

— Смотрите, какие махины наворотили фараоны. И все ради того, чтобы потомки имя их помнили. Ну, помним, а толку? Память-то эта без чувства благодарности — не за что нам фараонов благодарить, не сотворили они ни черта на земле, кроме этих пирамид. Какая ж цена такой памяти? Грош ей цена! А вот мы оставим махины не чета фараоновским. Добро от них будет людям, не только красота, а значит, добром и нас поминать станут... И коли придется когда помереть, ребята, так пусть нас в построенные нами плотинны, как в пирамиды, положат!..

Далека от Асуана, бесконечно далека Саяно-Шушенская ГЭС. Между ними пролегли пустыни, горные хребты, нетронутая гладь снегов и океан тайги. Но, покоряя расстояния, соединяет их добрый след, оставленный рукой человека, которого нет уже на земле. Его прах покоится в бетонной груди плотины. Ее нетленным сердцем стал он, рабочий человек, бригадир Коваленко...

Борис жил, не думая о смерти, в полный рост и в полную силу. И называл себя счастливейшим из людей.

Гул суровой сибирской реки, как вечная песня о нем. Она летит над засыпанной снегом тайгой, над серым песком пустынь, над бескрайней украинской степью, над голубым шелком Волги...

— Бессмертие...— задумчиво сказал Семизоров.— Хорошие люди должны, по-моему, верить в свое бессмертие, потому что даже при самой великой скромности не могут не понимать: сделанное ими останется на земле, продолжит их жизнь...

Общаясь с Семизоровым много лет, невольно наблюдая его, я отмечал про себя очень импонировавшую мне черту натуры Николая Федоровича: он неизменно старался выделить в людях лучшие их качества. Никогда не ставил на том или ином работнике крест, никогда не принимал скоропалительных решений: да выгнать, и все, мол, с концом; некогда тут возиться со всякими!

Он может и досадовать, и ругаться, и из себя выходить, когда что-то не сделано или сделано плохо, неумело, бездарно. Но это не значит, что тут же последует поспешный «оргвывод», и полетит чья-то голова.

— Раскидать по кустам головы дело нехитрое,— говорил обычно Семизоров.— Особенно ежели в горячке кидаться ими начнешь... Руководителю дана власть, это

верно, но, давая ему власть, обязательно надеялись, что он будет ею разумно пользоваться, с терпением. Нетерпеливы мы порой, беда это. Недосуг бывает разобраться в человеке, понять его слабости, и не оправдать их, я не о том, а найти способ помочь ему преодолеть себя. Для каждого из нас различны эти способы; не то что одинаковых, схожих не бывает. Проще, конечно, отмахнуться, на первый взгляд проще...

Семизоров никогда не отмахивался. Пытался найти в любом из работающих с ним ту «опорную площадку», с которой и начинается уверенность в полной надежности взаимоотношений, деловых, личных, всяких.

— Одному мигнул, другому кивнул, а третий сам догадался. Такого не бывает, конечно, а хотелось бы. Ну, да это уже из области мечтаний.— Семизоров улыбается особой своей улыбкой, от которой лицо его сразу лет на двадцать молодеет, и нет на нем больше ни озабоченности делами, ни усталости от них.

«ТРУДНАЯ ЗЕМЛЯ ПЯТИДЕСЯТЫХ»

— **П**риводилось ли тебе задумываться над тем, как, в стечении каких обстоятельств рождаются трудовые починны? — Семизоров посмотрел на меня выжидающе. — Те самые, — продолжал он, — что приводят порой к коренным сдвигам в решении не только производственных, экономических, но и нравственных проблем. Вот взять памятный всем почин Валентины Гагановой. Он имел всесоюзный резонанс. А почин Ивана Ремигайло и Виктора Быкова был ограничен куда более скромными масштабами, однако привел к неоценимым результатам в период строительства Волжского автомобильного. Если вдуматься и все хорошенько вспомнить, то ведь оба эти почина нашли практическое воплощение еще в пятидесятых годах. И сделали это землекопы Куйбышевгидростроя. В частности, Михаил Евец. Согласен?

Я кивнул. И впрямь так. Именно Михаил Юрьевич решил тогда перейти на самый отстающий экскаватор, взялся вывести его из безнадежного, казалось бы, прорыва. И сделал это. Довольно быстро причем.

Уже потом, гораздо позже, страна узнала о почине Валентины Гагановой. Но суть не в этом, конечно.

— То, что я в свое время согласился перейти бригадиром на отстающий экскаватор,— рассказывал Михаил Юрьевич,— дало ведь не только производственные результаты. Я познакомился и крепко подружился с очень хорошим, совсем еще молодым тогда человеком, Колей Бородиным. Знатно мы с ним поработали, от души «поземлекопили». Отменным мастером стал Коля. Сам со временем возглавил бригаду, комсомольско-молодежную, завоевал право стать на разборку перемычки; это уже когда готовились к перекрытию Волги...

Сейчас очень просто написать: М. Ю. Евец согласился возглавить экипаж безнадежно отставшего от других экскаватора № 1. А вот сделать это было очень и очень непросто. Во всех отношениях. И психологически — почему вдруг прославленному мастеру переходить в число тех, кого поминают недобрым словом на каждом совещании, большом и малом. И материально — экипаж первого экскаватора не вытягивал даже нормы, до заработков ли тут!

Потому, когда Ахмет Алкасович Бедоноков, главный инженер правобережного управления механизации, сказал Евцу напрямик: «Пойдешь на первый бригадиром?» — тот ответил не сразу, хотя знал уже Бородина и успел поверить в потенциальные возможности этого парня.

Неторопливый в решениях, обстоятельный и вдумчивый человек, Евец сказал свое «да» только после того, как уже наметил короткий и вполне реальный путь вывода экскаватора № 1 из прорыва.

— Прежнюю мою бригаду принял у меня Коля Солдатов. Со спокойной душой оставлял я его — знал, что не подведет и первенство не уступит никому. Ну, а о новой бригаде я еще не знал многого. Понимал лишь одно: главное, чтоб люди сами, обязательно сами захотели бы вы-

биться в число первых. Все остальное будет уже не столь сложным...

Михаил Юрьевич был неизменно уверен в том, что не может настоящий рабочий человек не стремиться к доброй трудовой славе, к славе, которая не самоцель, а объективное следствие усилий, вложенных им в общее дело. Энергия, изобретательность, упорство в достижении поставленных целей, знания, опыт — все это как бы грани рабочей славы.

— В народе говорят: по труду и почет. Правильно говорят. Но уж коли труд всем на удивление, то славой обходить его ни в коем разе нельзя...

И Михаил Юрьевич старался, чтобы первые, самые скромные даже успехи его новых товарищей по экипажу не остались бы незамеченными.

— Вот так, очень-то, в общем, просто, ежели смотреть с высоты сегодняшнего дня, был воплощен в жизнь этот сложнейший лочин.— Семизоров задумался, пожал плечами.— Не получил он, понимаешь ли, широкого распространения. И не объяснишь почему... Именно сейчас, с дистанции времени, это представляется мне немалой потерей. Ведь примеру Евеца последовали бы многие, наверняка многие. Обязательно! Нужно было лишь поподробнее, главное, поярче рассказать о решении этого замечательного мастера. И не только о решении, но и о том, как пошли дела на экскаваторе № 1 после прихода на него Михаила Юрьевича. Ведь именно этим экскаватором был взят на Куйбышевгидрострое первый миллион кубометров грунта...

«Миллионерами» стали многие землекопы стройки: и Борис Коваленко, и Василий Лямин, и другие. Но все же первыми на стальном боку своей машины нарисовали десятую по счету алую звезду ребята из недавно еще отстающей бригады Михаила Евеца.

Просматривая подшивки газет, листовки, старые доку-

менты, я убедился в том, что немаловажный для стройки и, прямо скажем, самоотверженный поступок Евеца не перешагнул границы правобережного управления механизации. По-настоящему и последователей-то не было, и пропагандисты не подхватили должным образом это начинание, не подняли его и не распространили хотя бы, на первый случай, в масштабе Куйбышевгидростроя. Будь они более проникательными, то, как знать, может, гагановское движение началось бы у нас в стране на несколько лет раньше, и местом его возникновения стал бы гидрострой.

Примечательно, что этот почин Евеца вполне закономерно дал начало новой инициативе: созданию комплексных бригад, в которые вошли, кроме экскаваторщиков, водители самосвалов и бульдозеристы. Кончилась пора бесконтрольной работы автотранспорта, блужданий самосвалов из забоя в забой, «ничейных» подъездных путей, многочасовых простоев, «туфты», когда вместо горной массы возили воздух, а получали за это полновесные рубли. Дело стало общим, и в его нормальном ходе были теперь и морально и материально заинтересованы все — от дорожного мастера до машиниста экскаватора.

Наивно предполагать, что эта идея была реализована без труда и хлопот. Несмотря на несомненную ее целесообразность, противников создания комплексных бригад было предостаточно. И в первой шеренге стояли руководители авторайона. Очень показательно, что в бурных спорах того времени решающую роль сыграла инициатива, настойчивость и неопровержимая аргументация самих рабочих, авторов этой идеи, и в первую очередь Михаила Юрьевича Евеца и его нового друга Николая Бородина.

— Комплексные бригады землекопов блестяще тогда оправдали себя. Их создание помогло стройке взять трудную землю пятидесятых, открыть фронт работ для арматурщиков и бетонщиков правого берега... — Семизоров за-

думался.— Вот именно, понимаешь: правого берега. Чем объяснить, что идея Евеца и его товарищей не захватила большее количество бригад? Не стала той мощной волной, которая спустя полтора десятилетия подняла на гребень почин Ивана Ремигайло и Виктора Быкова. Вообще-то они к своей идее, к своим расчетам пришли независимо от Евеца. Возможно, даже не знали толком о нем и о его методе. В этом-то и заключается беда — слишком уж сухо, формально пропагандируем мы иной раз неопределимый опыт прошлого, великим трудом доставшийся людям! Плохо, видимо, не эмоционально, что ли, обобщается он, а потому о нем быстро забывают. А вернее сказать — забывают не то слово — просто как бы сдают в архив на почетное и неопределенно долгое хранение. Хрен редьки не слаще...— Он помолчал.— Дело еще и в том, что чужой опыт, опыт минувшего времени, невозможно использовать механически; здесь необходимо творческое освоение, с учетом всего нового, что приходит в нашу жизнь с течением лет...

Коллективная память... Не всегда она срабатывает. В пору блистательного воплощения почина Ремигайло — Быкова никто как-то не вспомнил о днях, ушедших уже в историю, и прав Николай Федорович: в этом, словно в зеркале, отразилось наше недостаточное умение использовать в пропаганде романтические параллели, находить их в жизни, казалось бы, внешне обыденной и, кстати, не так уж далеко от нас отстоящей.

История Куйбышевгидростроя — это одновременно биография многих тысяч людей, не менявших место своей работы в течение десятилетий. И каждая вторая из этих биографий — биография романтика, обязательно сделавшего в своей жизни что-то очень трудное, граничащее с подвигом, а то и просто являющееся подвигом. Пусть, повторяю, не воспетым, обойденным шумным вниманием, от этого подвиг не перестает быть подвигом.

«ТЕОРИЯ ПРЕДЕЛА»

Существует так называемая «теория предела». Упоминание о ней всегда сердило Сергея Павловича Карцева.

— Человек беспределен в своих возможностях! — говорил он. — Помните строчку из старой песни: «Когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой». Несколько поэтически преувеличено, но в принципе правильные по мысли слова. Да, не любой; всякие еще встречаются, негероические, пустые людишки. Но их-то — абсолютное меньшинство. Значит, почти любой. В песню лишнего слова не вставить, но мы ведь не о песнях, а о жизни. А настоящая, ладно скроенная жизнь не подчиняется никаким «теориям предела»...

Может ли тяжелый, неповоротливый экскаватор ползти вверх по отвесной скале, буквально вжимаясь в нее? Ползти не метр, не два, а сто с лишним метров, изо дня в день, в течение двух, самых холодных, самых метельных месяцев.

По «теории предела» не может. И не обязан, кстати сказать. Ведь экскаватор не только самодвижущаяся стальная коробка со стрелой и ковшом. Это, в первую очередь, люди, сидящие в той самой коробке; не железные — живые люди, подверженные усталости, сомнениям, тревогам, чувству страха, наконец.

Все эти составляющие как раз и входят в сложнейшую, никем еще до конца не выведенную формулу «теории предела».

...Крутой каменный бок горы врезался в Волгу, преграждая путь обводному каналу. Гора, закутанная в снег

декабрьскими метелями, словно насмехалась над строителями, уверенная в своей неприступности.

Самым простым казалось решение: взорвать к чертям эту известняковую громаду, в считанные секунды расчистив дорогу каналу, по которому волжская вода должна была устремиться к турбинам ГЭС. Но такое решение только казалось простым. Взорвать — дело нехитрое. А вот как потом выбрать из Волги тысячи тонн взорванного камня, громадные глыбы, что с не меньшим упорством, чем гора, будут стоять на пути строителей?

По прикидочным расчетам, «вычерпать» из Волги взорванную гору удалось бы не раньше чем через два года. Таким временем гидростроевцы не располагали.

И тогда был введен в действие «план Монины». В основу скрупулезного инженерного расчета, сделанного Петром Григорьевичем Мониним, была положена, на правах главной константы, уверенность в отваге тех, кто будет выполнять его, смелый до дерзости, проект.

Экскаваторы должны были подняться по крутому склону горы, прокладывая себе дорогу ковшами. Выбравшись на вершину, они примутся за основное дело — «разборку» горы. Будут строгать ее стальными зубьями ковшей, вгрызаться ступенька за ступенькой во взорванную породу и, опускаясь все ниже, дойдут наконец до основания откоса. Два миллиона кубометров скальной породы — таков будет их счет, когда завершат они свой подвиг.

— Если случается мне бывать у здания Волжской ГЭС, — говорил Семизоров, — я обязательно задерживаю взгляд на гигантских ступенях, которые белеют вдали, просвечивают сквозь взявшуюся поросль Жигулевского склона. Непросто теперь представить, как в зиму пятьдесят четвертого года — а она метельная выдалась, злая — ползли по этому чертову кособору «Уральцы». Вели их Евец, Коля Бородин, Василий Лямин... И знаешь, мне всегда

представляется, что где-то там же, на крутогоре, стоял, прижавшись спиной к промерзшему камню, Монин. Понять надо, что это такое — предложить подобный проект, рискованный, великолепный настоящий инженерный проект и знать: поверили в него ребята, землекопы Куйбышевгидростроя, взялись, ведут машины, будет дело! Не всякому из нас судьба дарит такие переживания...

Как много думают сегодня над вопросами организации действенных форм социалистического соревнования, стараются внести в него высокие творческие начала, накал трудового соперничества и, конечно, гласность — как один из основных стимулов любого состязания. Очень важно, когда наградой победителям становятся не только переходящие знамена, вымпелы, денежные премии, но право на участие в каком-либо значительном для истории всего коллектива, трудовом событии.

На память приходит великое множество примеров из биографии Куйбышевгидростроя. Сколько их было за минувшие годы — значительных трудовых событий! За право участвовать в них упорно, до самозабвения соревновались тысячи строителей. Строителей гидроузла, большой химии, ВАЗа и Автограда, Тольяттинского азотного...

За несколько месяцев до затопления котлована гидростанции экскаваторщики правого берега яростно, именно яростно, с великим трудовым азартом, упорством и неутомимостью соревновались за право первыми поставить свои машины на разбор перемычки.

На первое место порой выходило сразу несколько экскаваторов, остальные отставали от них всего на десяток ковшей. Два, три, четыре дня лидировал кто-нибудь из знаменитых землекопов, но вот его обгоняли, брали новые рубежи, правда ненадолго — кто-то опять вырывался вперед. И так — неделя за неделей.

Дюков, Мячев, Бородин, Коваленко, Ратаванин... Кто

же первым придет к заветному финишу? Об этом говорили, спорили, это переживали по-настоящему глубоко. Равнодушных не было. Шло соревнование практически равных по уровню мастерства специалистов своего дела.

Никто из лидирующих не заметил поначалу, как ритмично, не снижая ни на кубометр производительности, работает Саша Ратаванин. Он вырвался вперед неожиданно. В один из дней на доске показателей его фамилия впервые появилась против самой высокой цифры выработки.

— Впереди комсомольско-молодежная бригада Александра Ратаванина! — объявила котлованная радиогазета.

Выйдя на первое место, Саша сумел удержать его до конца соревнования. Никому так и не удалось побить его рекорд производительности. Мировой рекорд месячной выемки грунта!

Экипаж Ратаванина завоевал право начать разборку перемычки — крепости, так блистательно выдержавшей самые яростные штурмы Волги.

— Я часто вспоминаю это соревнование. Соревнование! — подчеркнул Семизоров. — Привыкли мы к слову, и порой из-за этой привычки начинает ускользать от нас истинный смысл его. Вернее, как бы это сказать... наполнение, что ли, не то получается иной раз, азарта должного нет. А вот именно то соревнование, увенчавшееся мировым рекордом, до сих пор представляется мне образцом трудового состязания, пусть не по масштабам своим, а по тому воспитательному значению, которое оно имело не только для непосредственных участников, но и для тех, кто был всего лишь свидетелем происходящего.

В этом, по-моему, главный успех любого соревнования, когда нет безразличных к происходящему, когда нет и тени формального отношения к вопросу: кто кого, кто лучше, кто больше, кто быстрее...

С ЧЕГО НАЧИНАЛАСЬ ЖИЗНЬ?

Семизоров долго разминал в пальцах сигарету, потом чиркнул спичкой да так и не прикурил. Спичка догорела до конца; он потушил ее, бросил в пепельницу.

— Если говорить о сознательной жизни, которая учила и формировала, то начало она берет с сорок первого, с войны...

Семизоров родился на исконной казачьей земле. И детство, и юность его прошли там, в Новочеркасске. В эти же края вернулся в сорок четвертом демобилизованным солдатом, инвалидом войны. Вновь поступил в политехнический.

Казалось бы, кончилась для него война. Гремит уже где-то далеко, на Западе. А она приходила к нему по ночам, будила властно, как по тревоге. И снова видел он себя зеленым новобранцем, рядовым запасного полка второй гвардейской армии. Опять и опять шел предвещенней мартовской степью занимать оборону на Матвеевом кургане, в районе бумажной фабрики. И комвзвода,

лихой и яростный Николай Будный, выговаривал ему за то, что не взял ломик, понадеялся на шанцевую лопату.

— Шо ты той лопатой наробишь?! Земля что твой камень еще, нешто ее возьмешь савочком этим? А не успеешь за ночь окопаться — до третьих петухов не доживешь, понял мысль? Немец-то в семидесяти метрах всего!..

Что тут не понять. Вместе со всеми он выбрался к истокам оврага, на малый, продутый насквозь студенным ветром пятачок степи. Лом лязгал о мерзлую землю, брызгал колкими отщепами. Время от времени немцы начинали стрелять на звук. Разноцветные трассы ударяли совсем рядом, высвечивали сухую полынь веселыми, словно бенгальские огни, искрами. Солдаты бросались в недорытые ямки, прижимались всем телом к ее острым краям.

С неделю назад немцев попытались выбить с позиций, отжать подальше в степь — уж больно хорошо просматривали они со своих высоток все заречье, плоское и открытое. Попытка не удалась, вцепился гитлеровец в землю, сидел крепко, не сковырнуть. В память о том броске остались лежать на нейтральной полосе белые неподвижные бугорки — солдаты в сибирских полушубках. Когда начался очередной обстрел, пули мягко вбивались в их бесчувственные уже тела, защищавшие тех, живых, долбящих ломиками заиндевевшую землю.

Ночь, непроглядная, злая, висела над степью. В ее неверной тишине четко проступали совсем близкие голоса, блеющие звуки губной гармошки.

Семизоров вслушивался в чужую речь, пытаясь уловить в ней знакомые по школьным урокам немецкие слова. Время от времени, кувыркаясь в воздухе и сухо шурша, летела с немецкой стороны граната на длинной деревянной рукоятке. Она падала, не дотянув до окопчиков, взметывала грязно-желтое пламя разрыва. И сно-

ва прижимались к земле ребята, и комвзвода, матерясь сквозь зубы, кричал:

— Не выставляй задницу до горы, враз нашпигует!..

Он старался сделать все, чтобы неизбежный страх первых, самых трудных для необстрелянного солдата дней был не таким острым и быстрее покинул бы маленький его взвод, выдвинутый в боевое охранение под самый нос врагу. Покинул бы, унеся с собой как можно меньше жизнью.

— Мы все, уцелевшие тогда, обязаны этому человеку, — вспоминает Семизоров. — Тезке моему, Николаю Будному. Многих он уберег. А сам вот не уберегся, погиб...

Давно, многие годы назад, горстка восемнадцатилетних парней — боевое охранение стрелкового батальона — лежала в тесных ячейках у края безымянного оврага. Где-то сзади, внизу, нес холодные воды Миусс. Через него перебирались ночью, по обледенелому стволу упавшего осокоря. Под огнем. Мины плюхались в черную воду, вздымали фонтаны обжигающих брызг. Быстрее, вперед, к спасительному крутояру, в мертвую зону, где уже не будут страшны ни хрюкающие мины, ни степенный клетчат крупнокалиберных пулеметов.

— Давай! — кричал комвзвода. — Не чикаться! Он, гад, каждую кочку здесь пристрелял!..

В марте степь оттаяла, набухла и поплыла ручьями. В ячейки натекла вода, она хлюпала под ногами, висела по утрам над степью промозглыми туманами, и не было спасения от ее знобкого, проникающего в самую душу, неумолимого присутствия.

— Ты знаешь, — говорил мне Семизоров, — мы научились спать в этой мокрой мерзлятине. Удивительное дело: дрожишь, как суслик, и спишь одновременно. И даже сны снятся. Правда, все больше мокрые какие-то сны, свя-

занные с этой проклятущей водой. Я ее вспоминал много лет спустя, в апреле шестьдесят восьмого, когда паводок грозил затопить котлованы ВАЗа. Степь и вода, и нет на нее удержу...

В памятную военную весну 43-го года Семизорова избрали комсоргом роты. Вроде бы не такой уж из ряда вон выходящий эпизод в биографии. И тем не менее...

— Понимаешь, я впервые почувствовал тогда ответственность не только за себя самого, за поступки свои и действия, но и ответственность за поступки, действия и даже саму жизнь тех тридцати с небольшим парней, что входили в комсомольскую организацию роты...— Семизоров задумался. То ли вспоминал какие-то детали далеких тех событий, то ли размышлял над сказанным. Я не торопил его.— Да, чувство ответственности... Совершенно особое чувство, скажу я тебе. Потом, особенно уже здесь, на гидрострое, я испытывал его сотни раз, оно жило вместе со мной, собственно говоря. То же самое, давнишнее, не измененное временем. Масштабы менялись, конечно, а вот психологическая, что ли, суть, она оставалась все той же... Помню забавный случай: пошли мы с ротным старшиной харч получать. Понятное дело — ночью, днем немцы все переходы держали под огнем. Старшина, само собой разумеется, по служебному долгу занимался получением и транспортировкой харча, а я, так сказать, по долгу общественному. Шли мы с ним назад уже и попали под обстрел. Били немцы из минометов вслепую, по площади. Ну, мы где ползком, где затаимся, и в кутерьме этой обронули мешок с перловкой. Килограмм пятнадцать — закладка на ротный котел. Думаем: кончат они шмякать — найдем, куда ж ему деться, мешку? Однако сколько ни шарили в темноте — нет его, как сквозь землю ушел. А время-то идет, котлы ждут, голодной ведь роту оставим. «Ладно,— говорит мне старшина.— Грець

с ней, с перловкой этой. Вернемся в светлое время, и ежели кто не подтрафееет ее, значит, наше счастье. А пока... есть у меня в заначке с пуд муки, на подболтку выдавали, да я повару не говорил, в запас спрятал, вишь — сгодится теперь: лапши домашней намесим, гвардейский выйдет харч!..» Так и месили мы втроем тесто: старшина, повар да я. Успели ко времени. Хлебала рота лапшу, похваливала повара, а мы отсыпались после бестолковой той ночи.

— И сны хорошие снились?

— Может, и снились, не помню уже...— Семизоров улыбнулся.— Наверное, снились. Мне всегда снятся хорошие сны, когда спадает с плеч тяжесть ответственности за порученное дело. Сделано, не подвел никого, можно, значит, и сон хороший поглядеть...

Разные сны нам снятся. Чаще тревожные... Санитарный поезд спешит через степь. Разбитый бомбежками Ростовский вокзал. Черные скелеты сгоревших домов.

Все дальше, на юго-восток. Все реже догоняют поезд немецкие бомбардировщики.

Это страшно, когда бомбят санитарные поезда. Все, кто может хоть как-то двигаться, выбирают из вагонов, отползают подальше от полотна. Поезд стоит покинутый и беззащитный, и черные тени крестами проносятся над ним. Разрыв слева, справа и снова слева. Качаются вагоны, словно пьяные. Качается в подвешенной койке раненый солдат, молчит, вцепившись взглядом в белый, равнодушный потолок.

Справа!.. Еще раз справа!.. Слева!..

Уносится в пустоту моторный гуд, шуршат, скатываясь с крыши вагона, комья сухой земли, и в медленно наступающей тишине становится слышным шепот сестрицы. Насмерть перепуганной и все же бесстрашной, верной

сестрицы, что не ушла из вагона, не бросила солдата, осталась, стоит рядом, держась за койку тоненькими, желтыми от йода пальцами. Стоит и шепчет:

— Ничего, миленький, не попадет он, проклятый, промажет! Вот увидишь — промажет!..

Моздок... Налчик... Махачкала. И наконец — Баку.

— Там и лежал я, — говорит Семизоров, — пока не подлатали. Долго лежал...

— Я в это время тоже был в Баку. Нас направляли через Красноводск в Бухару, в училище.

— Смотри ты! Нет бы зайти, угостить чем будущего друга, — Семизоров смеется. Его большие темные глаза весело щурятся. Он по натуре человек общительный и легкий, охочий до неторопливой беседы, сдобренной шуткой, побасенкой какой-нибудь; да только редко выдается время для таких бесед, чаще ему бывает не до шуток...

Я помню Семизорова в ту пору, когда на Куйбышев-гидрострое начинали жизнь практически все без исключения, ибо стройка только-только родилась. Конечно, у многих за спиной были уже годы непросто и не зря прожитые. И у Семизорова тоже. Но здесь, в Жигулях, у каждого из них все начиналось заново.

В зеленой шинельке на рыбьем меху, худой, черно-волосый, быстрый, он сутками пропадал на участке. Времени не хватало, людей не хватало, опыта не хватало, порой не хватало и смелости. В избытке был только энтузиазм.

— Я всего девять месяцев назад окончил институт! Я, можно сказать, только еще родился как специалист, а вы ставите меня, Иван Васильевич, главным инженером участка. Ведь это же самостоятельное хозяйство. Мне трудно будет справиться!

— Трудно? — переспросил Комзин. — Да ты ведь сол-

датом был, Семизоров! Значит, справишься, я верю в это! Верю!..

Так начиналась жизнь инженера Николая Федоровича Семизорова.

— Ты помнишь поток писем, что приходил ежедневно в управление стройки? Их еще иногда публиковали в многотиражке.— Семизоров привычным движением переложил на столе стопку исписанных листков. Мне показалось — ищет эти письма. Перехватив мой взгляд, Николай Федорович усмехнулся.— Такой же поток хлынул, когда начались в Тольятти стройки большой химии и, конечно, когда начинали мы ВАЗ, а позже — ТоАЗ...

— Интересные были письма,— согласился я.— У меня хранятся копии двух или трех таких писем.

— Два, три... И многие тысячи других. За каждым ведь — судьба. А за некоторыми стояло то самое, с чего и начинается большая человеческая жизнь. Согласен?..

РАССКАЗ О ПИСЬМАХ
И О ДЕВОЧКЕ ПО ИМЕНИ
ЖЕНЯ

„От кузнеца г. Сенгилея
П. А. ЗЕМСКОВА
1 октября 1950 г.

Тов. главный инженер Куйбышевгидростроя!

Я, старик, рождения 1885 года, фото прилагаю,— природный кузнец. Мои отец и дед в свое время работали на постройке кафедрального собора в Самаре, на месте которого построен ныне оперный театр.

Мне очень хотелось бы войти в историю как одной миллионной частицы строителей коммунистической грандиозной стройки Куйбышевгидростроя.

Дело в следующем: у нас в Сенгилее есть свободная кузница при ветлаборатории, в ней есть горн, мех, наковальня и прочий инструмент. Я по старости работаю ночным сторожем при больнице. Но, подобно большинству истинно советских людей, мне очень хотелось бы, чем я могу и в силах, помочь нашей величайшей стройке, которую Вы, как главный инженер, возглавляете.

Примерно, при наличии материала — железа, угля — я мог бы делать для стройки скобы стяжные, боковой гвоздь, болты разных сечений и размеров или еще какие-либо детали. Изготовленные материалы легко отправлять из Сенгилея летом пароходом в Куйбышев.

А может быть, в Сенгилее, в связи со строительством Куйбышевского гидроузла, возникнет какое-либо строительство? Здесь, на месте, я тоже мог бы быть полезным человеком на стройке. Мне очень бы хотелось дожить и увидеть воочию это чудо строительного искусства.

Не обижайте меня, тов. главный инженер, игнорированием моего предложения, прошу Вас убедительно ответить или дать распоряжение, кому надлежит ответить мне на это письмо — можете ли Вы предоставить мне, старику-кузнецу, в Сенгилее какую-либо кузнечную работу для Куйбышевгидростроя.

Адрес мой: Сенгилей, В.-Выборная улица, д. 46.

Земсков Павел Андреевич.

Остаюсь с приветом к Вам *Земсков*».

Конечно, письмо Павла Андреевича не осталось без ответа, оно тронуло многих. И боязно было обидеть хорошего старика отказом: не нужны, мол, пока скобы стяжные и боковые гвозди.

«Я категорически требую положительного ответа на мое предложение выехать к вам в любой момент. Не по-

верю, что Куйбышевгидрострою не требуются паркетчики! Кроме того, хорошо умею играть на баяне...»

1951 год. Как далеко еще до паркетов. Ветер треплет парусиновые бока палаток, и в «рыдыка» — районном Доме культуры — между киносеансами играет вальсы местный, ставропольский баянист.

Письма, письма, письма... Как жаль, что не удалось сохранить все до одного, ибо каждое из них было написано под влиянием искреннего душевного порыва.

«Понимаю, что жилищных условий у вас там, на гидрострое, нет пока никаких, но мы втроем, выпускники железнодорожного ремесленного училища, можем приехать со своей брезентовой палаткой...»

Пройдет семь лет, и новый поток писем обрушится на Куйбышевгидрострой и на райкомы комсомола во всех великих и малых городах страны. И снова добровольцы с рюкзаками и чемоданами будут осаждать отделы кадров, что-то требовать, предлагать, спрашивать. Большая химия займет сердца и думы молодых беспокойных людей. Они приедут в Жигули строить ее, не до конца еще понимая, что это для них начало совсем другого строительства. Что предстоит построить не просто завод СК или химический. Предстоит построить самих себя. Начинается испытание. Кем они станут в результате его, еще никто не знает. Могут стать известными на всю страну людьми, а могут уехать, на полпути бросив начатое.

Я перебираю в памяти многие известные мне судьбы. Героические, просто интересные и не очень. Мне хочется найти самые типичные.

Вот одна, пожалуй.

Женя Михайлова, строитель. В год пуска первой оче-

реди Тольяттинского завода синтетического каучука ей исполнилось двадцать три...

Она стоит на крутояре над морем, весенний ветер, с посвистом вылетая из молодого сосняка, треплет ее плащ, забирается в рукава, холодит колени. Ветру весело; он летит с откоса к воде, несется к Жигулям, закручивая по дороге седые чубы бурунов.

Уже оттуда, от самой кромки синих, еще не проснувшихся гор, ветер машет ей красным флагом ныряющего по волнам буксира.

Весна, весна спускается на землю теплыми дождями, тревожит души людей неясным ожиданием.

Девчонка стоит на крутояре, подставив ветру смешливое лицо, — двадцать третий раз встречает она весну. Что можно сделать за двадцать три года, что увидеть, что пережить? Все зависит от того, как прожиты эти годы, сколько было потеряно минут, дней и месяцев, сколько было построено домов, посажено деревьев, перелистано книг. Сколько друзей было встречено в пути.

Каждую весну ее тянет сюда, к крутояру, на песчаные пляжи которого с шелестом набегают морские волны. Здесь хорошо постоять на ветру, а потом подняться вверх по старой дороге, выложенной разбитым, заросшим травой булыжником. Эта старая дорога никуда не ведет, она отжила свой век и с каждым годом все больше заносится песком.

Один ее конец уходит в море, а другой упирается в земляную насыпь. Дорога без начала и без конца... А сколько километров совсем еще недавно было пройдено по ней в пургу, и в слякоть, и в пыльный горячий зной.

Где-то там, внизу под водой, на морском дне, от дороги, словно ветви от ствола, пойдут в стороны улицы, переулки и тузики города, которого уже нет, который

уступил насиженное место молодому морю, а сам ушел, поднялся вверх, навстречу своей новой, необычной жизни...

Города как люди: они рождаются, стареют и умирают. Они бывают молоды, они бывают знамениты, о них говорит мир, с ними спешат познакомиться паломники из дальних стран. Порой города стареют, и о них постепенно забывают, порой они становятся бессмертными, а порой умирают для того, чтобы родиться вновь.

Старый Ставрополь, затерянный в лугах волжской поймы, деревянный, одноэтажный, с кривыми, утонувшими в песке улицами, навсегда ушел с географических карт. На его месте топографы прозрачной лазурью нанесли контуры морского берега и синим пунктиром прочертили фарватеры, по которым пошли корабли в порты пяти непохожих друг на друга морей.

А вверх по крутояру грузовики увезли меченные известкой бревна — стены и стропила разобранных домов.

Пусть строители смеялись над старым деревянным Ставрополем, над его пыльными улицами и покосившимися домами. Но она жила в этом городе, с ним связаны ее первые мечты, ее первые шаги вперед, в большую жизнь, и она благодарна ему за все, спутнику своего детства и юности. И поэтому приходит каждую весну на поросший мягкой травой крутояр и ловит ртом летящий ветер, и трогает рукой холодный булыжник старой, никуда не ведущей дороги...

— Кем ты будешь? — спрашивали ее подруги.

— Кем быть?.. — спрашивала она себя. — Кем быть мне?..

Над разомлевшим от жары городом ленивым стадом ползли розовые облака. Посреди мостовой, важно подняв головы, шли неторопливые гуси. За волошкой, в лу-

гах, перекликались косари и упорно, словно заведенный, деревянным голосом пел коростель...

В год, когда Женя оканчивала восьмой класс, произошла ее первая встреча с Куйбышевгидростроем. В школьном вестибюле, возле зеркала, увидела она приколотый к стене лист бумаги. Это было объявление, написанное строгим учительским почерком и оповещавшее десятиклассников о том, что после уроков состоится беседа с представителем управления Куйбышевгидростроя.

Длинное, необычно звучащее слово манило, как манят названия далеких незнакомых городов, затерянных где-то в южных широтах исцарапанного школьного глобуса. Что там, за этим названием: управление Куйбышевгидростроя?.. И что это за управление и почему оно прибыло сюда, в Ставрополь, в город, где давно никто ничего не строил?..

Десятиклассников собралось много. Они сидели за партами, взрослые, важные. Они хотели было выставить Женю за дверь, но не успели — в класс вошел седой подвижный человек в полувоенном костюме и запыленных хромовых сапогах. Он снял фуражку, улыбнулся, приколот к доске плакат, на котором Волга разливалась громадным голубым морем от Ставрополя до Казани и еще вверх по Каме до самого устья реки со смешным названием Ик.

Этот человек рассказал об удивительных вещах: о том, что тихой жизни Ставрополя пришел конец, что здесь, у Жигулевских гор, развернется невиданное по размаху строительство, что Волгу остановят гигантской плотиной и море затопит город. Настоящее море со штормами, маяками и бетонными стенками волноломов.

Но для того чтобы создать море и гидростанцию, построить поселки и новый город, нужны люди, очень много людей с крепкими, охочими до работы руками.

Эти люди поведут в бой первоклассную строительную технику, ту самую, что идет пока в ящиках, контейнерах и прямо на платформах бесчисленных поездов, спешащих к Куйбышеву со всех концов Советского Союза. В заключение он сказал, что считает десятиклассников одним из резервов будущей стройки, что они могут стать бетонщиками, механизаторами, электросварщиками и влиться в славную армию строителей гидроузла.

Сказал, конечно, о десятиклассниках, и Женя была тут ни при чем — разговор шел не о ней. Но тем не менее эти слова, притаившись где-то в глубине ее души, терпеливо ждали своего часа...

Директор гидротехнического техникума равнодушным взглядом оглядел Женю с головы до ног и, протянув руку, взял документы.

— Так... восемь классов... успехи средние... так... не примем...

— Почему?!

— А потому, что у нас техникум вечерний, а вы нигде не работаете.

— Да я согласна бы работать, но ведь у меня специальности никакой... Я только в школе учусь и...

— Вот и учитесь себе дальше.

— Но я хочу поскорей стать строителем!

— Ничем помочь не могу...

Отец Жени был шофером. Сотни тысяч километров проехал он по стране, сидя за рулем самых разнообразных машин — от первых тихоходных «газиков» до мощных минских самосвалов. Бывалый человек, он не любил длинных разговоров, особенно когда все и без слов было понятным.

Просто на следующее утро он взял Женю с собой на работу и, представив ее начальнику экспедиции, коротко сказал:

— Дочь, значит, моя. Хочет работать и учиться. Не возражаете?

Начальник экспедиции не возражал. В отделе кадров Жене отпечатали на машинке справку, и начальник, размашисто расписавшись, прихлопнул подпись печатью...

Директор техникума долго мял справку в пальцах и даже зачем-то посмотрел ее на свет. Потом сказал:

— Теперь все на месте. Оформлены курьером в экспедицию гидропроекта номер двадцать пять. Так... Допускаю к приемным экзаменам.

Днем Женя бегала с пакетами, вечером, собрав конспекты, спешила в техникум.

Но если директору техникума достаточно было справки, то отец Жени требовал большего:

— Что это за должность за такая — курьер! Бумажки гонять, — ворчал он. — Ну, на первый месяц еще туда-сюда, а дальше засиживаться с молодых лет в конторе ни к чему. Пора бы уж, Евгения, присмотреть себе какое настоящее дело.

И Женя присмотрела. Она решила поступить в учкомбинат, в группу каменщиков. Занятия там проводились днем, практика тоже, так что техникум от этого не страдал.

В восемь утра она садилась за парту в учкомбинате, а после обеда бежала на практику.

— Круче держи кирпич! — Старый сердитый мастер больно тыкал пальцем в ее локоть. — Еще круче, вот так! Теперь клади его впритык. Да нет, неверно, еще раз...

Кирпич тяжелый и холодный. От него коченеют пальцы и немеет рука. Раствор серым месивом сползает по кладке. Разбрызгивая его, кирпич ложится в ряд. Криво. Еще раз, с начала...

Наливается свинцом рука, тонкие острые иголки покалывают под ногтями; Женя сбрасывает рукавицу и дышит на пальцы. Потом снова берет кирпич и, шаркая мастерком по днищу ящика, зачерпывает раствор...

А вечером, усталая и озябшая, наклонив голову встречь студеному ветру, она спешит в техникум. Дорога прорезает крутояр глубоким ущельем. По нему, как по трубе, несется колкий обжигающий снег. Автобуса нет, ждать некогда, и Женя бежит, скользя валенками по укатанному машинами снегу.

— Неопределенным интегралом называется...— доска заполняется скорописью математических выкладок. У Жени тяжелеет голова, за окном в непроглядной темноте бьется у стены бесноватая метель. Скоро одиннадцать, поздно, глаза слипаются, и крючки интегралов, дрогнув, начинают уплывать с белых страниц конспекта.

— До звонка еще десять минут,— говорит преподаватель, и голос его доносится откуда-то из далекого далека.— Но, пожалуй, кончим сегодня на этом, товарищи.— И он уже совсем тихо добавляет:— Я вижу, многие из вас очень устали...

Это хорошо, когда человек понимает человека, тем более что и самому преподавателю наверняка пришлось провести сегодня нелегкий день где-нибудь на продуваемой всеми ветрами строительной площадке. Он ведь не только учит, он и строит вместе со своими студентами...

Это было в 1956 году. Каменщица четвертого разряда Евгения Михайлова по окончании учкомбината направлялась на работу в район № 1, которому было поручено строительство Ставропольского завода синтетического каучука.

На первых порах Женю ждало разочарование. В голой степи, изрытой сурочьими норами, в поникшей пыльной траве стояли два бульдозера да дощатая будка на полозьях из гнутых обсадных труб. Спрятавшись от солнца под широченными брезентовыми зонтами, геодезисты колдовали над мензулами, а в стороне стучал мотор, и перемазанные глиняным раствором буровики складывали в дощатые ящики аккуратные колбаски свежего керна.

До настоящего завода было еще непонятно как далеко. Пока были только буровики с треногами своих вышек да ряды колышков, определяющих границу будущей административной зоны завода, или, как ее кратко называли строители, «адмзоны».

Два года Женя строила жилые дома и подсобные сооружения будущего завода. О ее бригаде прорабы обычно говорили так:

— Михайловские ребята? Деловой народ! Посреди ночи разбуди их, подведи к версте, они вам с закрытыми глазами кладку поведут...

Хорошие это были дни, и хорошая была работа. Не только хорошая, но и нужная. Женя понимала все это, и тем не менее ее все же тянуло туда, где возводились цехи,— живой организм будущего завода.

Они росли, уходя вдаль шеренгами колонн, поднимая к небу стальные силуэты невиданного оборудования. Жене так хотелось строить именно цехи. Хотелось, и в то же время она боялась этой работы, намного более сложной и ответственной. Жилой дом — в нем все понятно, все кажется простым и изученным. Домов тысячи, но все они, в общем, похожи друг на друга. А завод синтетического каучука — единственный в своем роде. Здесь не сбегаешь на соседний участок посмотреть, как заделали балку перекрытия или как уложили звукопо-

глощающий ковер. Здесь все оригинально, все впервые, за все придется нести ответ перед самым грозным и объективным судьей — временем. Техническая инспекция может просмотреть, куратор может не заметить, а время — оно ничего не простит строителю, оно точно в срок скажет свое слово, скажет, где он ошибся, где недоглядел, где проявил небрежность. На то оно и время, чтобы быть объективным и не зависящим ни от кого.

Когда Михайлову спросили в техникуме, какую она изберет себе тему для дипломного проектирования, Женя, почти не задумываясь, ответила:

— Цех завода синтетического каучука.

Кое-кто из однокурсников отговаривал ее:

— Смотри, зашьешься! Бери лучше проект клуба или жилой дом. Типовых решений до черта, и вообще...

Но Женя не взяла другой темы. Так началось ее прямое знакомство с конструктивными схемами цехов Ставропольского завода СК.

Жизнь вносила поправки в проекты. В своей дипломной работе Жене хотелось отразить все, о чем спорили ее товарищи по участку. Там, непосредственно на строительных площадках, создавалась новая технология производства строительных работ, очень часто совсем непохожая на ту, о которой рассказывалось в аудиториях техникума. Учебники безнадежно отставали от жизни, и нередко преподаватели, смущаясь, говорили:

— То, что я вам сейчас объяснил, несколько расходится с данными учебника. Так что вы примите все это лишь к сведению, а выучите, конечно, то, что дано в книге...

Да, экзаменационные билеты составлялись по учебникам, а практика строительства каждый день устраивала свои особые экзамены — неожиданные, головоломные, не дающие времени для раздумий. На этих экза-

менах не считались с учебными программами, и результаты нельзя было расценивать по пятибалльной системе...

Мне запомнилась большая, празднично убранная аудитория. Длинный стол, за которым мы — члены государственной экзаменационной комиссии.

Названа фамилия Михайловой. Она выходит к стендам, быстрыми, немного нервными движениями расправляет тугие листы ватмана, роняет кнопки, смущенно наклоняется за ними.

«Спокойнее! — хочется сказать ей. — Ну, чего ты волнуешься? У тебя же отличный проект! Я ведь не волнуюсь, хотя и моя подпись стоит в его штампах...»

Но, во-первых, сказать эти слова нельзя, а во-вторых, я тоже волнуюсь, несмотря на то, что абсолютно уверен и в Михайловой, и в дипломном проекте, который предстоит ей сейчас защищать.

Защита дипломного проекта... Именно защита, потому что дипломант обязан доказать правильность своей, самостоятельно продуманной точки зрения, защитить свое, авторское, мнение.

Уже потом, после защиты, Женя, вспоминая пережитое, говорила мне:

— Так сильно я волновалась, пожалуй, раза три в жизни, не больше. Это когда меня принимали в комсомол, потом когда сдавала техинспекции первый объект и, пожалуй, когда избирали секретарем комитета ВЛКСМ участка. Только трудно сказать, какое из этих волнений было самым большим...

Как-то в один из морозных январских дней 1961 года Женю разыскал секретарь горкома комсомола Виталий Якимов. Они хорошо знали друг друга. Не так еще давно Виталий был комсомольским вожаком строителей завода СК. Он отвел Женю в сторону и, поправив при-

вычным жестом сползающие на нос очки, крикнул ей в самое ухо, стараясь перекричать шум стройки:

— Решили послать тебя в Куйбышев, на областной слет передовиков строительства! Как лучшего мастера управления. А там и в Москву!..

Несколько дней, проведенных Женей в Москве, оказались настолько насыщенными встречами, спорами, событиями, что их трудно, почти невозможно было осмыслить и оценить сразу. Только спустя месяц, постепенно и надолго, на всю жизнь, укладывались в голове воспоминания о каждом часе, о каждой встрече, о каждом слове. На Всесоюзное совещание молодых строителей приехали люди из самых дальних, порой даже неизвестных Жене уголков Советского Союза. Здесь были строители большой Москвы и монтажники с Братской ГЭС, каменщики из Грузии и столяры из Прибалтики. Здесь собрались молодые люди, чьими руками поднимались кварталы Целинограда и заводские корпуса в Темир-Тау.

Когда Женя услышала, что ее фамилия названа в списке членов президиума совещания, она сначала опешила, подумала, что это ошибка, совпадение...

— Иди, иди! — подтолкнули ее друзья. — Раз выбрали, значит, иди, трудись!

На Женю из зала глядели сотни и сотни глаз. Глаз, привыкших к холодной синеве стали, к блеску расплавленного электрода, к голубым далям, открывающимся из кабины крановщика.

Тогда же, в Москве, в перерыве совещания, она вышла на Красную площадь. Кончался короткий зимний день, и в мгlistом заснеженном небе рубиновым огнем загорались кремлевские звезды. Женя спустилась на улицу Горького и зашла в первый встретившийся ей книжный магазин. До закрытия оставалось минут пять,

в магазине почти никого не было, и продавщица, отвернувшись от прилавка, разглядывала в зеркальце сбитую набекрень меховую шапочку. Женя подошла к прилавку. Продавщица, спрятав зеркало, выжидающе посмотрела на нее. Лицо Жени было сосредоточенным и строгим.

— Дайте мне, пожалуйста,— сказала она,— Устав Коммунистической партии Советского Союза...

* * *

Это произошло в самый обычный день, не по-осеннему теплый и солнечный. Строители завода СК уже привыкли к транспарантам с короткими призывами:

«Каучук на своем дивиниле — ко дню открытия XXII съезда КПСС!»

В этих словах было все: это был девиз, это была программа действия, это было обязательство, взятое на себя рабочим классом.

Строителям некогда было читать транспаранты, они спешили. Но где-то в глубине души у каждого из них сосал червячок тревоги: успеем ли? Ведь дел оставалось уйма. Особенно мелких, а следовательно, самых беспокойных. Нужно было, помимо всего, успеть привести в порядок заводскую территорию, озеленить ее, сделать такой, чтобы она была достойна одного из первенцев «большой химии»...

Этот день начался так же, как и все остальные, в привычном темпе пускового периода. Полуденное солнце пекло спину, и Женя сбросила с плеч жесткую брезентовую куртку.

— Михайлова!— кричал ей кто-то.— Ходи сюда, замеряй объем!..

— Мастер!— несло с самой верхотуры.— Ползи к нам, здесь недоразумение!..

— Михайлова! К старшему прорабу!..

Обычный день, полный дел, одинаково неотложных, требующих внимания, терпения и знаний.

И вдруг словно все остановилось. Что-то крича, пробежала группа людей. Потом еще одна и еще. Какая-то необыкновенная весть смерчем понеслась по огромной территории строительства завода, захватывая в своем стремительном беге все новых и новых людей.

— Да что такое?— окликнула Женя пробежавшую мимо бетонщицу.

— Первый каучук вы-да-ли!..

Первый лист каучука. Серый, пористый, мягкий, с едва уловимым запахом. В воздухе замелькали перочинные ножи. Каждый хотел отрезать себе кусочек, хоть маленький, хоть с полпальца листик первого ставропольского каучука.

Женя взяла в руки мягкий комочек, в котором сосредоточилось столько человеческого труда, надежд и исканий.

Ей показалось, что он замечательно пахнет. Пахнет весной, шумящей и радостной, всепобеждающей весной ее жизни...

Время бежит и многое меняет на своем пути. У Жени Михайловой давно уже другая фамилия — Хитина.

— Что же еще изменилось за эти годы?— спрашиваю я.

— Многое, конечно... И тем не менее я осталась верна своей первой, второй и третьей любви. Я по-прежнему люблю мою малую родину, мой город, в котором родилась. Я осталась верна моей любимой профессии, профессии строителя. И своему заводу — продолжаю работать на нем старшим инженером управления капитального строительства...

— А ты знаешь,— сказал Семизоров,— я хорошо ее помню! Именно по тем временам, связанным со строительством завода синтетического каучука. Сколько таких вот девчушек и тогда, и теперь на стройплощадках ВАЗа и Тольяттинского азотного завода показали образцы такой целеустремленности, такой... высокой стойкости, понимаешь, убежденности. Вот это очень важно: убежденность человека. Когда он не просто «вкалывает» от зари до зари, а трудится творчески, с выдумкой, с судовольствием, сознавая, что нашел главное дело своей жизни и уж за него-то сумеет постоять, не даст никому его обидеть, принизить халтурным, безразличным отношением. Вот тут тебе весь набор прекрасных рабочих качеств: энтузиазм, заинтересованность в результатах общего труда, стремление сделать его красивым, современным, умным... Да, девчонки-комсомолочки, неумные сердца!.. Как много их было, как много их, на наше счастье, есть и сейчас. Не ко всем, конечно, пришла и придет громкая слава; ко всем она, сам знаешь, не может прийти. Да разве в этом дело?

— Думаю, что нет...

— Только ради славы немногое сумеет человек. Если он заранее говорит себе: я иду на свершение подвига — значит, внутренне не готов к нему; внешняя сторона закрыла от него истинную суть и ценность поступка. Подвиги не задумываются заранее и не репетируются. Их свершают либо в момент наивысшего духовного взлета, либо идут к ним всю жизнь, изо дня в день, не замечая, как правило, того, что это путь к подвигу... Возьми ту же Валю Савилову, а? Со всей ее скромностью, застенчивостью даже, и одновременно — с недюжинной силой и упорством, которыми она и удивляет, и захватывает окружающих. Никто из нас не видел Валю в пору ее профессионального становления, не знал о ней ничего, как

говорится, и слыхом не слыхал. Никакие подвиги и героизм не программировались, сам знаешь. Савинова была растворена среди тысяч и тысяч других. А потом?.. Необыкновенная все же судьба! Впрочем, необыкновенен и талант Валин, повлиявший на тех, кто был и даже не был рядом с ней. Обязательно расскажи о Вале Савиновой, не забудь!

— Не забуду,— пообещал я.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Жили два друга, два непохожих один на другого человека, Федор да Игнат.

По-разному складывалась их жизнь.

Федор с раннего детства остался круглым сиротой. Воспитывался у дяди, пожилого казака, обремененного большим семейством. В 1914 году сравнялось Федору шестнадцать лет — возраст для казаков призывной, с шестнадцати садились они в седло.

Но служить в действующей армии черед пришел не Федору, а дяде.

— Слушай,— сказал ему тот.— Один ты на земле, как перст. А у меня вон — семеро по лавкам. Куда они денутся, ежели мне уходить? Сгибнут ведь... Може, заменишь меня? Справу всю дам, и коня бери. К куренному ходил я, спрашивал об деле этом. Давай, гутарит, снаряжай племяша, ежели он согласный. С молодого службе больше толку выйдет...

Так и зачислили в отбывающую на фронт сотню молодого казака Федора Семизорова.

Росту он был небольшого, характером незлобив и смирен и даже чуб — гордость любого казака — не выпускал из-под фуражки; светлые, как на молодом кукурузном початке, волосы стриг коротко, по-городскому.

— Ничего, Федь, война — дело веселое, казацкое, — говорил ему на прощание Игнат. — Даст бог, свидимся скоро, я тоже в станице не засижусь...

Свиделись они нескоро. Только после гражданской вернулся домой буденновец Игнат Гудков. Узнал, что друг его жив-здоров, обрадовался.

— Ну, Федь, новую жисть теперь закрутим! Такую, что и помирать не надо. Будя, повоевали досыта...

Вскоре Игната избрали председателем сельсовета, а Федор Семизоров до тридцатого года работал секретарем РИКа. Потом заочно окончил учительские курсы и вместе с женой учительствовал в разных краях много лет.

А дружба их продолжалась. Шумный, громкий, развеселый Игнат и скромный, задумчивый Федор оставались по-прежнему самыми близкими друзьями, и не было меж ними ни разу ни ссоры, ни даже малой размолвки.

Дружба эта передалась и сыновьям.

— Мы в Новочеркасске жили, — вспоминает Николай Федорович, — и бывало прямо среди ночи громкий стук в дверь и голос знакомый: «Отворяйте, казаки, ворота, гости едут!..» Дядя Игнат, ясное дело. Стучит носком сапога — руки заняты: связки баранок, кульки да банки, а в карманах бутылки с ситро и кое-чем другим. Мать на стол собирает, и пошло веселье... Ты знаешь, пример большой, искренней дружбы двух людей — какая это великая штука для тех, кто растет рядом, наблюдает, старается понять и перенять. С сыном дяди Игната,

Николаем, мы по сей день друзья, хоть и разметала нас жизнь. Помнишь-то Колю Гудкова?

— Как же не помнить? Работали вместе. Не один год...

— Хороший человек. Мальчишками росли, а вот ни разу не было у нас с ним раздора. Однажды только чуть до ссоры не дошло. Шахматами мы увлеклись, часами играли и вот чего-то там заспорили, помню, слово за слово, гляжу, вцепимся сейчас друг в дружку. А тут печка рядом, я — р-раз! И в топку все фигуры с доской вместе. Николай за ними было, да поздно уже. На этом конфликт наш и кончился...

Старые добрые отцы. Они досыта навоевались в молодые годы. И вновь ушли на войну при первых же звуках боевой трубы.

Буденновец Игнат Гудков был убит недалеко от тех мест, где принимал боевое крещение солдат Николай Семизоров.

— А отец мой прошагал до самого последнего дня, до Победы,— Николай Федорович говорит это как бы удивленно: прошел немолодой уже человек через такие испытания и цел остался!— Мне вот не привелось, а отец увидел поверженный Берлин, стоял у рейхстага, искал на его стенах фамилии земляков, друга своего Игната вспоминал...

В сорок пятом Николай Федорович уже учился в политехническом на втором курсе. А вечерами прирабатывал, время было несытное.

— Карты я чертил. Переплетным делом занимался и учился, представь себе, неплохо. До последнего курса продержался в отличниках... Ты заметь, нынешнее старшее поколение куйбышевгидростроевцев, оно прошло очень схожий жизненный путь. У всех, почти без исключения, тяжелое военное прошлое, походы, ранения...

Чем дальше уходит от нас война, тем острее ощущаем мы ее трагическую суть, ее след на всю оставшуюся жизнь... И в то же время крепкое оно, наше поколение, устойчивое в любых испытаниях. Возьми Досаева Петра Алексеевича. Какой человек!..

РАССКАЗ
О МАШИНИСТЕ БУЛЬДОЗЕРА
ПЕТРЕ ДОСАЕВЕ

Один мой знакомый, немолодой уже человек, вспоминая свое прошлое, неизменно добавляет:

— Годы, они как груз. Тяжкий груз воспоминаний давит на плечи, на сердце, на душу, пригибает ее к земле. Поэтому я не люблю вспоминать. А не вспоминать — не могу.

Это верно, человек не может не вспоминать. Если ему есть, конечно, что вспомнить.

Моему поколению чаще всего вспоминается трудное: война — она совпала с нашей юностью; послевоенные годы долгого и нелегкого труда — они пришлись на самую молодость, повторить которую нельзя, компенсировать нечем.

И все же я не согласен с моим знакомым и не считаю, что воспоминания, пусть даже самые тяжелые, пригибают человека к земле. Наверное, здесь все зависит от самого человека.

В который раз я задумываюсь над тем, что воспоминания никогда не оборачиваются пустым занятием, если не о пустяках вспоминает человек. Перебирая события давно минувших лет, невольно сравниваешь людей, их

поступки, их устремления, их мечты с тем, что происходит вокруг тебя сегодня. И начинаешь понимать: вот ведь откуда идут они, корни того доброго, самоотверженного и бескорыстного начала, которое становится стилем жизни для большинства людей нашего общества.

Когда зашел у нас с Семизоровым разговор о золотом фонде Куйбышевгидростроя, о лучших его людях и в этой связи о Досаеве, Николай Федорович сказал:

— В Петре Алексеевиче есть очень добрая черта, которая всегда ценится в человеке — душевная открытость, распахнутость этакая. Не нужно с ним пуд соли съесть, чтобы понять это и почувствовать. Никогда не произнесет он не вслух, не про себя, увы, частенько слышимые нами слова: «а что я с того буду иметь?» Думаешь, немного это? Нет, много! Не терплю я тех, кто живет по поговорке: «За хлеб, за соль, извольте — спляшем вам, а за вино и песенку споем». Ничего мы здесь не построили б, кабы за все вина просили... Много говорится и пишется о героизме, о самоотверженности и верности, а надо бы с такой же силой и о бескорыстии человеческом рассказывать. Не на пустом месте оно рождается...

Ничего не рождается на пустом месте. Мирные поля моей родины, засеянные пшеницей и рожью, три с лишним десятилетия назад были распаханы траками танковых гусениц, засеяны свинцом и стальными осколками, орошены кровью. Сейчас на этой же земле растет хлеб, и земледельцы семидесятих годов благословляют его всходы. Не словами, не поклонами, не молитвами — многотрудным деянием своим, о котором спустя еще тридцать лет и еще тридцать раз по тридцать с благодарностью будут вспоминать потомки. Не на пустом месте им сеять свой хлеб...

Я хочу рассказать о простом солдате. Он ушел вое-

вать мальчишкой, оставив на осиротевшем колхозном поле свой вконец изношенный тракторишко.

Поводила война солдата по далеким краям, непохожим на его родное Заволжье. Они казались такими одинаковыми на вид: заросшие будылем пашни, черные, сгоревшие деревни, измученные голодом и неволей люди. Женщины выходили навстречу танкам, трогали руками пятиконечные звезды на шершавой, исцарапанной броне, точно не верили глазам своим.

Все повидал солдат Петр Досаев. И огонь, и кипящую воду форсируемых рек, и медные трубы смерти. Трубит она: конец тебе, Досаев, отвоевался, все!

Нестерпимо багряным светом застилает глаза. Последняя заря над тихой рекой, над Волгой, которая так далеко сейчас от брезентовой операционной медсанбата...

Но белым облаком сквозь горящее небо проступает марлевая маска хирурга. Едва различимо доносится его голос:

— Наркоз... Считайте...

«Непригодный к прохождению дальнейшей воинской службы», с недолеченными ранами вернулся Досаев в свое село и снова сел за рычаги такого же, как и он, полуживого трактора.

Стоит ли вспоминать об этом сегодня, через три с лишним десятилетия после нашей Победы? Стоит. Это просто необходимо! Потому что понятней и прекрасней становится многолетний подвиг ветерана Великой Отечественной войны Петра Досаева в мирных битвах за кубометры, проценты, минуты.

Они беспощадны порой, эти мирные битвы. Так много лет уже Досаев верный их солдат. И пусть называются битвы совсем не по-военному: строительство Куйбышевского гидроузла, возведение промышленных комплексов

в Тольятти, сооружение Волжского автомобильного, они все равно — битвы.

Поэт сказал:

Из одного металла льют
Медаль за бой, медаль за труд...

Звезда Героя Социалистического Труда, она — из золота. Тяжелый и чистый металл. И путь у Петра Досаева тоже тяжелый и тоже чистый. Именно поэтому, вспоминая обо всем пройденном, не вздыхает и не сетует бывший солдат и пахарь Петр Алексеевич Досаев. Не гнут его к земле воспоминания, наоборот, придают дополнительную силу, помогают и ему и другим.

Как это важно — помочь другим. Помочь стать человеком. Или мастером своего дела. Или просто самим собой.

— Война приучила нас помогать друг другу, — говорит Петр Алексеевич. — Это вообще должно войти в натуру каждого — желание помочь. Органичное, внутреннее желание. Помочь тому, кто моложе, тому, кто неопытнее, а может, слабее. Случается ведь так в жизни: упадет духом человек, все ему в черном свете, все вокруг бедой оборачивается. Не приди на помощь в такую минуту — пропадет...

По-разному пропадает человек. От неверия, от отчаяния, от боли, от одиночества. От мысли, что никто не придет на помощь.

Но через красную пелену проступает белая марлевая маска, и спокойный голос заглушает вой медных труб:

— Страшное уже позади, солдат. Теперь — спать!..

Все это давно уже, казалось бы, ушло в историю. Давно пережитое, переболевшее, передуманное.

Уйти-то ушло, но все равно продолжает жить рядом,

по-разному напоминая о себе. Это и боль старой раны, и радость встречи с фронтовым другом, и коварный выпад непримиримого врага.

Врагом может быть подлость, равнодушие, зависть, злоба. И Досаев воюет со всем, что мешает жить. Жить тем, кого он любит, кому он верит, для кого он строит и ради кого идет в бой. Как коммунист, как народный депутат, как рабочий человек, ветеран Великой Отечественной...

У него очень мало свободного времени. Но когда оно приходит, словно короткий передых меж боями, Досаев не бежит от воспоминаний и не таит их в себе. Они ведь не всегда личное достояние человека.

Разве можно сохранить только в памяти участников тот день, когда строй бульдозеров, точно танковый полк, двинулся в наступление на степь?

«Вот он и начался,— подумал каждый,— Волжский автомобильный...»

Великая жизненная удача — начинать какое-то очень большое дело «с нуля», с первого шага.

Судьба подарила Петру Досаеву не одно такое дело. Впрочем, «подарила» не совсем точное здесь слово. Подарок чаще всего ждут. Порой наивно, как ждут дети в новогоднюю ночь прихода Деда-Мороза и вешают на спинку кровати чулок, чтоб было куда положить подарок.

Петр Алексеевич не ждал. Он шел навстречу своей судьбе, забыв о старых ранах, о покое, о многом другом. И судьба не обделила его.

— Ничем не обделила,— соглашается Досаев.— Особенно на добрых, хороших людей щедрой казалась. Много мне их повстречалось на пути...

Это случилось зимой, метельной и трудной зимой шестьдесят девятого года. Остановились дороги, веду-

щие на стройплощадки ВАЗа. Стали, как говорится, на-
мертво — ни пройти, ни проехать, завалило все снегом.
С его сухими, колючими барханами не в силах были
справиться обычные бульдозеры. Требовалась мощная
машина, которая оказалась бы сильнее безудержной
степной метели.

Досаевский ДЭТ-250 был сильнее. Но до него надо
было идти не один километр, потому что ехать не на чем,
все стоит.

Петр Алексеевич был болен — острый приступ ради-
кулита безжалостно сковал его, малейшее движение вы-
зывало боль, где уж тут работать. Досаева отговаривали,
но он молча, прикусывая губу, чтобы не застонать, на-
тянул валенки.

— Пошли!..

В метельной круговерти тонули знакомые очертания
домов, на перекрестках белые смерчи выплясывали бе-
совский танец. Превозмогая боль, Досаев шел, пробивая
плечом плотную завесу летящего снега.

— Может, вернешься, Петр Алексеич? Ну, куда ты,
хворый да в такой ад крошечный?

— Пошли, пошли! — нажимая на «о», повторял До-
саев. — Пошли...

Тяжелый, напористый и неутомимый, как слон,
ДЭТ работал всю ночь, оставляя за собой полосу, сво-
бодную от снега. Бульдозеры помельче подчищали доро-
гу, и вереницы грузовиков постепенно трогались к строй-
площадкам.

Когда жгущая огнем боль становилась нестерпимой,
Досаев открывал дверцу и, даже не пытаясь распрямить-
ся, валился в снег. Он катался по нему, а рядом, упер-
шись лучами фар в белесую мглу, стояла громадная,
могучая машина. Казалось, что она терпеливо, с сочув-
ствием ждет, пока хозяин ее и хранитель вновь подни-

мется в кабину и положит сильные свои руки на послушные им стальные рычаги.

Ночная смена, наверное, так и не узнала о том, кто выручил ее, не дал сбавить ход, остановиться, просто-ять. И чего это стоило Петру Досаеву.

Если б за всю свою жизнь Петр Алексеевич не совершил бы больше ни одного выдающегося поступка, все равно мы были бы вправе именовать его героем. Лишь за одну ту метельную февральскую ночь тысяча девятьсот шестьдесят девятого года.

— А как же мне было не пойти тогда?— Досаев недоуменно пожимал плечами.— Какой бы пример я другим подал, особенно молодым? Нет уж, коль назвали тебя люди Героем Труда, то, значит, с той поры ты весь у них на виду, каждый твой поступок ими во внимание берется. В газете справку о моем радикулите не печатаешь и по радио ее не прочтешь; выходит, надо было идти и чистить ту дорогу, и никакой это не героизм, а рабочий долг. Как был вот на войне солдатский долг, так и здесь...

О сказанном Петром Алексеевичем можно думать, можно соглашаться с ним или возражать, но главное остается неизменным — чувство его величайшей ответственности перед людьми. Именно это чувство подняло с постели больного Досаева, и он, забыв про боль, добрался через метельные передувы к своему бульдозеру. И не ушел с него, пока не расчистил дорогу, не открыл путь к строительным площадкам Автограда.

И я верю — не мог поступить иначе Петр Алексеевич, не мог, и все тут. Пусть даже во сто крат сильнее была б боль, он и тогда пошел бы...

За приз его имени соревнуются молодые механизаторы Куйбышевгидростроя. Он очень дорожит этой честью — призом имени Досаева.

— Очень многое в жизни зависит от того, как на нас молодежь посмотрит, на дела наши,— говорил мне Петр Алексеевич.— Увлечем мы ее примером своим, вдохновим, удивим, если на то пошло, значит, не останемся без смены и в добрые руки отдадим все сделанное нами за долгие, трудные наши годы. А быть твердо уверенным в этом и есть, по-моему, счастье. Громадное счастье, так тебе я скажу...

— Есть слова, которых я в какой-то степени опасюсь...— сказав эту фразу, Семизоров подошел к окну, отдернул гардину. За темным стеклом — унылая песня осеннего дождя. Холодно там, на улице, неуютно. — Эх ты, развезло погодушку, а с картофелем еще не управились. Завтра опять пятьдесят машин на вывозку посылать, а где их взять прикажешь? Думают, у меня машин что травы в поле. Вот и дергают пучками...

— Какие слова ты имел в виду?— напомнил я Семизорову, не столько из любопытства, а чтобы отвлечь его от невеселых дум о ранней дождливой осени и о недостающих грузовиках.— И почему ты их опасешься?

— Какие слова?.. — повторил за мной Семизоров и провел пальцем по запотевшему стеклу.— Ну, вот, например, «счастье»...

Он начал писать на оконном стекле это слово, вывел первые буквы, потом стер ладонью, вернулся к столу.

— Чем же опасно это слово?— не понял я.

— Да не опасно, конечно. Многозначно. И, выходит, трудно объяснимо. У кого-то на первый взгляд все в полном порядке, все вроде бы ладится — и жизнь и работа; даже завидуют ему. А он считает, что не пришло к нему настоящее, большое счастье, ищет его по свету, ждет и никак дождаться не может.

— А если просто привередничает или с жиру бесится?

— Ишь ты! Как же я узнаю это? У меня свой взгляд на понятие «счастье», у тебя свой, а у него еще какой-то, неизвестный мне... Есть, конечно, люди, ну, что ли, ладные, все у них в жизни прочно, ясно. Тот же Петр Алексеевич Досаев, о котором мы с тобой недавно толковали. Да, он счастливый человек, хоть и счастье у него нелегкое и непростое. А предложи иное — откажется. Однако далеко не у всех такое точно сложившееся понимание своего истинного места на земле, не каждому удалось вывести до конца формулу своего счастья.

— Ну, и что?

— А то, что мне, руководителю, необходимо знать, к чему же стремится, чего же хочет каждый из работающих со мною людей? Тогда и линия моего поведения по отношению к ним будет безошибочной, не нанесет никому ненужной обиды, не создаст иллюзий, а следовательно, и разочарований впоследствии, не вызовет кривотолков и раздражения. Ошибка руководителя, она ведь неизбежно дробится на десятки сопутствующих ошибок, совершаемых вслед за ним уже другими.

— Но ведь это же нереально: знать, что на уме у каждого, притом в таком коллективе, как Куйбышевгидрострой.

— Вот самая что ни на есть опасная точка зрения. Нельзя, мол, знать о тысяче человек, так и о десяти ведать незачем.

— Такого я не говорил.

— Оно само по себе получается. Мы частенько считаем, что худая стоянка лучше доброго похода. Спокойней, во всяком случае, хлопот поменее. И я ловлю себя порой на этом, и приходит тогда ко мне ощущение неудовлетворенности собой, как руководителем... — Он сно-

ва подошел к окну, отодвинув пальцем гардину, смотрел, как скатываются по черному стеклу ртутные капли дождя.— Эх, и рассупонило не ко времени!..

Не раз и не два возвращался я мысленно к нашим разговорам с Николаем Федоровичем. К разным: к обстоятельным, неторопливым — они случались редко; к коротким, когда выдавались вдруг у Семизорова свободные полчаса, и я спешил не упустить их.

Постепенно, с годами, складывался в моем сознании обобщенный образ этого человека, как бы состоящий из многих образов-слагаемых, ибо Николай Федорович на редкость разнообразен, неодинаков, не похож порой на самого себя (разумеется, на такого, каким в данный момент его ожидали увидеть).

Одним из главных образов-слагаемых, по моему глубокому убеждению, является образ Семизорова-руководителя. Почти два десятилетия на посту начальника управления Куйбышевгидростроя — труднейшее испытание и временем, и возможностями, и славой, и неудачами...

Да чем только не испытывала жизнь в течение этих лет? Надежды и сомнения, мечты и разочарования. К разным метаморфозам может привести этот непрерывный экзаме́н на право руководить десятками тысяч людей.

У каждого, конечно, свое, сугубо личное мнение, и у меня тоже, хотя я знаю, что его разделяют очень многие: Николай Федорович Семизоров за все прошедшие годы ни на йоту не изменил своим основополагающим жизненным принципам, своему отношению к окружающим, не утратил счастливую способность восхищаться ими, беспокоиться о них, интересоваться, счастливы ли они.

Все это требует не только душевной щедрости, терпения и веры, но и времени. Времени, которого Семизорову так не хватает.

Однажды я решил захронометрировать его рабочую неделю, самую обычную, взятую наугад. Складывалась она примерно так: понедельник — начало рабочего дня в полвосьмого утра. До полдевятого — разбор почты и первые телефонные звонки. В девять — планерка, в одиннадцать — штаб на ТоАЗе, в четырнадцать — поездка в Куйбышев, в обком партии, в девятнадцать совещание по жилью, в двадцать пятнадцать — подробный разговор с главным инженером Дмитрием Владимировичем Еремеевым в связи с предстоящим приездом сразу двух министров, в двадцать один тридцать — снова почта, бумаги, телеграммы, в двадцать два он оделся и сказал, наконец, дежурному секретарю:

— Кажется все, Мария Кузьминишна, можно по домам...

Потом были вторник, среда, пятница, суббота... Примерно все то же самое. Внешне, разумеется, по темпу, по стилю, по уплотненности рабочего времени. Существо же дел менялось день ото дня и час от часа. В рабочую программу Семизорова входили заседания бюро горкома и райкома партии, депутатские приемы, приемы по личным вопросам, совещания в облисполкоме, встречи с иностранными делегациями, выступления на партийных собраниях, посещения общежитий, участие в комиссиях. И еще, и еще, и еще...

В субботу день выдался нерабочий. К полудню Николай Федорович был уже дома. Наконец-то докопал сад и оставшийся «должок» на огороде, сотки две. От влажной земли пахло осенью, дымом сгоревшей листвы. Он собрал подвернувшихся под лопату дождевых червей — авось выгорит в воскресенье съездить на Сусканские пруды, отстоять с ружьишкой зорю, а потом посидеть с удочкой под еще теплым сентябрьским солнцем (ну, коли не повезет, так и под дождем, эка беда!..).

Перед сном закончил главу бондаревского «Берега». Больше за эту неделю не получилось. Надо было еще многое успеть. Тем более что на следующей неделе предстояли поездки в Оренбург, а затем в Москву...

Над розовеющей гладью степного озера темная эмаль предутреннего неба. Лишь по самому краю тронула его разбавленная киноварь зари. Сквозь заросли пожухшего рогоза осторожно пробирается одинокая лысуха. Выходит на чистую воду в дальнем конце озера, словно знает наперед, что там нас нет и ей ничего не грозит.

— Не будет, похоже, лёта, — говорит Семизоров. — Ладно, порыбалим хоть всласть...

Полоска зари разгорается все ярче. Еще немного, и тусклую степную даль вызолотит пробившееся сквозь туман солнце.

Оттуда, от него, еще невидимые, летят над самой стерней тяжелые, долгожданые «сибирки». Резкий свист крыльев, предупреждающий голос вожака, и в наши замершие от волнения и восторга сердца гулко ударяют торопливые выстрелы.

Туман прижимает к воде пороховой дым. Он долго висит над ней сизыми облачками.

Охота! Охота — радостный короткий праздник, счастливые полчаса в награду за сто трудных часов рабочей недели Николая Семизорова.

Не преувеличу, если скажу, что любительская охота занимает в его жизни очень большое место. Не по времени, конечно, а по значению, пренебречь которым невозможно. Потому что для Семизорова охота не просто отдых вдали от изматывающих душу дел, а особый мир, в который он всякий раз вступает, ожидая нового чуда.

Этот мир и впрямь полон чудес, открытых тем, кто пришел в него не ради одной добычи. Не бывает двух одинаковых зорь, и дождь всегда по-разному стучит о бре-

зент палатки, и по-разному кричат каждую осень гуси, летящие над колючей стерней опустевших полей.

Удачна иль неудачна охота — не в том ее суть; как часто истинных любителей дробовой стрельбы путают с примитивными добытчиками.

Для того же Николая Федоровича охота не может быть неудачной, потому что даже при самом крайнем невезении обязательно достанутся в награду запах прогорающего костра, шелест камыша на озерном плесе, прозрачные капли утренней росы на озябших кустах краснотала. И надежда на то, что эта встреча с тишиной и нетронутостью природы не последняя, что все еще впереди, самое удивительное и самое неожиданное. И охотничья удача, всем на зависть, тоже...

Этой зимой по глубокому, выше метра, снегу выпало Семизорову преследовать редкую для наших мест дичину — матерого, с поседевшей жесткой гривой волка. Он уходил, взрывая сугробы широкой сильной грудью, время от времени оглядываясь на преследовавшего его охотника.

— Вот, говорят, у волка шея тугая, не дает ему головы повернуть, — рассказывал мне Николай Федорович. — А этот, понимаешь, еще как озирался!.. Впервые я вот так волка гнал. Случайно вышло, мы и не думали, что серого поднимем... Долго он нас марьяжил. И хитро — все к оврагу норовил прорваться. А в нем снегу — с головой! Ушел бы, чего там... Добыли мы его, значит; громадина, красавец просто! И знаешь... жалко мне стало. С одной стороны, азарт, конечно, охотничья гордость, да и колхозникам помогли от эдакого прожорливого нахлебника избавиться, но... все равно жалко. Такое, понимаешь, сильное, совершенное творение природы, чудо, можно сказать. Жил бы себе...

Сложен человек в своем отношении к тому, что он делает, вольно или невольно. Каждый по-своему сложен.

НЕ РАССТАНУСЬ С КОМСОМОЛОМ...

Разно складываются судьбы строек. Одним из них суждено стать всесоюзно известной. К таким относилось строительство Волжской ГЭС имени Владимира Ильича и особенно возведение ВАЗа.

А вот Оренбургский газоперерабатывающий завод, все три его очереди, несмотря на чрезвычайную важность этого предприятия, был построен Куйбышевгидростроем как будто между делом, «тихо». За этой «тихостью» стоит напряженнейший труд множества строителей, работавших в условиях не самых лучших. Одно дело — стройплощадка, пусть даже отдаленная, в часе езды от дома, и совсем другое — объект, на который несколькими тысячам рабочих надо уезжать на месяц или два, работать на нем и жить в отрыве от семьи, по неуютным нормам командировочного житья-бытья.

Грандиозный завод, способный переработать в год сорок пять миллиардов кубометров газа, современнейший завод, на котором используется изготовленное по послед-

нему слову техники оборудование, предстояло построить и сдать в эксплуатацию в сжатые до предела сроки. И не просто предстояло, а было необходимо отлично построить и с честью сдать!

— А ведь если прикинуть по объемам и деньгам, то Оренбургский, считай, — почти четверть ВАЗа, — Семизоров сказал это так, словно и сам вместе со мной порадовался сказанному. — Четверть ВАЗа! — повторил он. — Шутка сказать... И трудно же дался нам этот завод. Большие силы бросили мы туда...

Сама по себе «большая сила» мало что значит; ее надо суметь по-умному организовать, пустить в ход вовремя и с таким расчетом, чтобы каждый день и каждый час для этой большой силы имелась бы соответствующая точка приложения. Пожалуй, в этом была заложена великая из всех трудностей, которую пришлось преодолеть Куйбышевгидрострою на пути к тому дню, когда можно было сказать с чувством радости, гордости и одновременно облегчения:

— Сдали Оренбургский! Справились...

И не надо забывать, что параллельно со вступающими в строй очередями газоперерабатывающего завода продолжали входить в строй действующих цеха Волжского автомобильного. А следом, без передышки началась новая и тоже труднейшая эпопея строительства Тольяттинского азотного завода. Не просто завода, а целого города химиков.

Именно на площадки ТоАЗа ушли лучшие строительные бригады, за спиной которых бесценный опыт гидростроя, первых объектов большой химии Тольятти, ВАЗа и Оренбургского газоперерабатывающего. Бригады-ветераны и бригады, сформированные из девушек и парней, приехавших на первую в их жизни Всесоюзную ударную комсомольскую стройку...

Те, кто долгие годы связан с Куйбышевгидростроем, в силу привычки называют его «стройкой», «нашей стройкой», в то время как это — сложнейший комплекс строек, одновременных или сменяющих одна другую. Причем все они были и остаются молодежными стройками; над ними во все времена официально либо неофициально шефствовал комсомол.

За свою историю Куйбышевгидрострой выпестовал не только великолепных знатоков строительного дела — инженеров и высококвалифицированных рабочих, но и плеяду одаренных комсомольских вожаков. Кстати, и Николай Федорович начинал свою инженерную деятельность одновременно с комсомольской — в 1951 году его избрали секретарем комитета комсомола Ставропольского строительного района.

Для комсомола обязательны возрастные пределы, это общеизвестно. Приходит время и как бы говорит тебе: все, кончилась твоя комсомольская пора, стар ты стал для комсомола, пора сдавать полномочия. А человеку всего под тридцать, и понятие «старость» для него еще совершенно абстрактно.

И я вновь вспоминаю слова Семизорова: возраст — категория условная. Во всяком случае, сугубо индивидуальная. Люди и впрямь меняются порой лишь внешне, навсегда сохраняя в себе молодой задор, присущую юности остроту восприятия окружающего, способность удивляться и полную неспособность быть равнодушным.

— Не знаю, может, ты и не согласишься со мной, не знаю, — Семизоров пожал плечами, — но что до меня, то я оставлял бы в комсомоле тех, кто обладает таким богатством, как сохраненная навсегда молодость. Не в сечине же суть, не в количестве прожитых лет, а в том, умеет ли человек понимать молодежь, жить ее интере-

сами, ее ритмами, да, да — именно ритмами, смотреть на мир ее глазами.

— Как бы это выглядело организационно?

— Откуда я знаю? Я тебе — идею, а ты сразу требуешь организационное ее воплощение... Ну, оставляют же сейчас тому, кто заслужил это, комсомольские билеты на память, так сказать?

— Оставляют.

— А я бы и с учета не снимал тех, кто в комсомоле по гроб жизни, понимаешь, состоять должен! Бывают же такие?

— Бывают. Ты, например.

— Да ладно! Я же серьезно... Польза от таких людей была бы колоссальная. Чтоб и на собраниях они ходили, и в турпоходы с гитарами, и во все дела влезали бы. Я не о тех, что молодятся, петушками скачут, такие смешны, молодежь к ним иронически относится. А вот бывает — в рот смотрят, каждое слово ловят, с самым сокровенным придут, выложат как на духу... Ты сейчас скажешь: это же наставники, они есть, их уже много. А я не о наставниках. Я о комсомольских вожаках, штатных как бы, не дублирующих, конечно, секретаря комсомольской организации, нет. И что самое главное, определенных самими комсомольцами. Есть такой человек — ваше счастье, нет его — выходит, не повезло. Ты понимаешь, о чем я?

— Понимаю. История Куйбышевгидростроя — это история комсомольских ударныхстроек... Ты никогда не сопоставлял, скажем, комсомольцев того первого всесоюзного призыва, середины пятидесятых годов, с теми, кто приезжает сегодня?

— Еще немного, и ты скажешь: а мы были другие, мы были лучше, мы были страх какие молодцы! Не люблю эти сопоставления. От лукавого они, право, от лука-

вого. Лучше, хуже — чепуха! Люди разных поколений просто разные люди, не во всем похожие, так и должно быть — время-то, оно не стоит на месте. Это мы иной раз упираемся...

Нет, ребята во все времена приезжали к нам замечательные. Каждый по-своему замечательные, да... И конечно, всякий раз очень многое зависело от того, кто возглавлял приехавшую молодежь, кто становился у руля комсомольских организаций, комсомольско-молодежных бригад и целых прорабств, кто вел за собой молодежь от первых контрольно-комсомольских постов в котлованах правого берега и до сегодняшних комсомольских десантов на ТоАЗе.

— Талантливых молодежных вожаков немало, но наряду с ними...

— Вот именно: наряду с ними! Самое опасное, когда в среду комсомольских работников затешется этакий молодой человек, бесконечно далекий от своих сверстников. Все он делает вроде бы правильно и слова говорит правильные, знаешь, такие округлые, словно речные голыши. Но толка нет ни от дел его, ни от слов, а есть скука и самый опасный из всех бюрократизмов — молодежный бюрократизм, он как ржа на чистом клинке...

Сколько ни возвращались мы с Семизоровым к разговору о комсомоле, о той роли, которую сыграл он буквально во всех свершениях Куйбышевгидростроя, от самых давних, позабытых уже, до нынешних, Николай Федорович неизменно оживлялся, вспоминал десятки имен, какие-то особенно памятные ему события.

— Нет,— повторял он,— что ни говори, а я оставлял бы ветеранам комсомола не просто членские билеты на добрую память, не просто приглашал бы их время от времени на комсомольские конференции, я оставлял бы их в составе комитетов, и они бы здорово работали, заража-

ясь от молодых энергией, умножая ее на мудрость прожитых лет.

Упомянув о плеяде комсомольских вожаков Куйбышевгидростроя, нельзя обойти молчанием первых комсоргов ЦК ВЛКСМ Сергея Мелентьева, Анатолия Токарева, секретарей горкома комсомола Михаила Вышинского, Владимира Блохина. Эти имена (и не только они, конечно) близки мне, Семизорову, сотням других гидростроевцев, потому что у нас была одна, разделенная на всех, молодость, потому что в пятидесятых годах мы вместе мечтали, боролись за осуществление своей мечты, справляли комсомольские свадьбы и жгли костры на вершинах жигулевских утесов, встречая волжские зори.

Здесь мы влюблялись, здесь родились наши дети, а у кого-то уже и внуки. В этой земле наш труд, наши корни, она навсегда объединила нас в единую семью...

Тогда, в пятидесятых, нынешние ветераны Куйбышевгидростроя и впрямь были очень молоды, как были молоды приехавшие по призыву комсомола добровольцы шестидесятых, а потом и семидесятых годов.

Не так-то легко представить себе, что первым гражданам только что организованного строительства, тем, кто родился в Жигулях вместе с Гидростроем, сегодня уже тридцать. Это инженеры, бригадиры, комсомольские вожаки, это те, кто двигает вперед историю дважды орденноносного Куйбышевгидростроя...

Каждый год по укorenившейся традиции ветераны Тольяттинского комсомола собираются на свои конференции. В третью субботу июня и 29 октября, в день рождения комсомола. Не только из Куйбышева и близлежащих городов приезжают на эти конференции, едут в Тольятти из Москвы, Ленинграда, Оренбурга, из других мест страны.

Полковник Владимир Абрамов, педагог Зоя Ёрыкина,

начальник главка Министерства юстиции СССР Михаил Вышинский, кандидат педагогических наук Александр Остапец, инженеры Игорь Залманзон и Владимир Лихута, политработник Аркадий Красильников — все они и многие другие, кто уехал с Волги или остался в этих краях, встречаются не просто как ровесники, связанные воспоминаниями о прошлом. Это проверка нестареющей дружбы, верности комсомольским идеалам.

Ежегодно отряд ветеранов пополняется — время идет, появляются новые «выпускники комсомола», и конференция решает: кто из них достоин стать «вечным» комсомольцем, а кто нет.

В Тольятти уже привыкли к тому, что 29 октября, в любую погоду, на какой-нибудь из новых улиц появляется множество людей с лопатами. Это, закончив конференцию, ветераны комсомола высаживают свою очередную аллею.

По традиции работой руководил мэр города. В этот день он просто Боря Кашунин, секретарь Ставропольского-на-Волге горкома ВЛКСМ. И все остальные, они тоже — комсорги, секретари бюро и комитетов, бойцы контрольно-комсомольских постов. Они по-прежнему молоды, им нипочем дождь и осенняя слякоть, пусть прохожие спешат в подъезды домов, а они будут работать, пока не посадят двести или триста саженцев, это уж как решит секретарь комсомольского горкома Кашунин.

Запомнился случай. К сажающим деревья ветеранам подошел нарядно одетый парень. Его приятель остановился поодаль, стоял, прикрыв полый плаща гитару, — начал накрапывать мелкий осенний дождь.

— Ты иди, Витя, я догоню! — сказал парень и попросил у Семизорова лопату. — Разрешите принять участие?

— Пожалуйста...

Ему дали лопату и саженец. Парень копал отменно, ловко срезая неподатливую, слежавшуюся землю. Его блестящие штиблеты были заляпаны глиной, обшлага брюк намокли, а он все копал и копал. Потом прилаживал саженцы, засыпал ямы, притрамбовывал их.

— Вы испортите свой костюм, — сказали мы ему.

— Костюм — ерунда! Можно в чистку отдать или новый купить. А вот эти березки... Я сам с Украины, монтажник. Нас на два месяца сюда прислали, в командировку на ВАЗ... Сегодня воскресенье, тут парень один женится, меня с дружкой, с Витьком вот, на свадьбу пригласили. Ну, да ладно, успею еще... Я, понимаете, спросил: почему это пожилой народ в такую погоду озеленением заставили заниматься? Мне ответили: это комсомольцы Куйбышевгидростроя, у них правило такое — в этот день деревья сажать. Вот я и решил попросить лопату, захотелось с вами вместе пяток березок посадить. Уеду, а они станут расти. Всем буду говорить: в Тольятти и мои березки растут...

Звали парня Евгением. Фамилию мы тоже запомнили — Мирошниченко. Где-то он теперь на Украине или в новой командировке, хороший хлопец Женя Мирошниченко, монтажник стальных конструкций.

А березки его прижились, зеленеют по весне на улице Мира, главной магистрали молодого города Тольятти.

— Мы — все комсомол! — утверждает Николай Федорович Семизоров. — Не по возрасту, а так, душой комсомольцы...

* * *

В официальном удостоверении ветерана комсомола дважды орденосного Куйбышевгидростроя есть памя-

ка. Она так и называется: «Памятка ветерана». Я приведу ее полностью.

«Сколько бы ни было тебе лет, какую ни занимал бы ты должность, чего бы ты ни достиг в жизни — помни всегда, что остаешься комсомольцем Куйбышевгидростроя. По духу своему, по верности традициям нашей с тобой молодости, по праву той дружбы, что родилась в далекие пятидесятые в Жигулях и повела нас с тобой на первое наше, большое жизненное дело. Для многих из нас оно осталось делом всей жизни, делом, которому отданы уже десятилетия.

Помни, что быть ветераном комсомола Куйбышевгидростроя — это значит быть верным до конца нашей старой дружбе, это значит в трудную минуту протянуть руку товарищу, разделить с ним и тяготы бед, и радость победы, это значит помогать комсомолу семидесятых в коммунистическом воспитании подрастающего поколения».

Удостоверение за номером один Совет ветеранов комсомола Куйбышевгидростроя вручил Николаю Федоровичу Семизорову...

ЧТО ОЗНАЧАЕТ — БЫТЬ НАСТОЯЩИМ ИНЖЕНЕРОМ?

Не помню уже, по какой ассоциации зашел у нас с Семизоровым разговор о комсомольской работе и о той роли, которую она сыграла в гражданском становлении именно нашего поколения.

— Здесь я не ошибусь, скажу: великую роль! Это без всякого преувеличения...— Николай Федорович помолчал, собираясь с мыслями.— Помнишь, я рассказывал о чувстве ответственности, что родилось во мне весной сорок третьего года, когда избрали меня ребята комсоргом роты? Сколько лет с той весны огшумело, а не забывается ничего, потому что впервые было понято мною: я — ответствен лично, и на меня надеются товарищи мои... И здесь, в Жигулях, большинство нынешних седых ветеранов начинали-то комсомольцами. Перебираешь в памяти имена и думаешь: какая же громадная ответственность ложилась на них в связи со всем происходившим вокруг. Прораб есть прораб, круг его обязанностей в какой-то степени очерчен. Или, скажем, инженер производственно-технической части, коим я был некоторое время. Тоже все довольно ясно. А тут ко всем твоим производствен-

ным заботам прибавляется дело совершенно безграничное — комсомольская работа... Строил я, помню, подстанцию, очень уж ждали ее — энергию на экскаваторы надо было срочно подавать, а без подстанции не сделать этого. Среди ночи нагрянул ко мне на участок Иван Васильевич Комзин. «Где люди?! Кто чем занимается?! Покажи, что сделано!..» Спрос учинил суровый, ультимативно о сроке сдачи напомнил, а потом еще добавил: «Мы с тебя не только как с руководителя работ спросим, но и как с комсомольского вожака. Учти это, солдат!..» — Семизоров рассмеялся. — Это сейчас смешно, а тогда не до смеха мне было — уж больно сердитым Комзин показался. Правда, уже уходя, спросил: «Со здоровьем-то как? Что-то ты худющий какой...» Надо отдать ему справедливость, он всегда понимал, что криком изба не рубится... Ну, а вообще, если на то пошло, я больше боялся комсомольского спроса, чем руководящего, ей-богу. Вспомни, какие ребята были строгие в комсомоле нашем. Римма Кашникова, Герман Падейко, Володя Абрамов, Верхилио Льянос... Оплошаешь коли — костей не соберешь. — Он снова рассмеялся, повторил: — Да, Верхилио Льянос. Настоящий был инженер. Жаль, уехал в Москву...

РАССКАЗ ОБ ИНЖЕНЕРЕ ЛЬЯНОСЕ

Я встретил его на улице, случайно. Был солнечный, повесенному яркий день. Срываясь с крыш, падали на асфальт тротуара крупные прозрачные капли.

Он стоял и улыбался, такой же, как и всегда: широкий в плечах, с прямым взглядом серых глаз, прикры-

тых мохнатыми светлыми ресницами. Я назвал его по-старому — Шадо. Его давно уже не зовут так. Он — Александр Георгиевич Шерадзе, и мало кто знает здесь ласковое и дружеское — Шадо.

Так звали его, когда он был студентом. А сейчас Шерадзе один из ведущих специалистов в области строительной индустрии. Но для меня остается прежним Шадо, простым и приветливым, улыбочивым и покладистым, умеющим тихо, неназойливо шутить. И еще — отлично играть в волейбол.

Окончив институт, мы уехали сюда, на Волгу, строить у Жигулей удивительную ГЭС...

Мы не виделись давно, и я спрашиваю его о старых друзьях.

— Говорят, Гурген Багдасаров уехал.

— Да, он в Москве. В Главзаводстрое...

У каждого человека своя биография. Перечень дат и событий. Молодые инженеры, получив дипломы в начале пятидесятых, уехали из родного города за биографией. Не за деньгами и чинами, не за славой и успехом, а именно за биографией, о которой могут написать голстую книгу. А могут и не написать. Но это не так уж важно...

— Значит, в Москве Гурген?

— Да. Снова рядом с Верхилио работает...

Много лет тому назад группа советских туристов отправилась в долгую зарубежную поездку. Среди них был и я.

В один из жарких августовских дней за бортом теплохода открылись берега Испании. В полуденной дымке прямо из воды поднимались к горячему небу коричневые горы. В бинокль можно было разглядеть тесные улочки

неизвестных нам городов, тяжелые, приземистые колокольни многочисленных церквей и серебристые пятна оливковых рощиц.

На палубе теплохода, под цветастым полотняным тентом, было прохладно. С голубых покатых волн бриз сбивал водяную пыль и бросал ее нам в лица.

А там, на коричневом берегу, было жарко и душно. Голые террасы гор с синими тенями ущелий, маленькие каменные деревеньки, карабкающиеся вверх по склонам, да полуразрушенные бастионы замков времен короля Карла V. Древняя, бедная, несвободная земля...

Я смотрел на дальний берег и невольно вспоминал Верхилио Льяноса. Человека, который родился в этой чужой и в то же время близкой мне стране и прожил в ней совсем небольшую часть своей жизни.

Более сорока лет живет он, учится и трудится в России, считает родными берега Москвы-реки и Волги, но не забывает и об этой земле. Он никогда и не забывал о ней и продолжал любить ее преданно и нежно, как и тысячи его сверстников, детей испанских республиканцев.

За сорок с лишним лет многое успевают сделать люди. Верхилио Льянос успел за эти годы стать инженером, стать коммунистом, стать человеком, имеющим право на биографию.

А тогда, в далеком тридцать восьмом, он был просто испуганным мальчиком, прижимающим к себе младшего братишку...

Всю ночь над бессонным городом натужно гудели бомбовозы мятежников. И, ухая, оседали вниз громады домов. Битое стекло блестело в лунном свете и сухо хрустело под ногами солдат.

На рейде белел большой теплоход. Зарываясь носом в воду, к нему спешил катер. Нужно было спешить. Фа-

шисты рвались к городу. Бои шли уже в предместьях. Нужно было успеть увезти от войны детей, усталых, повзрослому молчаливых, испуганных стрельбой, стонами раненых и разлукой с родителями. Белый теплоход терпеливо ждал их на рейде.

Верхилио стоял у самого борта, положив подбородок на холодный дубовый поручень. Поручень был влажный и соленый. Но не от слез, от морских брызг. Отец сказал короткое: «Ты старший, и плакать тебе нельзя!» И Верхилио не плакал, а только смотрел и смотрел на горящие здания полуразрушенного города, в котором оставался его отец — небритый, давно не спавший, с тяжелой винтовкой на плече. На прощание он погладил сыновей по черным блестящим волосам. Его пальцы коснулись глаз Верхилио. Рука была забинтована, и от пальцев пахло йодом.

— Нет, отец, я не плачу...

Теплоход качало. Крутая океанская волна грозно накатывалась на него и, ударившись о стальную борт, с шипением спадала. Верхилио все смотрел на далекий, уже едва различимый берег. Полу своей куртки он накинул на плечи брата. Тот молча стоял рядом, ухватив Верхилио за пояс.

— Еще видно что-нибудь?— спросил он.

— Нет, мучачо. Только океан... Даже чайки отстали,— ответил Верхилио.— Но ничего, мы обязательно... Мы обязательно вернемся, Родриго...

Это была удивительно бурная весна. Потoki мутной воды бешено неслись по оврагам. Бурными каскадами падали они вниз, в пенящиеся волжские водовороты. С шелестом оползали вниз склоны, и, медленно прочертив в голубом небе широкую дугу, валились в ледяную воду золотые стволы столетних сосен.

Весна гремела водой по распадкам, весна бушевала в Жигулях. И может быть, впервые в жизни она не радовала Верхилио Льяноса, инженера управления Куйбышевгидростроя.

В эти авральные дни он покинул проектный отдел и переселился сюда, на перемычку. Здесь сейчас решалась судьба строительства. Все зависело от того, чей характер окажется упорней — буйный характер весенней Волги или характер людей, пришедших на ее берега, чтобы построить невиданную по тем временам гидроэлектростанцию.

Верхилио стоял на гребне перемычки. Вода жадно лизала крутые откосы. С каждым часом все выше и выше поднимался ее уровень. Брошенная в поток щепка мгновенно исчезала из виду.

— Километров восемь в час, не меньше! — крикнул Льяносу Гурген Багдасаров. — Прорвет все к чертям!

Он работал вместе с Верхилио в проектном отделе и тоже был откомандирован сюда, на перемычку, в эти тревожные дни.

Багдасаров смотрел на Верхилио. Невысокого роста, со смуглым подвижным лицом и насмешливыми глазами, тот стоял на гребне перемычки, широко расставив ноги в перемазанных глиной резиновых сапогах.

Вероятно, именно с этого дня началась их долгая дружба. Дружба людей, совершенно разных по характеру, но одержимых одной страстью — строить. Строить руками, умом, самой душой. Мне не часто приходилось встречать людей, более увлеченных своим делом и более преданных ему.

Они не вернулись обратно в проектный отдел, остались там, где жизнь заставила их вторично защищать дипломы на звание настоящих инженеров.

Эта беспокойная жизнь с тревожными ночами нрави-

лась им, чертовски нравилась. Они не представляли себя вне ее.

— Мы не сумеем жить иначе,— говорил Льянос о себе, и о Семизорове, и о Гургене Багдасарове, и о многих других, кто работал вместе с ним. Время показало, что он был прав.— Понимаешь, строить — это лучшая специальность для коммуниста. Коммунисты всегда строят, создают, это их кровное дело...

Мне нравилось слушать, когда он говорил. Бывают люди, которые, казалось бы, на первый взгляд совершенно не наделены ораторскими способностями, и в то же время речь их наполнена каким-то особым обаянием.

— Тебе надо быть агитатором,— говорили мы Льянсу.

— Ну вот еще,— усмехался в ответ он.— Я же с акцентом по-русски говорю. Какой из меня говорун.

Когда первый экскаватор вынимает первый куб земли, начиная рыть котлован под будущее сооружение, строители в глубине души своей мечтают о том дне, когда это сооружение будет возведено, когда взметнутся вверх могучие бетонные устой плотины, или легкие арки моста, или изящные колонны нарядного здания.

К этому дню надо идти долгие месяцы, а иногда и годы. И строитель упорно идет и приходит. И наконец, говорит:

— Вот мы и построили...

Этот день вместе с радостью приносит грусть. Неизбежную грусть расставания.

Расставания с любимившимся местом, с товарищами по стройке, с бурным натиском беспокойных дней...

— Я всегда в долгу перед людьми,— часто повторял Верхилио.— Ведь если не будет этого чувства долга, то не может быть и человека, не может быть самого меня...

И все же человек должен думать и о себе. Это естественно. Хотя, конечно, эти думы не должны занимать

слишком много места в его жизни. Особенно если он взялся за большое мужское дело.

Он не должен размышлять о том, не рано ли в его волосах появилась первая серебряная паутинка и не слишком ли рано врачи начинают прислушиваться к тому, как стучит его сердце. Если он выбрал путь солдата, то обязан не бояться ни тревог, ни ран, ни потерь.

Мы сами выбираем свои пути, и самым радостным из них бывает тот, по которому проходишь до конца, ни разу не оглянувшись.

В зеленой рамке Жигулей — белые свечи труб нового комбината строительных материалов. Кто-то очень точно назвал цемент хлебом промышленности. Здесь будут делать этот хлеб. Тысячи вагонов тонкого, как пыль, серого порошка, столь необходимого стране, которая строит. Строит жилые дома и гидроэлектростанции, домны и порты, дороги и заводы.

Но человек все же должен думать и о себе. Так сказали врачи. Надо ехать в Москву. На более спокойную работу. Лучше всего в проектный институт. Верхилио стоит на плотине, облокотившись о литую чугунную ограду.

Тяжелые якоря переплетаются с дубовыми веточками. Внизу клокочет вода. Срываясь с водосливов, она с грозным гулом летит вниз, рассекая тугой вал об острые зубья гасителей. Радужная пелена висит в прогретом солнцем воздухе. Чайки с гомоном бросаются к гребням волн, выхватывая из седой пены серебристых рыбешек.

Волга, огибая остров, скользит вдоль темно-зеленых гор. Волга, полная солнца, паровозных гудков и какого-то особого трудового шума.

Верхилио смотрит на часы. Пора ехать. Он невольно вспоминает, как в такой же погожий солнечный день через плотину в последний раз проехал один из ее строи-

телей, Юра Дубсон. Его везли в больницу, и он понимал, что это конец. Друзья сидели рядом, до боли сжимали кулаки, а он шутил и старался улыбаться. Потом попросил остановить машину и приподнять его. Верхилио вновь ощущает руками горячую тяжесть Юриного тела и видит капельки пота, выступившие на его лбу.

Внизу так же, как и сейчас, гремели каскады белой от пены воды. И чайки чертили голубое теплое небо, и ветер приносил издалика обрывки знакомой мелодии.

Юра смотрел из машины. Смотрел в последний раз. И знал об этом. Потом он откинулся на подушку и сказал:

— А все-таки здорово мы построили, ребята. Красиво...

Верхилио еще раз посмотрел на часы. Да, надо ехать. Как ему не хочется. Здесь еще столько дел, здесь еще будут строить такие удивительные заводы! Но, видно, бессонные ночи, тридцатиградусные морозы и продирающие до костей ветры с дождями умеют делать свое дело. Вчера из Москвы пришло письмо: квартира ему уже выделена. На кой черт ему эта квартира!..

В его отделе работали разные люди. Каждый делал свое дело. Может быть, не совсем так, как привык его делать Верхилио Льянос и его друзья на Куйбышевгидрострое. Здесь проектная организация. У нее свои многолетние традиции. Здесь не стройка...

Верхилио было очень непросто. И тоскливо.

— Привыкнешь, — говорили ему. — К спокойной жизни несложно привыкнуть.

— Не желаю привыкать!

— Должен, хотя бы ради своего здоровья.

— Я достаточно здоров для того, чтобы умереть от тоски по настоящему делу.

— Умереть? Все умрем, друг мой. Умрем, и ничего не останется. В лучшем случае — сберкнижка.

— Нет, врете! Люди обязательно должны оставлять после себя что-то по-настоящему большое и значимое. И лучшие из нас оставляют несравненно большее, чем сберкнижку. Такие люди часто вообще не оставляют после себя ни денег, ни барахла. Зато память о них живет долго, живет в их делах.

— Ты что, хочешь быть одним из лучших?

— Да! Обязательно хочу быть, по возможности, лучшим. Каждый должен хотеть этого...

В один из серых осенних дней пришло письмо от Гургена Багдасарова. Верхилио получил его не сразу — он отдыхал на юге. И вот истрепанный конверт, весь в марках и штемпелях.

«...Буду в Москве двадцатого, проездом. Еду на далекую стройку. Очень хочу видеть тебя, дорогой Верхилио. Как ты там в Москве? Как работа, как душа?..»

Плохо душа, Гурген. Тесно душе в четырех стенах кабинета. Нет ветра, нет ночного неба над головой, нет грохота машин.

Конверт в марках и штемпелях. Он зовет в дорогу. Он стучит в сердце: «Вперед! Вперед, друг, нас ждет очень много дел. Тех самых, что остаются, как память о людях...»

Надо было что-то делать, что-то решать, Верхилио понимал это. Иначе не будет покоя, не будет счастливого ощущения, которое испытывает человек, понимающий, ради чего живет он на земле.

И Верхилио пошел к отцу. Он верил ему, как никому другому. В его старые натруженные ладони можно было доверчиво положить все горькие раздумья последних месяцев, все сомнения, надежды и планы. Это были на редкость верные руки.

Очень давно, там на мокром от соленых брызг причале, от этих рук пахло пороховой гарью и йодом. И страшно было подумать, что отец навсегда останется в суровом, похожем на военный лагерь порту и они больше не увидятся.

Но отец приехал в Москву спустя год. И с тех пор живет тут, сердцем оставшись в Испании.

Он внимательно и спокойно выслушал сына. И не спешил с ответом.

— Противоречия?..— переспросил он.— Я не вижу их в твоей жизни... Ты не просто вернулся в Москву, а вернулся с великой стройки, отдав ей десять лет своей жизни. Лучшие десять лет, если вообще в жизни могут быть лучшие и худшие годы... Да, делу коммунизма его бойцы должны отдавать себя целиком, не советуясь с врачами. Только совесть может быть их советчиком, вот в этом ты прав.

— Отец, я хочу проситься на Кубу,— сказал Верхилио.— Там сейчас очень нужны строители. Тем более,— он улыбнулся,— свободно владеющие испанским...

Уже прощаясь, отец сказал ему:

— Куба — это часть нашей радости и нашей тревоги. Мы должны свято беречь ее... У тебя хорошая биография, сын. Пусть же в ней будет страница, связанная с этим прекрасным островом, далеким и очень близким одновременно. Я уверен: такие, как ты, ребята всегда нужны революции. Нашей общей революции... Так что поезжай туда, Верхилио, счастливых дел тебе! Аста ла-виста!..¹

Совсем недавно мне привелось впервые ступить на землю Испании. И я сразу вспомнил Верхилио. Он никогда не забывал своей далекой родины, любил ее нежно, затаив в сердце боль.

¹ До встречи! (исп.)

Я помню, как на Всемирном фестивале молодежи и студентов Верхилио встречал испанскую делегацию; как две недели был он и день и ночь с этими недавно незнакомыми ему парнями и девушками из Андалузии, Мадрида, Бильбао и Кастильи. Они прибыли на фестиваль нелегально, под чужими именами, они шли пешком, ехали на попутных машинах, переходили границы многих государств. Их путь был долог и опасен, и Верхилио старался сделать все, чтобы две недели в Москве стали бы для его земляков праздником на всю жизнь.

— Где ты живешь? — спрашивали они его.

— Я живу на Волге, амиго. Это самая красивая река из всех, которые я видел.

— Ты вернешься когда-нибудь в Испанию?

— Я никогда не покидал ее...

В маленьком городке, в провинции Наварра, на площади, вымощенной каменными плитами, бил фонтан. Прозрачная струя стекала в гранитную чашу. Брось на ее дно монету, назови свое имя, и ты обязательно вновь увидишь эти прекрасные края.

Мне очень хотелось еще раз побывать в Испании. Я бросил монету. Струя подхватила ее, унесла в глубину.

— Верхилио Льянос Масс! — сказал я громко. — Ты слышал, фонтан? Это была его монета...

Прямо из морской сини поднимаются Жигули. Серой лентой пересекает море гидроузел. Призывно трубят буксиры у подходов к шлюзам. В бешеном вихре воды рождается могучая энергия. Это память о людях, которые уехали из этого лесного края. Уехали, чтобы строить везде. На Кубе, в Сибири, в песках Каракумов, на таежной трассе БАМа.

И память о тех, кто остался у берегов нового моря, в Тольятти. Остался в прошлых и в настоящих, еще не завершенных делах...

— Меня частенько спрашивают: почему я, как начальник строительства, не удержал многих из тех, кто уехал с Куйбышевгидростроя? Того же Багдасарова, скажем... Не воспрепятствовал, так сказать, — Семизоров недоуменно пожал плечами. — Называют многих, не понимая того, что человек, специалист, должен работать там, где он может принести максимум пользы. А лучше всех это «где» знает он сам. Препятствовать? А зачем? Если не лежит душа к работе, что за толк в таком работнике? Ему что ни толкуй, все будет глядеть на тебя, как гусь на зарево. Вспомни, сколько народу уехало после окончания гидротехнического строительства в пятьдесят восьмом. Были тому объективные причины. А сколько вернулось, как только начался ВАЗ! И вернулись главным образом те, кто нужен был Куйбышевгидрострою. Страшнее потери безвозвратные, когда уходит навсегда бесценный человек, потому что вдруг кончилась его жизнь...

В кабинет Семизорова тишина приходит только поздним вечером. Замолкают телефоны, стихает в приемной гул голосов, и лишь устало стучит пишущая машинка — дописываются срочные бумаги на завтра.

Вдоль стены в остекленном шкафу — сувениры, в память о юбилеях и приездах гостей.

Большой кабинет, в пять окон, и непривычно видеть в нем Семизорова одного. К десяти вечера уйдут домой помощник и секретарь, а он останется еще на полчаса, досмотрит последние листки вечерней почты.

Это когда выдается спокойный день, который можно мирно завершить в кабинете, а не где-нибудь на озаренной огнями бессонной стройплощадке...

Накануне уехали в Москву работники Центрального Комитета партии, министры, их заместители и начальники главков. Почти неделю они пробыли в Тольятти —

сдавались первые установки Тольяттинского азотного гиганта. Как-то мало писалось об этой ударной стройке, одной из самых сложных для Куйбышевгидростроя. И самых крупных. А когда и писалось, то в отрыве от многочисленных дел, выполняемых коллективом одновременно.

Мне всегда нелегко было представить, как удерживает Семизоров в памяти на редкость обширную информацию. Раздумия над чисто техническими проблемами, контроль за их решением и осуществлением, административные заботы, вопросы кадров, финансирования, сроков выполнения параллельно ведущихся работ, согласование сотен вопросов в сотнях инстанций, общественная и депутатская деятельность. И хотя бы пять-десять страниц в день, прочитанных чаще всего на сон грядущий. Это в тех случаях, когда сон не свалит его в считанные минуты.

— Признáюсь тебе — произведения на производственные темы нравятся не всегда. Не то чтобы предубеждение, нет. Просто, понимаешь ли, нередко сталкиваясь с литературным решением той или иной производственной проблемы, я внутренне иной раз не соглашаюсь с автором. Не потому, что он пишет о том, чего не знает или чего недопонимает, как сторонний наблюдатель. Нет, не в этом дело. Большинство сегодняшних писателей, разрабатывающих производственную тематику, профессионально знают это самое многоликое производство. Даже, может, и больше знают, чем следовало бы литераторам, и это знание порой их увлекает, уводит в техницизмы... Я, понимаешь ли, читая, начинаю. ну, словно примерять описанные ситуации и конфликты на себя, и частенько получаются у нас с автором разногласия... А честно говоря, в те немногие часы, которые удается мне урвать для чтения, хочется побыть в иных, несхожих с каждодневными

коллизиях, поразмыслить над ними, над жизнью и делами людей другого рода деятельности, что ли...

Я люблю разговаривать с ним в эти нечастые часы затишья. Он интересный, увлекающийся собеседник, и разговор наш порой уходит в годы далекие, забытые многими.

— Ты Пашу-то Казаченко знаешь?

— А как же, — отвечаю я. — Знаю, конечно.

— Что-то болеть он стал. Сердце... А мужику, казалось, сносу не будет... Мы с ним, помню, в августе пятидесятого в селе Отважном квартиру искали. Его пустили на постой, а меня с Надей — нет. У местных старожилов отношение к женатым постояльцам было недружелюбное. Пришлось нам обратно в Ставрополь ехать не солоно хлебавши... После института меня ведь на Волго-Дон распределили. Там как раз самый пик работ был. Помню, транспарант у спуска к котловану: «Сегодня экипаж комсомольского земснаряда № 306 под руководством Виктора Михайлова установил новый рекорд намыва грунта!..» Горячая была пора, но мне почему-то в отделе кадров сказали: поедешь в Ставрополь, плотину строить. Какую, говорю, плотину, мужики, вы что! Да в Ставрополе отродясь воды-то не было! Другой, отвечают, Ставрополь, на Волге который, воды там хватает... Вот так и увидел я в то лето впервые Жигули. До сих пор гляжу...

Разговор наш течет неторопливо и свободно, благо молчат телефоны и никто, воспользовавшись отсутствием секретаря, не заглядывает в дверь с неизменным:

— Николай Федорович, я всего на полминуты!..

Мы продолжаем говорить. О разном. И о женщинах тоже.

— На всех этапах истории Куйбышевгидростроя, — Семизоров проводит карандашом на исписанном листке бумаги жирную красную черту, словно хочет подчерк-

нуть это решительное: «на всех этапах», — на всех! — женщины-строители были в первых рядах. И заметь: не оговаривали себе какие-то облегченные условия, не требовали скидок. Были и сварщицами, и бетонщицами и шоферами, и прорабами, и бригадирами. Были и есть... — Он помолчал. — А кто бы вот догадался сказать по-настоящему глубокие, громкие, да, да, именно громкие слова о женах строителей, о наших женах? Всё они повидали: и палатки, и бараки, и тесноту временного житья-бытья в каком-нибудь частном домишке, в комнате, перегородженной занавеской. Все сносили, потому что понимали: строитель строит для других и не всегда первым получает квартиру в построенном им доме. Не очень справедливо, но это так.

Мы сутками пропадаем в котлованах, на авралах, на прорывах, где только нас не носит! А жены ждут и верят, что уж в следующее воскресенье мы обязательно пойдём с ними в кино или в лес по грибы. — Семизоров покачал головой. — Да-а, где те социологи, которые составят хитрые тесты, чтобы можно было заранее определить, получится ли из сегодняшней девчонки верная, терпеливая, мудрая жена строителя, хватит ли у нее мужества на такую судьбу?..

За разговорами мы не заметили, как вошел в кабинет Дмитрий Владимирович Еремеев. В руках — бумаги, на лице — вопрос:

— Беседуете? О чем же, интересно?

— Да о женщинах.

— Ишь ты! Тогда прерву...

Еремеев протягивает телеграмму, выписки из протоколов, и начинается совсем другой разговор: о делах конфликтных и трудных. Строится громадный свинокомплекс, уходят сроки, а люди, заинтересованные и обязанные участвовать в этом строительстве вместе с Куйбы-

шевгидростроем, не желают держать данного ими слова, ставят под удар успех дела.

Семизоров вчитывается в принесенные бумаги, делает какие-то пометки.

— А эти что? — спрашивает он Еремеева. — Тоже в кусты?

— Второй раз подписывают протокол, не споря причем, а воз ни с места.

Семизоров отчеркивает абзац, говорит спокойно, без раздражения.

— Вот подписал, — он называет фамилию человека, подписавшего протокол совместного совещания, — а ведь не знает, что подписал, по неграмотности своей не понимает, что стоит за его подписью в реальном измерении — в кубометрах да тоннах. Ладно, давай завтра прямо в восемь соберемся по этим вопросам. Надо решать их, пока не поздно...

Мы едем с Семизоровым в его машине, и я продолжаю думать о том высоком звании, которое, в общем, не так уж и сложно получить — о звании инженера. Практически оно доступно каждому, пожелавшему со временем поставить его перед своей фамилией. Инженер Иванов, инженер Петров, инженер Сидоров... И как трудно бывает достичь того, чтобы не в официальном дипломе, нет, а просто в разговоре о тебе, люди, имеющие право авторитетно судить, сказали б:

— Иванов — это не просто инженер, это, товарищи, настоящий инженер!..

Улица вырывается из теснины сжимающих ее домов, переходит в прямую ленту шоссе. Сосны стоят по обочинам, чуть посеребренные неярким светом фонарей.

Старый бор за стеклами несущейся машины. Ставропольская лесная дача. Когда-то на ее опушке Семизоров строил первые бараки и трансформаторную подстанцию.

Это были очень важные сооружения — людям надо было где-то жить; им нужен был свет, тепло и энергия.

А на днях он сдал первые цеха еще одного, самого крупного в Европе завода.

Завтра будет новый день, и будет труд, и новые не-легкие заботы настоящего инженера Николая Семизорова...

За стеклами машины — безмолвный ночной лес. На его старых вырубках и заросших лециной полянах мы искали с Семизоровым высыпки тетеревов. Всего каких-нибудь двадцать пять лет назад они еще жили в этом тихом лесу...

ДОБРЫЙ СЛЕД НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Что определяет успех или неуспех руководителя любого ранга? По-разному отвечают на этот вопрос. Чаще всего говорят: результаты его конкретной деятельности. Но ведь результаты бывают сиюминутные, когда оценку их дают сразу же, не задумываясь над тем, как неожиданно могут трансформироваться они по прошествии лет, а то и десятилетий.

— Время и только время определяет как успех, так и неуспех любого из нас. Все мы под его началом стоим, судья оно нам и учитель. Вот давай вспомним кое-кого из хорошо известных тебе людей,— Семизоров, на секунду задумавшись, назвал несколько фамилий.— Всех помнишь?

— Всех.

— Сказать, чтобы их особенно критиковали, когда они работали здесь, нельзя, пожалуй. Скорее наоборот — хвалили и поощряли, потому как дело шло, план выполнялся, и все вроде бы обстояло благополучно. Но вот прошло двадцать — двадцать пять лет. Руководители эти давно

уехали отсюда, работают кто где, а многие и на пенсии уже. Казалось бы, ну что там вспоминать да анализировать? Не стòит вроде бы, да?

— Думаю, что стòит.

— И я думаю. Потому что когда сегодня по той или иной причине возвращаемся мы к давним результатам чьей-то деятельности, то совершенно четко отделяем Иванова от Петрова, а Петрова от Сидорова. Каждый оставил свой след на земле. Коли добрый, так он во все времена добрым остается, ничего его не изменит.

— Что именно ты имеешь в виду под словом «след»?

— Не только, а вернее — не столько построенное, возведенное, сданное в эксплуатацию и так далее. То след не одного человека, а многих тысяч людей. Не люблю, когда говорят: «Я строил Куйбышевскую ГЭС». Не ты ее строил-то, таких, как ты, было — глазом не окинуть. Будь я хоть трижды руководитель, а без этого моря людей не было бы ни плотины, ни гидростанции, ни всего прочего. Так что, на мой взгляд, след, который оставляет на земле человек, взявший на себя смелость руководить другими людьми, — это, в первую очередь, школа, созданная им. Не осталось после тебя школы, опыт которой, методы, стиль, ошибки, если на то пошло, ибо не бывает безошибочных школ — смогут использовать те, что придут следом, значит, был ты не руководителем в большом понимании этого слова, а лишь... ну, чиновником, что ли. Пусть исполнительным, дисциплинированным, знающим даже, но...

Такое высокое понятие — школа. Создать школу... Конечно, это дано далеко не всем. И все же в истории Куйбышевгидростроя немало примеров создания настоящих школ, во главе которых стояли признанные мастера; их влияние, прямое или опосредованное, ощущается и поны-

не. Я подумал, что Семизоров прав, и сказанное им действительно относилось к мастерам любого ранга...

Я рассказал в этой книге о школе Михаила Юрьевича Евеца. Не менее интересной оказалась школа, созданная виртуозным мастером электросварки Алексеем Александровичем Улесовым. Сегодня уроки в его школе ведутся на родной Улесову, донской земле, на строительстве Атоммаша. Там Алексей Александрович, как и встарь, в добрые трудные времена Цимлы и первых десяти лет Куйбышевгидростроя возглавляет бригаду сварщиков.

А школа, оставленная нам в наследство Александром Сергеевичем Мурысевым? Кто из партийных организаторов Куйбышевгидростроя (да и не только Куйбышевгидростроя), всерьез, с пристрастием оценивая результаты своей работы, не возвращался мысленно к Александру Сергеевичу, к отличавшему его умению понимать и чувствовать людей, вызывать к жизни все то лучшее, что было в них заложено.

— Да, он это часто повторял: мы ведь товарищи по оружию. По мирному оружию, обращаться с которым куда сложнее, чем с оружием боевым...— Семизоров сидел, откинувшись на спинку кресла, смотрел куда-то мимо меня, точно вглядывался в далекие годы, в деталях уж и позабытые.— Зависть — черта не похвальная, но я, честно говоря, в одном всегда завидовал Ивану Васильевичу Комзину: работать с таким комиссаром, как Мурысев, а? Именно — комиссаром.

Александр Сергеевич Мурысев ушел из жизни до обидного рано. Он был одним из тех на Куйбышевгидрострое, в ком здесь до конца раскрылось дарование организатора, государственного деятеля, крупного по масштабам человека. В нем гармонично сочетались самая суровая требовательность и душевная доброта, умение и категорически приказывать, и спокойно выслушивать

чужое мнение, принимать его, если оно оказывалось убедительным. Он умел и ненавидеть, а это не такое уж легкое умение; ненавидеть все то, что мешало движению вперед, ненавидеть тех, кто путался под ногами, ловчил или пакостил. Но одновременно умел он любить. И верить в искренность чувств и поступков. Не было лучшего друга у тех, кто был достоин дружбы этого открытого и бесхитростного и в то же время очень сложного по характеру человека.

Однажды он сказал слова, так удивившие нас.

«Почему строитель, придя на новое, в принципе чужое ему место, сразу же становится в позу единовластного хозяина? Разве до него здесь ничего не было? Разве опыт и труд людей, живших здесь до его шумного вторжения, малого стоит?.. Мы порой невежливы, мы считаем, что пришли сюда, чтоб осчастливить, «перевернуть жизнь», пустить все по новому руслу. Забываем, что для многих очень дороги и эти старые бревенчатые дома, и эта тихая в межень Волга, извечный бег которой мы остановим плотинной.

Конечно, остановим: это требование времени, это торжество нашей преобразующей силы. Так преобразуйте, но не «переворачивайте»! Считайтесь с чувствами старожил, это доброе чувство уважения и любви к земле, паханной и строеной многими поколениями предшественников. А вы? «Взнуздаем Волгу!», «Закуем ее в бетон!» ...Для русского человека Волга испокон веков была матушкой, кормилицей, рекой-красой. Зачем же ее «заковывать»? Откуда эта бестактная прыть у некоторых наших «гонцов прогресса»?..»

Он никогда не был вторичен в своих мыслях и словах. А мыслил Александр Сергеевич глубоко и оригинально, стараясь при этом не подавить окружающих, а наглядно убедить их в разном уровне возможностей

при обсуждении или решении какого-либо сложного вопроса. Нет, просто в самой его натуре была заложена неприязнь к проторенным путям.

Трудно написать его портрет. Он складывается из многих черт, из многих дел, больших и, казалось бы, совсем не приметных.

РАССКАЗ О КОМИССАРАХ

Ветер гнал над заливом низкие, полные холодного дождя тучи. Изодранные их края почти касались сухих метелок камыша. Вода в заливе, сизая и тяжелая, по-осеннему неприветливая, морщилась от порывов ветра, раскачивала привязанную к кустам краснотала лодку.

Пологий косогор, пегий от пятен выгоревшей за лето травы, тянулся вдоль залива. По его гребню шла дорога, старый, избитый глубокими колеями проселок. До затопления поймы водохранилищем на месте нынешнего залива стояло небольшое волжское село, и проселок вел к нему, переходил у околицы в широченную улицу, по обе стороны которой стояли потемневшие от времени бревенчатые дома. Ни домов, ни улицы давно уже не было, был мелководный залив, заросший камышом и красноталом, и дорога, соскользнув с косогора, обрывалась у самой воды, теряясь в густой осоке.

Я сидел спиной к косогору, накинув на голову капюшон брезентового плаща, и потому не заметил, как подошла машина. Приплюснутый черный ЗИМ остановился неподалеку, хлопнула дверца. Я оглянулся и сразу же узнал высокого грузного человека в теплой куртке и резиновых бахилах.

— Здравствуйте, Александр Сергеевич!

Он улыбнулся.

— Здравствуй, здравствуй, конкурент. Я-то думал, здесь никого нет, непугано-нестреляно.

— Не по кому стрелять. Ветер — вся утка сбилась на большой воде.

— А как думаешь, к вечеру лёт будет? — спросил Мурысев обеспокоенно. — Я ведь московских гостей привез. — Он показал в сторону машины. — Решили вот экспромтом вечернюю зорьку отстоять. Егеря предупредить не успели, он взял да и уехал за дровами; теперь опозорюсь: хвалил-хвалил здешние уголья, а ты говоришь — стрелять не по кому.

— К закату ветер упадет, — сказал я уверенно, — и утка потянется на мелководье, кормиться.

До сих пор не знаю, откуда взялась у меня такая уверенность. Видимо, очень хотелось, чтобы Александр Сергеевич не разочаровал своих московских гостей. Так или иначе, но я поручился и за настроение ветра, и за поведение уток. Оставалось ждать зари.

Московские гости, сев в лодку, уплыли к далекой косе, перерезавшей залив наискось, а мы с Александром Сергеевичем остались у кромки камышей.

В ту пору Мурысев был уже первым секретарем областного комитета партии, и, пожалуй, год-полтора мне не приводилось встречаться с ним. Мог ли я подумать тогда, стоя у шуршащей на ветру камышовой стены, что вижу Александра Сергеевича в последний раз.

Вернувшись после охоты домой, я подробно записал то, что было сказано в этот день Мурысевым. Его низкий, слегка глуховатый голос слышится мне и сегодня.

— Еще до конца не понята и не оценена та роль, — говорил он, — которую сыграет Куйбышевгидрострой не просто как огромная строительная организация, а как

большое и типичное явление всей послевоенной эпохи. Если хочешь — послевоенной истории всей страны. История эта пишется, и какими делами пишется!.. Да, согласен, был известный спад на Куйбышевгидрострое после завершения строительства гидроузла. Это закономерно — без передыха невозможно начать другое, равное по масштабу дело. Самые нетерпеливые или самые недальновидные потянулись на другие крупные стройки; начались, как ты говоришь, потери. Может быть... Но вот — большая химия. Будь уверен, это лишь первая ступенька, трамплин к новому, очень высокому взлету. Здесь начнутся дела, о которых вновь с удивлением заговорит мир. Какие именно?.. Не знаю еще... Но в том, что они будут, глубоко уверен. Сама логика экономического развития говорит за это. Такая четко организованная, по-доброму сработавшаяся сила — я имею в виду коллектив Куйбышевгидростроя — не может не использоваться для решения самых сложных и самых объемных задач общегосударственного значения. Согласись, было бы не по-хозяйски... Пошла на полный ход большая химия, ну, а там поглядим, поглядим...

Над плоской косою сизыми облачками взметнулись дымки выстрелов.

— Стук!.. Стук! — долетело до нас.

— Выходит, и впрямь пошла утка, — сказал Александр Сергеевич. — Не обманул ты нас своими прогнозами.

Он встал, опираясь на приклад двустволки, пошел к приготовленной заранее засидке. В мелкой светлой воде краснели стебли водяного перца, цеплялись за голенища его бахил.

Ветер сник, над неподвижной водой залива растекалось тихое пламя зари. Я сидел на поваленном стволе осокоря и думал над словами Мурысева.

— Те, кто уехал из-за нетерпения своего, вернуться,— сказал он.— Куйбышевгидрострой, как громадный магнит. Конечно, вместе с чистым металлом неизбежно притягивает и всякого рода ржу. Но ржа быстро осыпается, на то она и ржа... А сколько гидрострой внутри себя воспитал и воспитает еще замечательных людей, бойцов, строителей, коммунистов! Предвестников будущего. Какие великолепные возможности дает он молодым для раскрытия своих способностей. Те, кого мы знали зелеными новичками, в будущем станут командирами Куйбышевгидростроя. Он всегда обходился без «варягов», поверь мне, обойдется и впредь... Помнишь, приезжал к нам Панферов с Антониной Коптяевой; как раз в этих вот местах были мы с ним. Все сетовал Федор Иванович: какие, мол, земли богатые залете, обидите мужика. Да-а... Так вот он сказал, помню, тогда: с поразительными людьми познакомились мы тут; сколько в них удали, веселой дерзости и умной силы — все по плечу таким. Книги об этих людях писать надо, товарищ парторг, десятки книг!..

Черета лет отделяет меня от той случайной встречи с Александром Сергеевичем Мурысевым, от тихого заката над осенним заливом. И не раз за эти годы приходилось мне убеждаться в справедливости его слов. Да, о славных делах Куйбышевгидростроя с удивлением заговорил мир. Эпопея строительства ВАЗа стала золотой страницей в истории научно-технической революции. Рядом с прославленными уже именами зазвучали новые имена рабочих-новаторов, руководителей стройки, ее партийных организаторов. И в первую очередь, конечно, имя Семизорова.

Мне памятно то время, когда он был назначен начальником Куйбышевгидростроя, после отъезда в Москву Виталия Яковлевича Кана, пробывшего в этой долж-

ности сравнительно небольшое время — четыре года.

Трудные это были четыре года; коллектив переживал своеобразный кризис: гидростроителей манили новые сибирские стройки, и они уезжали на строительство Волгоградской и Саратовской ГЭС, на Нил, на Ефрат, на Кубу.

Неоценимый опыт, накопленный за годы строительства Куйбышевского гидроузла, словно жаждал дальнейшего применения. Очень многие, по определению Александра Сергеевича, «самые петерпеливые» или «самые недалёковидные», не хотели в какой-то степени терять его, переучиваться.

Дальнейшее показало, что опасения эти были напрасны. Уходила в прошлое пора узкой специализации в строительстве. Вчерашние «чистые» гидротехники блистательно справились в Тольятти со строительством таких сложнейших заводских комплексов, как «Волгоцеммаш» и завод синтетического каучука, азотно-туковый завод, Тольяттинский электротехнический, Орепбургский газоперерабатывающий и, наконец, ВАЗ и Тольяттинский азотный гигант.

Одновременно с этим шло строительство сельскохозяйственных комплексов, оросительных систем, рыбоводческих хозяйств, теплоэлектростанций, жилья, монументальных общественных зданий...

А ведь были опасения и другого свойства. Мне помнятся разговоры вроде:

— Семизоров — не та кандидатура. Ну, как он сможет руководить строительством объектов большой химии? Из начальников строительного района и вдруг сразу в руководители всего Куйбышевгидростроя! Непонятно...

— Конечно, Куйбышевгидрострой уже не тот, — подхватывали другие, — пора его славы прошла. Объемы не те, задачи не те, коллектив не тот. Но все равно Николаю

Федоровичу такое дело не по плечу. Странно, ведь были другие претенденты...

— Все дело в том,— продолжали третьи,— что после Комзина Семизоров, с его мягкостью и деликатностью, с его некрепким здоровьем, просто не сможет удержать вожжей, утвердиться на облучке этой удалой тачанки, привыкшей к стремительности и лихости. Не случайно Виталий Яковлевич Кан, не задумываясь, согласился занять новый пост в Москве. А Кан все-таки натура волевая...

Все эти досужие рассуждения словно и не доходили до Семизорова. Никто не знает, как трудно приходилось ему на первых порах. Кстати сказать, должности этой он не добивался, ему вообще чужды соображения карьеры, даже в самом безобидном звучании этого слова. Предложили — он взялся. С радостью, конечно, потому что любил Куйбышевгидрострой и отдавал ему всего себя.

И когда припекало особенно сильно, и начинали стучаться над головой грозные тучи, он не хватался в испуге за подлокотники кресла — а вдруг высадят. За «кресло» он никогда не опасался, это уж я знаю хорошо.

— Мне была бы стройка,— не раз повторял он.— А там хоть обратно в прорабы, я согласен...

В этих словах не было рисовки, Семизоров говорил их искренно. Он вообще не умеет хитрить и лукавить. И не пытается — сразу заметят, таков уж человек, как на ладони.

Сколько было случаев перебраться в столицу, на работу большую и интересную. На работу, которая не так выматывала бы, не доводила б до больничной койки. Но всякий раз Семизоров твердил свое:

— Я люблю стройку, понимаете, именно стройку! И пока я справляюсь с ней, пусть уж мы будем вместе...

А что касается работы в Москве, то есть у меня отличные мужики. Жаль будет с любым из них расставаться, но что не сделаешь для столицы-матушки...

Тогда, на берегу залива, в разговоре с Александром Сергеевичем Мурысевым я услышал слова, очень обрадовавшие меня:

— Да, Куйбышевгидрострой ждут славные дела, громкие... Что там, кстати, говорят о Семизорове?.. Всякое? Ну-ну... Что касается меня, то я считаю его человеком с большим, с очень большим запасом. При толковом, сильном комиссаре любые дела свернет. А они придут эти дела, навалятся...

Не удержусь, чтобы не привести несколько цифр. В год утверждения Семизорова в должности начальника управления Куйбышевгидростроя годовая программа выражалась суммой в 65 миллионов рублей. К 1966 году она поднялась до 140 миллионов, в следующем году — до 280 и в пик работ по строительству ВАЗа достигла уровня в 327 миллионов!

Вот тут-то без того запаса, о котором говорил Александр Сергеевич, не справиться бы никому.

Семизоров справился.

Правда, ему очень повезло на комиссара.

И снова я вспомнил Мурысева, его любимое слово: «комиссар». Именно — комиссар...

Для Бориса Кашунина Куйбышевгидрострой был началом того пути, что дается раз и на всю жизнь. Где бы ни был потом этот человек, что бы ни делал — он останется таким, каким его знали на Куйбышевгидрострое. И верили ему, и любили. За простоту, за человечность, за умение говорить правду и слушать ее. За умение идти в бой ради этой правды. За верность в дружбе и за

мужество в ней. Это не так просто — быть мужественным в дружбе...

— Комиссары... — сказал Семизоров. — Какое высокое по смыслу слово... На комиссаров нам везло, это ты правильно заметил. Везло... Хорошие мужики были. И непросто с ними порой приходилось, и радостно. Бывает ведь так, а?

— Бывает..

— С Борисом Кашуниным мы самые трудные, пожалуй, годы прожили. Особенно коли вести отсчет от первого, забитого на будущей площадке ВАЗа колышка и подряд — все остальные годы. Мне они, как начальнику стройки, тяжело дались, а ему, как секретарю парткома, считай, вдвойне. Помнишь, он любил повторять: «Задумайтесь, миленькие! Необходимо время от времени задумываться над тем, что каждому из нас Советская власть дала. Не спеша подумать, не на ходу, а перебрав по годам всю свою жизнь, с ребячьих времен»...

Мы долго молчим. Нам все еще трудно поверить в то, что нет больше на земле Бориса Кашунина, нашего друга. И друга очень многих людей...

Он умел и любил дружить. Дружба была его призванием, одним из многих его талантов. Люди тянулись к нему, чувствуя в Кашуnine человека доброжелательного, бесхитростного и отзывчивого.

— Помнишь историю со Счастливой? — спросил меня Семизоров. — Очень типичная для Бориса история...

Счастливой этой было лет двадцать, наверное. Она пришла на прием к Кашунину, села на краешек стула и, не успев слова сказать, заплакала. Все складывалось у этой девчонки вкривь и вкось, вся жизнь. С работы уволили, ребенку год, в ясли устроить его не удастся, из общежития гонят. И мужа нет, мать-одиночка. И вообще на свете никого у нее нет — вот разве ре-

бенок только. И все кругом против них, слово сговорились.

«А фамилия у тебя — Счастливая, — Кашунин посчитал, что разговор лучше всего начать с шутки, так оно легче. — Полное несоответствие, как я погляжу».

Но шутка не получилась.

«Фамилия у меня неизвестно какая, — ответила она зло. — Это в детдоме такую придумали. На морозе всю ночь пролежала, под дверью, когда подкинули. Не замерзла — вот и все счастье мое, счастливая я, значит...»

«Где ты работала?»

Она долго не хотела называть организацию, что толку, все равно все против нее. Как выяснилось потом, работала она плохо, ужиться ни с кем не могла, с третьего места либо сама уходит, либо увольняют.

«Как же ты одна с ребенком-то осталась?» — спросил Кашунин.

«А так! Что ж мне и полюбить нельзя было? Откуда знать, что он обманет, подлец такой, откажется от нас. Несчастные мы...»

«Ну, ладно, не менять же фамилию теперь... Давай так: выходишь ты с завтрашнего дня на работу, об этом я договорюсь. Живешь пока в общежитии, и ребенка твоего временно примут в ясли».

«Почему ж это — пока да временно?» — насторожилась она.

«А потому что даю тебе испытательный срок... в полгода. Если будешь хорошо работать, так, чтоб хвалили тебя, а не говорили бы то, что я выслушивал сейчас по телефону, — будет тебе, Счастливая, все не временно, а постоянно. И комната будет тебе».

«Комната?!»

«Да, комната. Обещаю. Но — при условии, как договорились...»

— И вот понимаешь, — рассмеялся Семизоров, — пришла она опять к Борису. Через полгода, день в день. Он, грешным делом, успел позабыть о том случае, а тут — на тебе! — стоит и ребятенка за руку держит. «Хорошо работаю, — говорит, — хвалят меня, даже на собраниях дважды похвалили»... Куда деваться? Борис ко мне: давай искать комнату! У человека, мол, в жизни перелом произошел, на ноги человек поднимается, в себя, в других поверил — помочь ей надо, обязательно! И жмет без отступу. Ты, заявляет он мне, не просто начальник Куйбышевгидростроя, ты — депутат Верховного Совета РСФСР, Советская власть ты! Так неужто мы ей комнату не добудем-то!.. Нашли мы тогда небольшую комнату, переселилась Счастливая из общежития, живет, надо думать, время с той поры немалое прошло. И знаешь, как бы ни сложилась дальнейшая ее судьба, первым другом, встретившимся в жизни, она всегда будет считать Бориса Кашунина. И помнить его. Дорогого такая память стоит...

«Дружба — это то, ради чего стоит жить! — любил повторять Кашунин. — Не мои слова, братцы, — Маркса! Как сказано, вы вслушайтесь только! Звучит словно девиз. А что? Плохо ли прожить жизнь с таким девизом. По мне, так другого и не надо...»

...По ночному шоссе на громадной скорости несется груженный контейнерами КамАЗ. Позади остался Тольятти, россыпь огней на оживленных улицах; впереди — черная бесконечность заволжской степи. Последний перекресток, последний светофор. Его круглый глаз вспыхнул желтым светом, но шофер КамАЗа очень спешил. До беды оставалось несколько секунд.

Удар был страшным. От столкновения с «Волгой» тяжелый грузовик перевернулся. На разбитом хрономет-

ре застыли стрелки: половина двенадцатого ночи, 10 августа 1978 года.

Еще через полчаса в Тольятти знали: в автомобильной катастрофе погиб председатель горсовета Борис Самуилович Кашунин.

В Куйбышеве, в Москве, в Оренбурге, в Минске, в далеком Магадане, в десятках городов звонили телефоны: «Погиб Кашунин!»... «Погиб Борис!»... «Погиб Боря!»...

Его любили искренно. И близкие друзья, и даже мало знавшие его люди. Любовь эту он заслужил честно. На протяжении многих лет Кашунин делал все, чтобы людям было хорошо. И люди ответили ему любовью...

Его хоронил весь город. Десятки тысяч людей прямо со смены шли ко Дворцу культуры завода СК, чтобы проститься с Кашуниным. По несколько часов стояли на площади, кто в рабочей одежде, кто с детьми на руках, дожидаясь своей очереди; а потом проходили скорбной цепочкой мимо гроба, смотрели на спокойное лицо так неожиданно ушедшего от них человека.

Он был народным депутатом, мэром Тольятти — главного города его жизни, веселым человеком, с раскрытой нараспашку душой.

Но в этой книге хочется рассказать о том времени, когда Борис Кашунин был еще товарищем парторгом, комиссаром орденоносного Куйбышевгидростроя...

...Жарким августом 1970 года мы ловили рыбу на подернутой рябью Усе. Окуни остервенело бросались на нехитрую блесненку из хлорвиниловой изоляции, дергали леску, пытались уйти с крючка, тяжело плюхались на шершавое лодочное дно.

Кашунин блаженствовал: не было ни телефонных звонков, ни сиюминутной необходимости куда-то ехать, что-то решать, с кем-то говорить, доказывать, спорить,

подбадривать, выслушивать, помогать — в общем, всего того, из чего складываются дни секретаря парткома Куйбышевгидростроя. Он уверял, что «отключился» на-чисто, но я не очень-то верил. Слишком хорошо знал его и чувствовал — мыслями он все равно там, на стройплощадках Волжского автомобильного. И поддразнивал, говоря, что не пройдет и недели, как он сбежит туда от этих розовых зорь и яркоперых окуней, от грибного запаха осинового распадков.

Кашунин возмущался:

— Ты слышишь, что он говорит, Николай Федорович?! Это мы-то, вольные люди, отпускники, удерем отсюда? Как бы не так!..

Семизоров тоже был в отпуске и тоже блеснил окуней. Азартно отпихивая нас плечом, выводил из зеленой глубины полосатого красавца; дрожащими от волнения руками опускал в воду подсачник.

— Не удерем никуда! Ни в жисть не удерем, мужики... — Он отправлял окуня в садок, вытирал о штанины мокрые ладони. — На денек, может, съездим, потому как двадцатилетие Куйбышевгидростроя. Юбилей нешуточный, сам понимаешь. Отпразднуем его по-доброму и на следующий же день обратно, сюда. Отдыхать так отдыхать!..

Они не приехали ни на следующий день, ни через неделю. Вступали в строй цехи ВАЗа, с главного конвейера сходили первые автомобили, приезжали сотни людей со всех концов страны. С ними нужно было советоваться, согласовывать сроки, оправдываться перед ними или наоборот — ругаться. Одна забота сменяла другую.

— Сколько сдано жилья на конец августа?..

— Когда будут завершены все доделки по гостинице «Жигули»?..

— Какое число рабочих пойдет на вечернюю учебу в нынешнем учебном году?

— Каково положение дел с благоустройством в новых кварталах автозаводской стороны?..

В их кабинеты один за другим входили бригадиры, партийные работники, директора подшефных школ, начальники строительных участков, председатели пригородных колхозов, работники управления, помещанты общежитий.

— Николай Федорович, мы до вас...

— Товарищ Кашунин, у нас тут...

И все дальше и дальше отодвигалась от них безлюдная Уса с розовой от зари водой, с пронзительными криками чаек, с желтыми лентами песчаных пляжей.

Гаснет за окнами августовский день, разгораются, вздрагивая под потолком кабинета, люминесцентные лампы. Рабочий день секретаря парткома продолжается. Жена не звонит, не спрашивает, долго ли еще ждать. Она привыкла к неумолимым особенностям его должности и никогда не ставит разогревать ужин, пока не услышит на лестнице шаги мужа...

Я долго ждал, пока уйдут последние посетители. В конце концов, взглянув на часы, Кашунин сказал:

— Знаешь что? Айда ко мне!..

В просторной квартире уютно и тихо.

На столе передо мной разложены старые семейные фотографии. Мы дружили с Кашуниным с середины пятидесятых, но мне как-то ни разу не приходилось видеть этот альбом. Вот Борис в краснофлотской форме, лихо надвинута бескозырка, черные стрелки усов — это когда на Дальнем Востоке служил.

А вот стоит, сурово нахмурясь, красноармеец в буденовке. Прижата к плечу винтовка с примкнутым шты-

ком. И уходят ввысь к зимнему небу кирпичные стены Кремля.

— Батя... — коротко сказал Кашунин. — В гражданскую еще снялся... — Он вглядывается в фотографию, потом протягивает ее мне. — Видал? Охраняет Самоха Кашунин Советскую власть... Да, хороший мужик был батя. Прямой, честный... На Отечественную ушел в первые же дни, а вернулся в сорок четвертом. Мы уже здесь были, эвакуировались с племсовхозом. На всю округу славился отец как отменный печник. Помню, мальчишкой в подручных у него ходил. Гонял он меня до седьмого пота, воспитывал уважение к труду. «В деле, Борька, — говорил он, — весь человек, словно в зеркале. Кривые если дела, то и сам он кривой выходит, смотреть на него тошно». По сей день эти слова его помню.

Нам не так уж часто приходилось видеться с Борисом Кашуниным. И все больше урывками, в коротких промежутках между делами, которыми был завален этот человек.

В течение восьми лет состоял он комиссаром Куйбышевгидростроя, возглавлял его партийную организацию, насчитывающую более четырех тысяч коммунистов.

И в течение всего этого времени, и потом Кашунин был, пожалуй, самым близким другом Семизорова. Корни этой дружбы уходили в далекие годы.

Я помню, как в пятьдесят седьмом Кашунина избрали секретарем Ставропольского-на-Волге горкома комсомола. Ему тогда приходилось невероятно трудно — он оканчивал вечернюю школу рабочей молодежи. Бывало, возвращаясь домой, засыпал над учебниками.

А потом пошли годы сплошной учебы. Теория — в высшей партийной школе и практика — в буднях Куйбышевгидростроя.

И за все это время ни одной «легкой должности», ни

одной работы, на которой можно было бы просто отсидеть с такого-то по такой-то час. И спокойно уйти домой, прочно забыв о всяких делах.

— А на кой ляд мне такая работа? — спрашивал нас Кашунин. — Я вообще не верю, что так уж много людей всерьез мечтает о подобных «местечках под солнцем». Ну, может, наберется десяток на тысячу нормальных. А у нас, на Куйбышевгидрострое, и того меньше...

«Строительство Волжского автомобильного завода стало необычной по своим масштабам и срокам выполнения работ концентрацией технических и людских ресурсов. Более трехсот миллионов рублей строительно-монтажных работ в год, более шестидесяти тысяч строителей...»

Это из официальной справки. Лаконичные сухие фразы и цифры, цифры, цифры. И я невольно думаю: сколько же за ними бессонных ночей, тревог и авралов? Сколько бескорыстной и верной любви к невыносимо трудному делу, имя которому — стройка? И сколько было сделано парткомом Куйбышевгидростроя и самим Кашуниным, пока смог он подписать эти несколько страниц с прозаическим названием: «Справка о работе парторганизации КГС с кадрами».

— Возьми себе экземпляр. Здесь очень интересные данные...

По голубому экрану телевизора металась фигурки футболистов.

— Ну! — кричал им Кашунин. — Ну!.. Э-эх, кто же так бьет? — Он отворачивался с досадой. — Ну их, с такой игрой, одно расстройство.

— Выключи ты его.

— Ладно, пусть бубнит. Счет хоть узнаем... Ты понимаешь, я не люблю, когда говорят: вот в наше время были дела, была молодежь, а сейчас, мол, не то. Чепуха

это! Конечно, комсомольцы пятидесятых годов здесь, на гидрострое, делали чудеса. И сейчас продолжают, хоть из комсомольской поры давно уж вышли. Но не одни ведь продолжают! Смена у них отличная. Средний возраст работающих на Куйбышевгидрострое — 23 года. Молодежная стройка, ничего не скажешь. И руководит, кстати, тоже молодежь.

«По решению партийных органов на самые ответственные участки за последние четыре года строительства было направлено 1600 лучших инженерно-технических работников. Из них 600 коммунистов и 1000 комсомольцев»...

Это все из той же справки.

По пятницам и субботам вереницы машин, украшенных цветами, мчатся к дворцам культуры. Молодежь играет свадьбы. Та самая молодежь Куйбышевгидростроя, которая не раз удивляла мир.

— Это не преувеличение — удивляла. Мы сами порой удивляемся тому, что сделано. И тому, что беремся сделать в самое ближайшее время...

Полистав справку, Кашунин принялся подчеркивать в ней какие-то цифры, а я смотрел на него и думал о том, что же определяет в главном и парторга, и всех тех, кто стоит рядом с ним — рядовых и командиров четырехтысячной армии коммунистов Куйбышевгидростроя? Увлеченность, творчество, умение по-мальчишески дерзко мечтать, оставаясь при этом трезвыми делателями, людьми конкретных, практических действий. И еще, пожалуй, самое основное — умение быть молодыми. Молодыми, несмотря на седину, на должность и звание.

— Все мы — комсомол! Если не по возрасту, что в паспорте, так по возрасту души!

Хорошие слова сказаны Семизоровым.

— Кашунин не просто партийный работник, он партийный работник высокой пробы...

Это сказал другой человек, имевший право давать столь категоричную оценку. Мне было радостно услышать ее. Вероятно, не только потому, что сказано было о Кашунине. Просто не так уж часто хвалят парторгов. Даже хороших. Что поделаешь — должность такая...

В квартире все уже спали. Потух стеклянный глаз телевизора. За окном ветер срывал с яблони последние листья.

— Пробуй грибы, — угощал меня Борис. — Белые, с дочкой собирали.

— А окуней не навялил, часом?

— Ладно тебе тех окуней вспоминать! Вот давай в будущем году махнем на Усу. На весь отпуск! А?

— Мечты, мечты...

— А я люблю мечтать. Некогда вот только. Мечтать второпях нельзя. Когда-то строили гидроузел, мечтали: будет ГЭС, будет море, разрушим к чертям бараки, поселки красивые построим. Комсомольский, Шлюзовой, Портовый... А сейчас строим не строительные поселки и не простой город, а город-эталон. Слово-то какое — эталон! В нем все должно быть по самому высшему классу. Планировка, отделка, благоустройство. Качество — вот главный критерий. И еще жесткое понятие — срок! Знал бы ты, как трудно бывает совмещать эти два понятия.

Я смотрел на Кашунина. Широкий в плечах, стремительный в движениях, с веселым блеском в темных живых глазах. Совсем еще такой, как тогда, в пятьдесят пятом. Только нет майки с нарисованным эсминцем и суконных клещей.

— Борис, а «Яблочко» сейчас сумеешь сплясать? Как в давние времена, на комсомольских вечеринках?

— Запросто. Только вот спят все. Разбужу детей — от жены попадет. И мне, и тебе. За ночную самодеятельность.

Назавтра ровно в пять утра зазвонил будильник. И сразу же ему ответил телефонный звонок.

— Алло! Кашунин! Готов?

— Готов, Николай Харитонович!

Это Оболонков, первый секретарь горкома порта.

— Давай, давай, а то зарю прозеваем.

— Сейчас буду...

Он торопливо натянул тренировочный костюм, выбежал на улицу.

Лес совсем рядом. Усыпанная хвоей тропка уходит в терпкую от соснового духа глубину бора. Отсюда до моря около пяти километров. Если бегом, то минут сорок.

Это и зарядка, и деловое совещание. Первое, никем не запланированное совещание. Кашунин любил эти разговоры в лесу, на ходу. Здесь никто не помешает, не оторвет телефонным звонком. Можно посоветоваться, пооткровенничать, поспорить. Благословенный тихий лес. Море швыряет валики волн на темный песок, бьет по ногам, в грудь. В сиреневой дымке встают умытые росой Жигули.

Но это завтра. А пока мы сидели одни в квартире, где все, кроме нас, уже спали.

Один за другим гасли на улицах окна домов.

Ночь в Тольятти, в городе, где мы оба начинали, когда он носил другое имя и стоял на другом месте, далеко от векового бора, шумящего ныне за окнами.

— Помнишь Александра Сергеевича?..

В который раз вспоминаем мы могучего человека, неторопливого и спокойного, а то вдруг стремительного и яростного. Он был нашим общим учителем, примером

и другом. Мы верили ему и хотели походить на него во всем. И знали, что это не так-то просто.

Мы помнили его голос, широкую тяжелую ладонь, которую он протягивал, здороваясь, протягивал открыто и щедро, как протягивают друзьям руку помощи.

Александр Сергеевич Мурысев — рабочий, инженер, коммунист, Герой Труда.

— Такие обязаны жить сто лет. Как жаль, что в жизни так не получается...

Мы долго молчали. За окном ночь. А в пять утра зазвонит будильник. И вслед за ним телефон:

— Алло! Кашунин! Готов к пробегу?..

— Готов, Николай Харитонович!..

В полвосьмого, как всегда, Кашунин входил в свой кабинет. Минут на пятнадцать. И если не было в тот день заседания парткома, то не появлялся в нем до вечера. Его ждали на строительных площадках, в прорабских, на бесчисленных пятиминутках, планерках, штабах, бог весть где еще, разве угадаешь, где понадобится в этот день его совет, его согласие, его слово, спокойное и дружеское.

— Товарищ Кашунин!..

И снова:

— Товарищ Кашунин!

И вновь и вновь...

Десятки тысяч человек провожали в последний путь Бориса Кашунина. Тольяттинцы, москвичи, минчане, куйбышевцы, оренбуржцы, сибиряки — они пришли в тот день на опушку старого соснового бора, где были сказаны слова прощания, а потом наступившую тишину разорвал грохот траурного салюта.

Что можно сказать, навсегда прощаясь с другом? Никакими словами не выразить боль, сжимающую сердце. И все же надо сказать, надо найти слова; не для себя,

для тех, кто стоял вокруг. Тысячи людей, знакомые и незнакомые...

Больше других запомнилось мне лицо Семизорова. Николай Федорович говорил о Кашунине, и глаза его блестели от слез. Он плакал и не скрывал этого; слезы текли по щекам, и Семизоров смахивал их рукой, в которой держал микрофон.

Не помню, о чем говорил Николай Федорович, я не вслушивался в слова, а просто смотрел на него.

Позже, через месяц или полтора, вспоминая Кашунина, мы говорили с Семизоровым о редком человеческом умении быть комиссаром.

— Такое умение не втиснешь ни в какие инструкции,— сказал он.— И не оценишь в докладах и отчетах, не изобразишь на красочных диаграммах и графиках. И научиться ему трудно. С ним можно только родиться, потому что умение это не что иное, как отраженный в делах талант.

Время от времени разговор наш перебивали телефонные вызовы. Николай Федорович нажимал рычажки на светящейся груди пульта связи, снимал трубку.

— Да, давайте Москву... Михаил Степанович! Привет тебе, Семизоров...

Мне был слышен далекий голос Михаила Степановича Цвирко, начальника главка, все еще остающегося для Куйбышевгидростроя ветераном стройки, начинавшим ее в пятидесятых. Последние годы он возглавлял Автозаводстрой, своего рода штурмовой, многотысячный отряд строителей Волжского автомобильного завода — восемь строительно-монтажных управлений, собранных в один могучий кулак.

— Да, Михаил Степанович, все так. Сам-то ведь знаешь: делаем все, что можем, и что не можем, тоже делаем. Пуск и этой очереди Оренбургского завода

пришелся на зиму, что попишешь... Нет, водой опрессовывать трубы нельзя... И воздухом нельзя — слишком большие давления... Нет, мужики там помозговали, нашли подходящую смесь, так что опрессовку проведем в срок... Да... Спасибо. До встречи! Привет всем твоим!..

Он кладет трубку, зачеркивает на листке перекидного календаря одну из записей — значит, какое-то дело сделано.

— Видишь ли, — продолжает Семизоров прерванный телефонным вызовом разговор, — про писателей, про художников говорят: он обладает своей неповторимой манерой, своим почерком. А ведь человек любой профессии, если работает по-настоящему, конечно, должен обладать этим собственным, оригинальным почерком, не быть эпигоном. Особенно это касается партийной работы. Вот мы вспоминали с тобой Кашунина-парторга. Имея такого близкого предшественника, как Александр Сергеевич Мурысев, трудно удержаться от прямого повтора методов, стиля, подхода к решению вопросов. Трудно!.. И все-таки Борис, сохранив добрую мурысевскую суть, принцип его работы, нашел свой путь. Его успех был обусловлен близостью к рядовым строителям: к рабочим, бригадирам, шоферам, механизаторам. Причем близость эта была, так сказать, индивидуальная. Не к массе в целом, а к каждому человеку в отдельности. Было у него такое счастливое умение быстро и накоротке сходить с людьми, говорить с ними по душам, откровенно, без хитростей. Люди ведь чувствуют, когда с ними хитрят, и очень быстро распознают деятелей, которые где лисой пройдут, там потом куры три года не несутся...

Снова вспыхнула лампочка на пульте, пискнул зуммер. На этот раз звонили из дома.

— Да, дочка, хорошо... Ну, раз так, то можно. Только недолго, слышь? Скоро буду, скоро. Честное слово!.. —

Положив трубку, он повернулся ко мне.— Чаю попьем, а? — и, не дожидаясь ответа, нажал клавишу селектора.— Анна Константиновна, если можно, чайку нам, покрепче, пожалуйста...

Мы пили чай, и каждый думал о своем: я о том, что рассказал мне Семизоров, а тот, возможно, о делах, а может быть, о времени, когда уезжали они с Кашуниным в дальние рабочие общежития или в котлован, к комсомольским прожектористам, к дружинникам, к кому они только не ездили, чтобы быть в курсе тех самых мелких, незначительных вроде бы дел, от которых зависит настроение работающих людей, их моральный тонус. Зная его, можно было рассчитать очень многое...

— Я уж не единожды вспоминал о паводке в степи весной шестьдесят восьмого года,— Семизоров принялся чертить на листке бумаги.— Это мост, дальше, вот здесь, был котлован кузнечно-прессового цеха, так шли перемычки, а тут проходила «дорога жизни», как мы ее называли. Она-то чуть было и не стала «дорогой смерти», потому что сыграла роль своеобразной дамбы — удерживала талую воду. Уровень под балки моста уже подбирался, скопилось по меньшей мере два с половиной миллиона кубометров воды! Прорви она перемычки — великая беда приключилась бы. Техника, галереи бетонных заводов, отстроенная уже часть цехов — все оказалось бы под водой; работы потом месяцев на шесть было бы, если не больше... Трое суток мы тогда с Кашуниным не спали. Не выходили из штаба. Прямо там, на стройплощадке, на базе механизации, штаб был. Ночью, помню, звонит кто-то, голос незнакомый, орет, ругается: «Вода просочилась, что вы там дремлете, так вашу и этак!..»

Воде действительно в ту ночь удалось все же проникнуть в одну из крепостей. То не был, конечно, открытый штурм основными силами. Просто под покровом

ночи ручеек-разведчик, неслышно проложив себе путь в осевшем грунте, скользнул в котлован. За ним серебряными змейками заспешили второй, третий, десятый ручеек. Они сливались вместе, соединяя воедино свою коварную, разрушающую силу. Еще немного, и двинулись бы вперед главные силы осаждающей воды.

Но на пути прорвавшихся ручьев встал бульдозер. Всего лишь один бульдозер.

Некогда было поднимать тревогу, звать на помощь, вода могла оказаться проворнее. И человек вступил в борьбу с ней. Один на один.

Он прекрасно понимал, что ежели не выдюжит, то масса воды хлынет сверху, и ему не удастся спастись. Но в этот грозный ночной час он думал не о себе, не о своей безопасности, а о котловане, о том, что, не ведая беды, стояло за его спиной.

Толкая перед собой тяжелый вал мокрой земли, бульдозер упорно наступал на перемычку. Ход за ходом он наращивал ее гребень, заставляя воду пятиться, искать новые пути, проигрывать время.

Человек победил. Это был бой, потому что на карту ставилась жизнь и результаты большого труда многих и многих людей...

Получилось так, что имя человека, победившего воду и отстоявшего котлован в ненастную весеннюю ночь, не получило широкую известность. Сделал человек трудное дело и, когда опасность миновала, ушел из котлована отсыпаться. И сам того не знал, что ушел в легенду. Он стал ею, хотя подвиг его совершенно реален. Стал неизвестным героем для тысяч строителей, одним из тех, кто сумел поставить себе памятник при жизни, не позаботившись при этом, чтоб на цоколе монумента были бы выбиты золотом его имя и фамилия.

— Показательно то, — сказал Семизоров, — что ра-

бочие, инженеры, буквально все без исключения поняли величину опасности и спасали, понимаешь, спасали, не думая о себе, котлованы спасали!.. Разрыли мы в нескольких местах «дорогу жизни», опустили трубы диаметром метр двадцать, засыпали их сверху, и хлынула полным сечением вода, пошла в сторону Сусканского залива! А мы всю землеройную технику бросили к подстанции, которая питала стройку,— она на пути воды оказалась —ну, и механизаторы наши показали себя — дамба вокруг подстанции прямо на глазах выросла. Тогда я впервые заснул. На десять минут.

— И успел увидеть хороший сон?

— Не один даже!..

ВЫСОКАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Я позвонил Семизорову в больницу:

— Как ты себя чувствуешь?

Что разрешают тебе врачи?

— Ничего! — ответил он весело. — Есть нельзя, пить нельзя и женщинам улыбаться тоже. Слава богу, хоть работать можно, единственно, что мне пока не запретили эскулапы мои. Так что, может быть, дня через два выпишут на волю.

Семизоров никогда никому не докучал разговорами о своем здоровье. Посмеивался над болезнью, а если сильно прижимала, то ругал ее крепкими словами. Он из тех, кто привык мужественно переносить боль.

За окном палаты — лес, тронутый осенней желтизной.

— На охоту бы съездить! — мечтательно говорит Николай Федорович. — Ты уж настролялся небось всласть?

— Нет.

— Что так?

— Работы много. Срочной притом. В Москву вот ездил... Кстати, в одной из редакций мне задали вопрос,

на который, по правде сказать, до сих пор не найду ответа.

— Что ж за вопрос такой? — поинтересовался Семизоров.

— Меня спросили о том, кто является на стройке главной, определяющей фигурой.

— Что ж тут было думать? — рассмеялся Семизоров. — Тот, кто по-настоящему, с полной отдачей работает — тот и главная фигура. Как и везде, между прочим.

— Ну, а если серьезно? Вопрос ведь и впрямь непростой.

— Видишь ли... — Николай Федорович помедлил, — главной фигуры, видимо, и быть не может. И не должно. На любой стройке — большой ли, малой — всё и все взаимосвязаны. Есть, конечно, те, от деятельности которых зависит очень многое. Бригадиры, например. — Зазвонил телефон. Он стоял возле кровати, на тумбочке. Стопка книг, газеты, телефон. И здесь, в больнице, телефон. — Да, слушаю. Давай рассказывай, — Семизоров подложил под локоть подушку, видно разговор предстоял длинный. — Ну!.. — подбодрял он неведомого мне собеседника. — Ну, чего тянешь?.. Не выдюжили, значит? Эх, мужики, сказал бы я вам кое-что, да вот сестрица вошла с таблетками, неудобно при ней... — Продолжая слушать, он глотал таблетки, сокрушенно покачивал головой. — Ладно теперь оправдываться! Кому они нужны, оправдания эти да ворох объективных причин?.. Вот-вот, вас послушать, так вроде той бабки получается, что говорила: таракан в пироге не беда, хорошая стряпуха если постарается, то и двух запечет. И вы также... Перебрасывайте туда две лучшие бригады с крепкими, толковыми бригадирами и не теряйте ни одного дня, мужики, нельзя это дело срывать нам, нельзя!..

Кончив говорить, Семизоров положил трубку, посмотрев на меня, сказал:

— Так мы о бригадирах с тобой толковали?.. Высокая это должность, труднейшая... У нас на Куйбышевгидрострое много, просто много великолепных бригадиров! Это большое богатство. О всех бы о них тебе написать... Ну, хоть о некоторых... Понимаешь ли, термин «главная фигура» мне как-то не очень понятен, а вот незаменимой фигурой настоящего бригадира я назвал бы... Понимаешь ли, находясь в плену привычных представлений, вы, писатели, частенько судите о явлениях и людях по какой-то, выработанной вами же схеме, удобной, на наш взгляд, для читательского восприятия. Бывает, согласен?

Я молчал.

— Ну, чего глядишь, как змея из-за пазухи? Бывает ведь, особенно в произведениях на производственную тему.

Я нехотя кивнул головой — случается, мол.

— Так вот эта схема, — продолжал Семизоров, — подсовывает вам готовый полуфабрикат, и вы принимаете его как результат собственных наблюдений и раздумий. Чрезвычайно важно оторваться от этой схемы, взглянуть на, казалось бы, хорошо знакомое, не вызывающее сомнений явление так, словно увидел его впервые... Хотите вы того или нет, а глава рабочей бригады рисуется вам, как правило, в деловой, производственной обстановке. Восстанавливая в своей памяти облик этого человека, вы обязательно видите его то в стеганой фуфайке, то в брезентовой куртке сварщика или в рабочем комбинезоне. Он еще не двигается, не говорит, не действует, а вы уже в своем воображении поспешили окружить его производственной обстановкой. Такова сила упомянутой схемы. Согласен?

— В какой-то степени — да.

— Так вот: стоит только вырваться из-под ее коварной власти, и сразу же вам откроется мир рабочего человека, бригадира по должности, воспитателя по званию, организатора по профессии! Сотни вопросов, порой бесконечно далеких и от железобетона, и от штабелей кирпича, тонно-километров рейсов и кубометров грунта, приходят к нему, заставляют думать, спорить, искать ответов, решений, форм действия. Бригадир, как и всякий хозяин своего дела, всегда ответствен, я бы сказал — остро ответствен. Не бывает безответственных бригадиров; требовательная до жестокости действительность громадной стройки сметет безответственность и заставит стать другим. И это органически понятое чувство ответственности становится со временем чертой характера, переходит из производственной во все другие сферы жизни...

Любые инженерные замыслы, любые конкретные проекты, от элементарных до уникальных по сложности, реализовывать в конечном счете рабочим людям. Им воплощать в бетоне и металле конструкцию, рожденную воображением проектировщика. Воображением, мечтой, помноженным на строгий, лишенный эмоций инженерный расчет. И очень важно — кто именно будет воплощать это; с каким умением, с каким пониманием сути сооружаемого возьмутся люди за дело. Вот здесь-то и выступает на передний план фигура бригадира, его организаторские начала, его искусство оптимально распределить обязанности между членами сравнительно небольшого коллектива, рационально использовать силы, споровку, опыт каждого из своих товарищей. Я подчеркиваю: не подчиненных ему людей, а обязательно — товарищей. В этом кроется очень многое. Этим, собственно говоря, и определяется, с кем в данном случае мы имеем дело: с истинным бригадиром или просто с человеком,

временно и случайно занимающим должность, которая, в общем-то, и не должность никакая, а призвание...

В предыдущих главах я рассказал о Михаиле Евецце, о Жене Михайловой, о Борисе Коваленко — о тех, кто в разное время, на разных этапах истории Куйбышевгидростроя являлся теми организующими центрами, вокруг которых формировались, действовали, выступали с починами, ставили рекорды, добивались невозможного сотни и сотни рабочих бригад.

Говорят, что слава Куйбышевгидростроя стоит на трех китах: Волжская ГЭС имени Ленина, химические и машиностроительные заводы, ВАЗ...

— Так, да не совсем, — сказал на это Семизоров. — Забыто еще одно, возможно, самое главное свершение: создан, кстати, тоже с нуля и поднят на удивительную высоту один из крупнейших в стране постоянных коллективов строителей. С него и надо начинать разговор о славе Куйбышевгидростроя.

Длинная череда фамилий... Люди разных профессий, но одной и той же должности — бригадир. Почти все они начинали здесь, с рядовых рабочих; только единицы приехали на гидрострой, имея уже опыт руководства бригадами.

Многие за годы работы на стройке окончили вечерний техникум или институт, возглавили прорабства, участки, управления. И все равно для меня лично они остались бригадирами, я сохраняю их в своей памяти молодыми ребятами, рабочими вожаками, лидерами молодежных бригад.

Николай Иванович Пудовкин — бригадир первой в Куйбышевской области бригады коммунистического труда, ныне начальник строительного управления Автозаводстроя.

Николай Данилович Мануйлов — Герой Социалисти-

ческого Труда, бригадир легендарной на стройке бригады монтажников, ныне начальник крупного монтажного участка.

Андрей Иванович Полевой, тоже Герой Социалистического Труда, прошедший во главе своей бригады через все самое трудное: он строил гидроузел, строил заводы, строил ВАЗ. И при этом учился. Немолодой уже человек, инвалид Великой Отечественной, он недавно закончил вечерний политехнический институт.

— А зачем? — упорно выпрашивал меня один очень рационально мыслящий товарищ. — Зачем получать инженерный диплом в преддверии пенсионного бытия? Ведь это неоправданный расход времени, сил, государственных средств, в конце концов!

Откровенно говоря, я побаиваюсь таких людей. У них все всегда точно подсчитано: выгодно-невыгодно, стоит игра свеч или не стоит, выиграешь или проиграешь. Стоишь под оценивающим его взглядом и ежишься от чувства, что и в тебе самом он успел уже все подсчитать, взвесить и на зуб попробовать.

— Нет, но согласитесь, что это нерационально — кончать институт в пятьдесят пять!

Не согласен... Рационально! В данном, конкретном случае. Хотя бы потому, что все эти годы Андрей Иванович был примером для очень многих молодых. И не только из его бригады. Как знать, скольким из них пришла в голову мысль: «Ведь трудно же человеку, и возраст, и здоровье не те, что у меня, а учится, упорно и увлеченно, не ради «корочек» учится. А я почему не такой?..»

«Почему я не такой?!» Порой это — спасительная мысль, мобилизующая силы и устремления человека, убеждающая его взяться за долгое, утомительное, но необходимое дело. Взяться для того, чтобы стать «таким».

Таким, как Андрей Иванович Полевой или Николай Иванович Пудовкин.

— У меня всегда вызывает возражение, — сказал я однажды Семизорову, — попытка уложить чью-то жизнь, судьбу, в такую готовенькую, благополучную схему. Чаще всего мы этим грешим, пишущие. А схема такова: толковый бригадир, проявил себя хорошо, значит, обязательно надо подтолкнуть его к студенческой скамье. Был толковым бригадиром, а со временем станет толковым прорабом, начальником участка, управления и так далее.

— Вот уж не к месту тут слово «обязательно», — согласился со мной Николай Федорович. — Почему это обязательно институт? У каждого свой путь к совершенству, своя судьба, свои планы. Вряд ли стоит ратовать за то, чтобы, скажем, Николай Трофимович Зеңков или Иван Викторович Ремигайло, не откладывая решения в долгий ящик, становились бы студентами-вечерниками. Не в том ведь суть проблемы. Прекрасно, когда из самых глубин коллектива, из рабочего его ядра вырастают молодые талантливые командиры производства. Но не менее прекрасна верность своей рабочей профессии, умение творчески, по-государственному мыслить, оставаясь командиром самого оперативного подразделения, боеспособность которого решает успех всего мирного сражения. Я имею в виду бригаду, рабочую бригаду, изо дня в день ведущую бой за качество, за сокращение сроков, за перевыполнение планов, за право называться лучшей. Это чудесное человеческое стремление — быть лучшим...

Уходят бригадиры прославленных бригад, но сами бригады остаются, пополняются молодежью, множат свою славу. И бывшие бригадиры гордятся успехами старых товарищей, не теряют с ними связей, как далеко ни забросила бы их судьба.

Наверное, Николай Пудовкин чувствовал себя счастливейшим на земле человеком, когда к раскаленному яростным солнцем бетону гидроузла подошла вода библейской реки Евфрата и впервые лизнула его прохладным языком. В этом горячем гладком бетоне был труд одного из полномочных представителей Куйбышевгидростроя на дружественной земле Сирии — Пудовкина.

И, прочитав об этом событии в газете, радовалась за него оставшаяся на Волге бывшая пудовкинская бригада.

— Гляди, куда Николай наш залетел! Телеграмму послать бы надо, поздравить бригадира с еще одной гидростанцией...

— На мой взгляд, бригадир — это не только отличный знаток строительного дела, — сказал мне Николай Федорович, когда я вновь завел с ним разговор о незаменимости иных людей. — Бригадир должен уметь не просто организовать коллектив и рабочий процесс в нем, но и уметь объяснить и, главное, доказать своим товарищам всю важность существования их бригады, ее незаменимость, ее особую, очень трудную роль. Здесь ведь одних организационных способностей мало. Надо быть воспитателем, пропагандистом, авторитетом. Другими словами, бригадиром с большой буквы, тем самым человеком, который незаменим. Да, его нельзя заменить. Пока будут искать эквивалент, может пошатнуться, а то и рассыпаться все, построенное им за долгие годы. Такие бригадиры, когда приходит пора, сами, не спеша, подбирают себе замену и, как правило, никогда не ошибаются, потому как хорошо знают высокую цену передаваемого...

Так в свое время передал бригаду преемнику и Николай Данилович Мануйлов. И когда я недавно спросил его: не пошатнулись ли дела в этом сильном традициями коллективе, он в ответ только улыбнулся. Особой такой, мануйловской улыбкой. Потом сказал:

— Ну, как же им пошатнуться? Я ж не в какие попало руки отдал дело многих лет жизни. К тому же.... — он вновь улыбнулся, — до сих пор слежу за ребятами, где что не так — подскажу им, поддержу, если надо, посоветую. Без этого нельзя.

Без этого нельзя... Хорошие слова. Я слышал их уже однажды от Николая Трофимовича Зенкова, человека, который продолжает удивлять меня сочетанием решительности и скромности, открытой окружающим простоты и одновременно сложностью характера.

Ничего в жизни не доставалось ему без труда, ничего не приходило само собой, легко. Испытание войной, испытание трудом, испытание славой.

— Все правильно, — соглашается он. — Жизнь испытывала не раз. Но... Без этого нельзя!..

РАССКАЗ О РАБОЧЕЙ БРИГАДЕ

Это было давно. В шестьдесят седьмом, пожалуй.

Я стоял у кромки леса на невысокой полуобвалившейся насыпи. Здесь проходила граница Ставропольской лесной дачи. Дальше — степь, неоглядная, припорошенная снегом, пустая.

Места хорошо мне знакомые. Отсюда, теряясь в хлебах, уходили к редким деревням полевые дороги.

Борковка, Тимофеевка, Никольское, Подстепки...

Старинные заволжские села. Одни из них были потеснены Куйбышевским морем, к околицам других подошли кварталы нового Автозаводского района Тольятти.

Где-то в заснеженной степной дали уже работали первые бригады автостроевцев. Тянули дороги и силовые

линии, размечали площадки, границы будущих котлованов. Еще впереди были бессонные ночи ударных бригад, большой и трудный бетон, ювелирный монтаж, все главное еще было впереди. И о первой, пока безымянной машине люди говорили, как о далекой красивой мечте, до которой еще очень далеко идти, от этих вот колышков и просек.

Никто как-то не задумывался над тем, что три с половиной года пролетят невероятно быстро, словно три бурных дня, и люди увидят, как сходит с конвейера сияющий лаком автомобиль. Это фантастический срок — всего три с половиной года от первого колышка до первой машины! Фантастический для того, кто не знает ребят, построивших Волжский автомобильный. Не знает Ахметова и Робостова, Ремигайло и Досаева, Пудовкина и Зенкова. И шестьдесят тысяч других...

Об этих людях будет еще написано много. И книг, и песен. Они заслужили право быть известными. Но как чертовски нелегко далось им это право на известность!..

Как-то вечером в рабочем общежитии парнишка в брезентовой куртке с эмблемой ВАЗа на рукаве читал нам стихи, держа перед собой изрядно потрепанный сборник Николая Тихонова.

— Я люблю про героическое, — говорил парнишка, — про гражданскую или вот про Отечественную. Чтобы больше о романтике и о смелых людях. Чтоб, как тут, у поэта написано:

Гвозди бы делать из этих людей,
В мире бы не было крепче гвоздей...

Он и в монтажники пошел, оказывается, потому, что:
— Монтажник — это трудно. Это и высота, и работа с накалом. На ней не задремлешь...

Уже потом мы узнали о бригаде Николая Зенкова. Слава ее входила в зенит. Бригада, которая умеет делать все.

Задание и срок — вот два исходных пункта. И бригада, получив задание, словно бы бросается в бой, на штурм сроков. Бросается в атаку, которая длится порой неделями. И никто не услышит от бригады:

— Это невозможно, мы не беремся...

Они делают все: и арматуру, и сварку, и опалубку, и бетон уложат, и смонтируют конструкции, а если нужно будет, то превратятся в отделочников, наведут красоту и блеск.

Комплексная бригада Николая Трофимовича Зенкова. Комплексная — значит, все сами, значит, — мастера экстра-класса.

Мастерам не так-то уж и много лет. Средний возраст бригады — двадцать шесть — равен среднему возрасту жителей города Тольятти. Они — его типичные жители, этого города молодых и дерзких людей.

Они ценят крепкие руки и сметливый ум, веселую шутку и доброе слово. Они знают своего бригадира как человека, прошедшего отличную школу.

— Он моряк у нас. Черноморец. Во время войны и после боцманом был на минном тральщике. Это тоже не семечки грызть...

Двадцать четыре года — с пятьдесят шестого и до дня сегодняшнего — Зенков строит заводы и жилье. Сначала строил в Новокуйбышевске, а теперь вот здесь, в Автограде. И десять человек из тридцати начинали с ним с первого колышка.

Может быть, именно тогда и родилась песня о ребятах из бригады Зенкова.

Мой старый товарищ, хороший парнишка,
Стихи мне читал из затрепанной книжки

О парнях далекой гражданской войны,
О парнях таких же, как мы. И как ты.

— А ведь все это было,— говорил парнишка.— Раз написал поэт, значит, были такие люди. Я люблю стихи, которые про сильных и беззаветных ребят...

Нам хотелось, чтобы это был вальс. То задумчивый и грустный, как воспоминание о чем-то хорошем, что ушло в далекое прошлое, то бурный, радостный и стремительный, как бег сегодняшнего дня.

Нам хотелось, чтобы парнишка-монтажник, у которого все еще впервые: и ВАЗ, и стихи, и любовь, танцевал бы под него с такой же хорошей девчонкой, танцевал бы под вальс о ребятах из бригады Зенкова.

Молчал бригадир и дымил папироской,
Быть может, он вспомнил бушлат свой матросский,
Как шли они, парни минувшей войны,
Такие вот точно, как мы. И как ты...

Наверное, бригадир должен быть немного суровым. Это не злая, не угрюмая суровость. Суровость, потому что кончился короткий перекур и снова дело, которое надо делать очень быстро и в то же время основательно и точно.

Стройка всегда — суровое дело. А здесь, в Автограде, особенно. Потому что и стройка особенная — самого высокого класса.

Еще на флоте выработалась у Зенкова привычка понимать требовательное и железное слово: «надо!» Надо — это не каприз, надо — потому что иначе не получится что-то важное, пойдут прахом усилия других людей. Надо — значит, выручай, даже если для этого придется на время забыть о себе.

На флот он пришел в семнадцать.

— Тоже вот любил стихи,— Зенков усмехается чуть смущенно,— о людях героических и сильных духом. Ду-

мал — а может, и я не подкачаю, смогу кое-что. Пошел на флот в сорок четвертом. А после войны сказали мне: послужи еще, парень. Ты молодой, успеешь на «гражданку», никуда она от тебя не денется. Надо, Зенков, понимаешь, сильно надо. Много еще дел у тральщиков... Так и прослужил аж до тысяча девятьсот пятьдесят шестого. Потом уж домой. Сам я из этих мест, слышали село такое — Белое Озеро?..

Трудно дался Зенкову первый год «гражданки». Под тридцать уже, а специальности никакой. Пришлось идти разнорабочим в строительную бригаду.

— Работал в два глаза, — посмеиваясь, вспоминает Николай Трофимович, — одним глазом, значит, слежу, чтобы молотком по пальцу себе не тяпнуть, а другим смотрю, как наставник мой посложнее работу робит. Запоминаю, учусь, в общем, без отрыва, бригадным, как его называли, методом. Ничего, выучился...

На Куйбышевгидрострой он пришел уже не новичком. За спиной — восемь лет бригадирства. Строил нефтехимический комбинат, и Новокуйбышевские ТЭЦ, и жилье. Уже тогда понял: темпы сегодняшнего строительства, требования, которые предъявляет к нему сама жизнь, обязывают квалифицированного рабочего быть универсалом, знать, и притом в совершенстве, несколько строительных профессий.

Да, только перед комплексной бригадой, которая самостоятельно может решить практически любую задачу, выполнить любой набор работ, открываются самые широкие горизонты для творческого подхода к решению этих задач...

Он клал первые фундаменты прессового корпуса. Именно отсюда для его бригады начался ВАЗ.

Но потом тревожным набатом ударил призыв: коммунисты, на ТЭЦ! Там прорыв, там решается в настоящий

момент судьба всех остальных участков грандиозной стройки.

— Коммунисты, на ТЭЦ! Брать не числом, а умением! В ударной бригаде коммунистов один должен стоять трех!

Зенков возглавил ударную бригаду. Всего их было семнадцать в первый день боев за ТЭЦ. Анатолий Воронин, Леша Мелихов, Эдуард Шахтимиров... Потом осталось пятнадцать. О тех двоих он не хочет вспоминать. Не выдержали, сдались. В бою бывает такое, когда приходится вычеркивать из памяти бойцов, переставших быть бойцами. На то и бой — проверка на прочность.

Клали бетонные полы в районе первой турбины. Работали на десятиметровой высоте. Сварщики сутками не уходили с участка. Так и получилось — каждый за троих.

Потом делали полы в районе второй турбины, потом плиту под третью турбину и восемьдесят восемь монолитных фундаментов.

Наверное, на всю жизнь запомнится густая, как щетка, арматура из тонкой десятимиллиметровой стали. Стержень от стержня на тридцать сантиметров — и впрямь щетка, гигантская щетка — девять на тридцать метров!

Это была тяжелая работа. Два сварщика в течение суток работали неотрывно, пока не был приварен последний стержень, и можно было принимать бетон...

Потом был прорыв на главном корпусе. Не от того, что кто-то плохо работал. Или не умел. Или не хотел.

На этой стройке многое было впервые. И если случались прорывы, то строго винить за них может только тот, кто не видел этой стройки.

— На главном корпусе бригаде дали сто метров конденсационного тоннеля... — Николай Трофимович замолкает, точно еще раз хочет представить себе этот громадный тоннель двенадцатиметровой ширины. — Он был сборно-мо-

нолитный. Пришлось там нажимать. По тому же принципу: не числом, а умением. Я уже говорил: ребята все универсалы; надо, скажем, что-либо сварить, так сварщика звать не станут, сами сделают. И сварщик, если пужно, за ножовку возьмется, плотницкое дело справит или к монтажникам подключится... Помню, нас перебросили на цех колес, менять обратную засыпку. Высотой она была — ни мало ни много — четыре с половиной метра! Зимой засыпали, как придется, со снегом, спешили — нужно было срочно тепло давать в цех. Ну, а летом, известное дело, от такой засыпки пришлось срочным порядком освобождаться. Вроде как археологи работали. Откопали все, значит, заново засыпали, утрамбовали и затем уже настлали пол... Месяц стадион «Труд» строили, монтировали железобетон. И только после этого вернулся я обратно в свою бригаду, на прессовый цех. С бытовок там начали...

Он вспоминает холодную зиму, декабрь шестьдесят девятого, когда примерзали к рукам гвозди. Работала бригада на бетонировании фундаментов.

— Досрочно тоже выдали их. Девять вместо семи. Там, черт бы их забрал, анкерные болты нас мучили. По десятку на каждый фундамент. Сам болт небольшой, не ухватишь его, а точность установки должна быть ювелирная. Но в бригаде у нас такой закон: кто там что делает свое, а думают все вместе. Каждое новое здание с того и начинается — бригада думает. Вот тогда, на фундаментах, и придумали мы шаблончики для анкерных болтов. Простая штука вроде, а сразу дело пошло шибче, покорились нам анкерные болты. Иной раз спрашивают меня: что, бригадир, опять на прорыве? «Нет, — отвечаю, — это работа нормальная...»

Он вспоминает, как бетонировали фундаменты прессового цеха, на каждом из которых было по 26 анкерных болтов. Шел бетон, и значит, не приходилось мешкать.

Но как тут спешить с болтами, когда точность их установки проверяет геодезист? Стыда не оберешься, если не даст «добро».

И снова, как и раньше, выручала бригаду коллективная смекалка. Выход искали все, решая извечную задачу: как совместить сжатые сроки с высоким качеством работ? Чтобы хорошо и в то же время быстро. Очень хорошо и неправдоподобно быстро. Именно неправдоподобно! Ведь всего три с небольшим года назад бригадир Зенков забивал первые колышки, размечая границы будущих котлованов. Что такое три года для рождения нового сверхзавода, для рождения нового автомобиля, носящего славное имя «Жигули»?

Я видел бригаду Зенкова в цехе мелкого литья. Вовсю шла работа по подготовке цеха к приему тепла. Огромные переплеты с остеклением вставляли меж колоннами, соединяя их тонкой прозрачной стеной.

Шаг колонн — шесть метров. Два переплета, соединенные вместе, перекрывают это пространство. А что, если ставить переплеты не по отдельности, а предварительно соединив их? Почти двойной выигрыш времени! Нужно только разработать приспособление для монтажа спаренных переплетов. Но это уже не проблема...

Никогда никто не слышал от бригады:

— Это невозможно, мы не беремся...

Слышали другое:

— Это трудно. Но все же попробуем. Сделаем... за десять дней.

— А может, сумеете за семь? Уж больно надо, ребята, чтоб побыстрее.

И они делали за семь...

Я спрашиваю Зенкова:

— Бывали вы за эти годы на Черном море, Николай Трофимович?

Он смущенно улыбается:

— Вы знаете, не приходилось. А вообще-то надо. Вот завершим все главные дела, возьму жену, дочку с сыном, и махнем на море... Покажу им Севастополь, пирс, у которого стоял мой тральщик... Дочка у меня, между прочим, тоже строитель. Заканчивает институт, будет прорабом, вместе станем строить...

Я смотрю на Зенкова. Ему за пятьдесят. Лицо живое и веселое, и говорит он увлеченно, с особым флотским юморком. И нет уже в этом лице обычной бригадирской суровости, ни к чему она сейчас.

Мне представляется, как легко, наверное, людям дружить с ним, а значит, и работать. Как много может сделать его бригада, «зенковцы», ребята, объединенные одной профессией, одной мечтой, одними устремлениями. И как много она уже сделала.

РАССКАЗ

ОБ ИВАНЕ РЕМИГАЙЛО

Шло лето 1967 года. Жаркое, пыльное, трудное лето.

От того, как «пойдет земля», зависело очень многое. Не будут к сроку готовы коглованы — задержится начало бетонных работ, монтаж конструкций и оборудования, возникнет угроза срыва утвержденных правительством сроков строительства.

Если спросить сейчас Героя Социалистического Труда Ивана Викторовича Ремигайло о тех днях, когда внедрялась в жизнь идея комплексных механизированных бригад, он наверняка вспомнит о том, как трудно было поначалу победить недоверие к этой идее, к новой системе оплаты, ставящей под удар интересы любителей легкого рубля. Но

порой и от тех, кто никогда не помышлял о приписках, можно было услышать:

— На «общий котел», выходит, работать будем? Один вкалывает до седьмого пота, другой в тенечке прохлаждается, а заработок на всех единый? Несправедливо получается, уравниловка какая-то...

Победа нового — всегда революционная победа. И можно, не преувеличивая, назвать Ивана Викторовича Ремигайло революционером в своем деле. Утвердить идею комплексных механизированных бригад и ему и Виктору Андреевичу Быкову было совсем не так просто, как это кажется сейчас, с дистанции времени. Также непросто было в свое время и Михаилу Евецу, когда он внедрял аналогичное предложение в пик земляных работ на правом берегу Волги.

Особое уважение вызывает неуспокоенность Ивана Ремигайло, его желание не упиваться достигнутой победой, а развивать ее — взяв вершину, здесь же, не переводя дыхания, стремиться к следующей. Ведь когда идея комплексных бригад механизаторов получила признание и, казалось бы, пришла пора торжества, Иван Викторович, передав бригаду преемнику, пошел работать на панелевоз. Он понимал — с «землей» теперь все в порядке, «земля» взята, но есть другие участки, где может пригодиться его опыт, организаторская хватка, настойчивость.

Организация комплексных работ на строительстве Автограда началась с открытого письма Ивана Ремигайло и его товарищей: «Сооружению домов — комплексный метод». Шоферы, комплектовщики и крановщики стали работать едиными бригадами.

— Вряд ли что получится, — сомневались скептики. — Одно дело земля, а тут... Подождем результатов.

Результаты не заставили себя ждать. Комплексные бригады дали двойную производительность.

Увлеченность своим делом, гражданская активность, убежденность и оптимизм — вся эта сумма общественных ценностей, заключенная в личности, всегда вызывает интерес к себе, стремление следовать ее примеру. Особенно у молодежи. Отлично сказал об этом молодой бригадир Автозаводстроя В. Македон:

«Николай Островский писал, что вместе с комсомольским билетом парни его поколения получали оружие и двести патронов. Наше поколение не прошло такой суровой школы. Мы не брали Перекоп и не мерзли в палатках со строителями Комсомольска-на-Амуре — в Тольятти построены отличные общежития с ванными комнатами и газовыми плитами.

Но мы — продолжатели. Тюменская нефть и алмазы Якутии, Волжский автозавод и другие крупнейшие стройки наших лет — это достойное продолжение строек тридцатых годов. На этих стройках, на Волжском автозаводе так же, как и прежде, мужает, набирается сил и опыта наше комсомольское поколение. Я благодарю комсомол за то, что он помог мне стать причастным к важнейшим преобразованиям нашего великого времени и быть достойным его»...

Быть достойным своего времени... Как понимать это? С чем соизмерить сделанное?

На эти вопросы точнее всего отвечает сама жизнь, ее практические результаты.

— Практические результаты? — переспросил меня Семизоров. — Это не совсем точно. Немаловажно и то, как, каким образом достигнуты эти самые результаты? Пусть даже самые высокие. Частенько за результатом можно спрятать целый мешок грехов. И получается, что улица прямая, а хата-то крива. Меня всегда восхищают результаты жизни, во всех отношениях прекрасной. Есть такие примеры, они не редки, взять хотя бы нашу Валю Савинову...

РАССКАЗ О ЖИЗНИ,
ПРЕКРАСНОЙ ВО ВСЕХ
ОТНОШЕНИЯХ

Умер старый бригадир Алек-
сандр Петрович Шишкин.

— Как же мы теперь без дяди Саши будем?.. — Плакали по нему девчата-каменщицы.

В последний путь по улицам города Тольятти, в котором так много было построено руками Александра Петровича, руками его бригады.

Дома, дома... Кирпич к кирпичу, миллионы кирпичей, уложенных за годы труда.

Прозрачные струйки дождя сбегали по синим стеклам окон.

Домá не умеют плакать, плачут люди...

Быть может, впервые тогда задумалась Надя Щуринана над тем, что же оставляет человек, уходя из жизни? Какой памятник успеваешь построить? Не из мрамора этот памятник, не из гулкой бронзы. Есть материал куда прочнее и прекраснее — труд. Добрый труд во имя людей...

Дядя Саша Шишкин учил девчонок трудной профессии каменщиц. Учил работать красиво и ловко, как подобает настоящему мастеру...

Несколько лет назад мне пришлось снимать по своему сценарию полнометражный кинофильм о Куйбышевгидрострое, о людях его и делах. Отсмотрев имевшийся фильмотечный материал, я отобрал из него наиболее интересные планы и до того, как начать монтаж, решил показать их Семизорову.

И вот где-то уже в конце просмотра увидели мы на экране Надежду Михайловну Щурину. Обычные хроникальные кадры, совсем, казалось бы, будничные: молодая

темноглазая женщина в ватнике выкладывает карниз. Движения ее скупы и точны, лицо сосредоточенно. Она не замечает камеры или просто не обращает на нее внимания, она работает. Полминуты — и все исчезло, на экране осталось лишь белое пятно света.

— Перемотай,— попросил Семизоров.— Посмотрим еще раз...

И снова на экране Надежда Щурина. Ветер треплет прядь темно-русых волос. Точное движение руки, и кирпич ложится в ряд. Она пристукивает его, снимает лишний раствор, распрямляется на мгновение и, глянув в объектив, прячет улыбку.

— Давно снимали?— спросил Николай Федорович оператора.

— А как раз, когда Надежду Михайловну выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР...

Уже потом, когда мы отсмотрели все и остались одни, Семизоров сказал мне:

— Попробуй представить, наверное, это тебе нужно, пригодится при работе над фильмом, представить, понимаешь ли, и понять, что пережила и сколько передумала Щурина в те дни, когда на стенах домов, построенных ее бригадой, появились глянцевые листки с фотографией посредине. Ее, Надиной, фотографией! Это чувство особое, я по себе знаю. Очень какое-то...— Он не мог сразу найти нужное слово.— Обязывающее, что ли? Да, обязывающее...

Я не раз возвращался к сказанному Семизоровым. Вновь просматривал старую ленту. И даже попытался затронуть эту тему в разговоре с Надеждой Михайловной. Не напрямую, конечно.

Да, она хорошо помнила и фотографа, и что он говорил ей, и как она была одета в тот день. И все же казалось, что с фотографии смотрит на нее незнакомая строгая

женщина, совсем непохожая на Надю Щурину, девушку из поселка Александрово поле.

Ровные строчки типографского шрифта бежали по листку, сливались в синие полосы. Родилась... училась... пришла работать на Куйбышевгидрострой...

«Я ничего еще не успела сделать! — думала Надя. — А мне вдруг решили оказать такое доверие! А если у меня ничего не получится?! После Вали-то...»

И наверное, первой, кто сказал ей вселяющее уверенность слово «получится», была Валентина Никифоровна Савинова.

— Я тоже знаешь как боялась. Но ничего, не робей, у тебя обязательно получится!..

Не знаю почему, но эти две женщины, две волжанки, в общем-то очень разные, непохожие ни внешне, ни по манере говорить и держать себя, неизменно объединяются в моем воображении. По всей вероятности, тут дело в том, что единый жизненный путь и единые цели, выбранные всерьез и навсегда, сближают человеческие судьбы. Каждая из них — своя, как строчка в песне, и в то же время они гармонично связаны, ни разъединить их, не спеть по отдельности.

Девушка из Александрова поля и девушка из Новой Васильевки. Это совсем рядом — только Волгу переплыть. Не ведая друг о друге, почти одновременно пришли они на Куйбышевгидрострой. Думая о тех далеких уже временах, я вижу девушку, небольшую росточком, крепко сбитую, круглолицую волжанку из никому не ведомого села. Сейчас село это стало фактически пригородом Тольятти, но тогда, два десятилетия назад, на месте окраинных городских кварталов были кукурузные поля. И на одном из них работала звеньевая Валя Иванова.

А рядом, совсем рядом, горела огнями бессонная стройка, о которой знала вся страна.

Много бы я дал, чтобы увидеть Валю именно такой, девятнадцатилетней, впервые переступившей порог давно уже исчезнувшего прорабства, Валю, ошеломленную новизной впечатлений. Все было новым для нее и непривычным. Люди, их взаимоотношения, их дела и заботы. Даже фамилия у Вали была теперь новой и на первых порах тоже непривычной — Савинова. Как трудно новичку суметь не затеряться в людском океане, найти свой берег, свой маяк. Сколько ему потребуется времени, чтобы из робкого ученика превратиться в уверенного в своих силах профессионала, который не только сам умеет, но и других научит, поведет за собой? Иному не хватит и всей жизни. А вот Вале Савиновой потребовалось совсем немного, несколько лет всего.

Я часто задаю себе вопрос: «Почему же так происходит? Что это — счастливое стечение обстоятельств, везение или особый талант?..»

Наверное, и то, и другое, и третье. Ведь и впрямь повезло Вале Савиновой, что родилась она в жигулевском краю и судьба смолоду подарила ей такого верного и сильного друга, каким стал для нее Куйбышевгидрострой.

Да, ей везло в жизни. Потому что встречались на пути такие, как Марфа Трофимовна Шубина и Зейнаб Генядовна Айбятова — люди со щедрой, по-русски щедрой душой.

Они не только научили Валентину Савинову тонкостям ее будущей профессии отделочницы, но и помогли раскрыть свой собственный талант. Не каждому дано, оставаясь требовательным и бескомпромиссным, остро ощущать чужую боль, чужую беду. Порой призыв о помощи можно услышать только сердцем, не всякий о беде своей в голос кричит.

Это умение — быть с людьми, не для себя одной жить,

а ощущать свое счастье лишь тогда, когда оно — частица общего счастья.

Я думаю, именно этот талант почувствовали люди в Савиновой, когда в 1966 году выдвинули ее, молодого бригадира маляров, кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

С той поры прошло уже более десяти лет, а Валентина Никифоровна, вспоминая, все волнуется. Вообще-то человек она вроде бы спокойный, рассудительный, умеющий создавать вокруг себя обстановку уверенности и в то же время может взволноваться до слез, когда, как говорится, «за сердце возьмет».

— Ну вы сами посудите, — говорила она, — мне ж тогда и тридцати не сравнялось, беспартийная еще была я, да и образование не велико. А здесь — такая ответственность! Ведь это особая работа, государственная, это судьбы людей!..

Я невольно улыбаюсь: уж чем-чем, а умением по-государственному подойти к любому делу Савинова не обделена.

— Вы знаете, меня тогда девчата успокоили. Ну, ежели в чем не разберешься на первых порах — всей бригадой думать станем, неужто не поймем, как и что сделать следует?..

Не так уж много лет прошло с тех пор, а сделано — на три жизни хватит. Валентина Никифоровна стала прославленным бригадиром, Героем Социалистического Труда, коммунистом, членом пленума областного комитета партии.

Но всякий раз в нелегкие минуты жизни она мысленно возвращается к тем годам, когда была депутатом, полномочным представителем верховной власти в стране. Она воспринимала эти полномочия не только как великий почет и великое доверие, но и как трудовое ответственное зада-

ние, выполнить которое надо было мастерски. Иначе никак нельзя.

К депутату идут за помощью и советом не как к оракулу, а как к другу, готовому понять и помочь. Не только по долгу, но и по сути своей душевной. Инструкция не выручит депутата, не подскажет ему, что говорить, что делать, когда перед ним чужая беда, чужие надежды.

— Что значит «чужие»? — не соглашается Валентина Никифоровна. — Никакие не чужие! Все принимать приходилось и сейчас приходится как депутату областного Совета, как свои, кровные заботы. Холодным умом хорошо только задачки по арифметике решать. А здесь — сама жизнь задачи ставит... Бывает, придут ко мне на прием, расскажут, мы и поплачем вместе и погорюем, а там, глядишь, как солнце сквозь тучу проклюнулось, нашлась ниточка, по которой все горе-беду размотать удалось... Есть такие стихи, будто об этом и написанные: «Выходим в день, как в бой, проходим рядом, спешим, как пульс космического века, но вдруг замрем, застигнутые взглядом чужой беды, чужого человека...» Вот только так — увидел и замер, не пошел себе равнодушненько дальше.

И я задаю ей извечный вопрос, ответ на который известен заранее. Но я все-таки задаю его, я спрашиваю Савинову:

— Трудно было?

— Ох и трудно! Труднее не придумать. Да только ведь все, нужное людям, оно редко когда легко дается. Мне еще, помню, Марфа Трофимовна говорила: трудность — от слова «трудно» происходит, а трудно — от слова «труд». Все настоящее от этого слова начало берет...

Ей никогда не было легко — Валентине Никифоровне Савиновой. Она постигала азы своей профессии, придя в бригаду разнорабочей.

«Бригадный метод обучения...» Поверьте мне — не

сладкая это наука. Новичок часто даже не представляет себе, чем же он будет заниматься, в чем суть этого занятия, которое может стать его ремеслом, его профессией на всю дальнейшую жизнь. А может и не стать — все зависит от того, какие люди окажутся рядом с ним.

Он должен за короткое время постичь десятки малых и больших тайн, из коих сплетена любая настоящая профессия. Кто посвятит его в эти тайны, кто скажет: «Давай научу!» — вместо сердитого: «Смотри сам да мотай на ус, а мне некогда, у меня работа не терпит!..»

Я знаю, сколько их уходило из бригад, так и не став ни штукатурами, ни малярами. Уходили, подавленные занятостью окружающих, их нетерпеливым отношением к первым, робким и, как правило, неудачным попыткам новичков сделать что-либо самостоятельно.

Бригадный метод обучения — он для упорных, для тех, кто привык добиваться своего, несмотря на неудачи.

И когда спрашиваешь сейчас у Валентины Никифоровны, каково ей было в первой ее бригаде, где постигала она основы главного дела своей жизни, она рассказывает и про неудачи, и про минуты отчаяния, но непременно заканчивает рассказом о тех, кто помог ей, научил, поддержал добрым словом. На них-то и держится бригадный метод обучения рабочих и полностью оправдывает себя.

Мне думается, что именно время нелегкого ученичества, воспоминание об этом времени, размышления о нем и о делах своей, уже полностью сложившейся и окрепшей бригады помогли Савиновой после XXIII съезда КПСС положить начало почину бригады: работать, как работают мастера труда.

Не успокаиваться, искать и находить новые пути к успеху, даже там, где, казалось бы, уже все резервы исчерпаны, все продумано до мелочей.

Почин бригады Савиновой был подхвачен на Куйбышевгидрострое. Начинаясь новый этап в его истории — строительство ВАЗа и Автограда. Грандиозные объемы и одновременно очень сжатые сроки. «Примирить» эти трудно совместимые начала могло только мастерство строителей, вера в свои силы.

Савинова хорошо знает, как это важно, когда верят в тебя, в твои возможности, в твой поиск.

Когда-то давно в ее возможности поверила Марфа Шубина, бригадир отделочников, Герой Социалистического Труда.

— Получится у тебя, — сказала она в свое время Савиновой. — Ты только не робей, берись круче. Ежели что не так пойдет, позови — помогу, научу, как сама умею...

А она умела красиво работать, увлекая и покоряя этой красотой других. И когда сегодня говорят и пишут о новых кварталах Автограда, о великолепной отделке зданий, на которых работали девчата из комплексной бригады Савиновой, я невольно думаю о том, что рабочее мастерство, профессиональная порядочность, творческий, новаторский подход к своему делу — все это явления уже традиционные, они имеют глубокие корни, уходящие в историю Куйбышевгидростроя. На протяжении многих лет все лучшее, что создано в коллективе умом и трудом тысяч людей, бережно культивируется, обогащается, передается молодому пополнению.

«Каждый мастер труда — наставник». Эта новая мысль, родившаяся в бригаде Савиновой, получила самое широкое развитие.

Валентина Никифоровна была наставником очень многих молодых рабочих еще задолго до того, как движение наставничества охватило буквально все производства и стройки нашей страны. Так же как была наставником и

Марфа Шубина, и Зейнаб Айбятова, до сегодняшнего дня работающая в бригаде Савиновой, и сотни других рабочих Куйбышевгидростроя.

— Какой же это мастер без учеников?— говорила членам бригады Валентина Савинова.— И коль работаешь, как мастер труда, так выучи себе на смену новых мастеров, передай им все, что знаешь и умеешь, из ладони в ладонь передай...

В дни, предшествовавшие открытию XXV съезда КПСС, мне удалось собрать вместе почти всех Героев Социалистического Труда Куйбышевгидростроя. Хотелось, чтобы они стали первыми зрителями только что законченного фильма.

Мы едва уместились в небольшом просмотровом зале, и я вновь испытал чувство радости за них, ощутив ту атмосферу доброй дружбы, которой много лет связаны эти люди.

И по-моему, героем среди героев в тот день была Валя Савинова: буквально накануне этой встречи мы узнали, что она избрана делегатом XXV съезда партии.

— Самая неугомонная из всех нас,— пошутил Пегр Алексеевич Досаев.— Ведь с третьим почином выступает, разве нам, старикам, угнаться за ней?..

«От мастеров труда — к бригадам высокого мастерства и отличного качества» — таков был новый почин бригады Савиновой, новый этап на творческом пути к вершинам уже не личного, а коллективного мастерства, главным мерилом которого явится качество и только качество.

С него, с качества, и начался этот коллектив. Валентина Никифоровна рассказывала, как в свое время бригада ходила с объекта на объект и исправляла то, что напортили другие.

— Может, и обидно было чужие грехи латать, по зато

навсегда выработалась у людей неприязнь к работе на авось, на троечку с минусом...

Долгое время ее бригада была занята на отделке школ в Автозаводском районе Тольятти. Высокие светлые здания, оригинальные по архитектурному замыслу, с удобной, рациональной планировкой, просторными классами и кабинетами, они радуют глаз и ребят и взрослых.

— Красивая у вас работа,— сказал я и подумал: как много людей поминают добрым словом эту невысокую ростом, застенчивую женщину с улыбочивым и простым лицом. За многое поминают добрым словом. Не стану перечислять всего, приведу лишь один пример, связанный как раз со школами.

Иной раз сдавать их приходится к самому началу учебного года. И кто не слышал о той нервотрепке, которая обычно предшествует подобной сдаче. Основной штурм падает на последние недели августа, растет список недоделок, директор будущей школы звонит во все инстанции, умоляет, требует, грозит, идет на компромиссы...

Ничего этого не бывает, когда «на школе» работает бригада Савиновой. Точно, в согласованный срок, с оцепкой «хорошо» или «отлично» вступает в прекрасную свою жизнь здание новой школы. Валентина Никифоровна в последний раз проходит по всем этажам, в руке ее позвякивает связка ключей. Будущие первоклашки, прижав носы к чисто вымытым стеклам, вглядываются в полумрак вестибюля; через неделю они первые ступят на этот блестящий пол, звонкими голосами заполнят гулкую пустоту громадного здания.

— С этого момента и само здание живым станет,— говорит Савинова.— Люблю я на школах работать.— Добавляет с грустью:— Обидно, конечно, что самой недолго при-

шлось учиться — трудная послевоенная пора в колхозе, потом стройка, семья... Не сложилось, в общем. Сейчас вот одной из главных забот у меня — сын. Ему учиться и учиться, студент уже...

Пройдут месяцы, и в коридорах школы нежданно-негаданно вновь появятся девушки в забрызганных веселыми красками комбинезонах. Где-то поползла паутинка трещины или расплылось пятно. Так и должно быть — здание не успело еще до конца осесть.

Никто не думал предъявлять претензий бригаде, никто никуда не звонил и не просил подлатать. Девчата пришли сами, по доброму закону своей бригады. Валя Додчук, или Галя Антропова, или кто-то другой — какая разница; они обязательно найдут время, надо будет — выкроют из своего личного, но придут в сданную уже ими школу, чтобы подправить, подкрасить, подновить, чтобы все было на уровне того высокого рабочего мастерства, которое смыкается с истинным искусством...

— Иначе и нельзя, — скажут в бригаде. — Ведь все делается-то для людей...

В одном из разговоров с Валентиной Никифоровной Савиновой я задал неожиданный для нее вопрос:

— Скажите, Валя, сколько раз в жизни к вам приходило ощущение большого, даже давайте так: очень большого счастья?

Она ответила не сразу, долго молчала, потом сказала:

— Не однажды. Хотя бы потому, что я мать... Много было в моей жизни счастливых минут. Но всегда то, что ближе по времени, то и ярче... Меня избрали делегатом XXV съезда нашей партии. Прошло время, а я до сих пор нахожусь под впечатлением той счастливейшей минуты, когда вдруг услышала свою фамилию среди фамилий других делегатов. О чувстве, охватившем меня, не рассказать, в слова оно не укладывается...

По-разному люди говорят о самых счастливых мгновениях в своей жизни. Порой не говорят ничего, потому что очень уж это интимное понятие — счастливейший момент в личной жизни человека.

— Я понимаю,— сказал Семизоров,— тобой не любопытство, конечно, движет. Тебе надо знать, да... Видишь ли, как и у всякого, у меня много было в жизни счастливых минут, не могу пожаловаться. Иной раз испытываешь блаженство просто от сознания законченного дела, может быть, даже и очень незначительного, имеющего лишь сиюминутное значение. Но оно висело над тобой, не давалось никак, мешало другим делам, и вот наконец ты справился с ним по-доброму, сделал и — ощущение радости охватывает тебя!.. Конечно, только время и немалое время дает возможность отделить все проходящее от того, что остается в твоей судьбе навсегда, становится неотъемлемой частью биографии. И тут начинаешь понимать и заново оценивать дни и даже минуты самого высокого счастья... Я был делегатом трех последних съездов партии. Три раза подряд мне оказывали ни с чем не сравнимую честь — избирали народным депутатом в Верховный Совет России... Как тебе объяснить, что пришло вместе с этими событиями в душу и в сердце?..

Семизоров замолкает, подперев подбородок ладонью, думает; его черные, слегка прищуренные глаза полуприкрыты ресницами. Я наблюдаю за ним, и мне кажется, что он вновь видит себя, входящим в просторные залы Дворца съездов, видит радостно взволнованные лица, знакомые и незнакомые, и весь он в преддверии громадного события, которое приближается к нему с каждой секундой. Это чувство счастливого ожидания уже знакомо, но он всякий раз переживает его заново, так же остро и глубоко, как переживал в тот день, когда впервые входил в дворцовые залы полномочным представителем своей партийной организа-

ции, делегатом XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза...

— Понимаешь,— словно очнувшись, говорит мне Николай Федорович,— все может пройти, забыться или как-то притупиться в памяти, а это — нет, это навсегда останется со мной...

Партийная работа для Семизорова в каждодневных его делах. Он никогда не отделял ее от инженерных своих обязанностей или административных.

— Нелепо размежевывать то, что неделимо по самому принципу своему. Как же можно?— Он недоуменно пожимает плечами.— Все, что мы делаем или стараемся сделать, входит в бесконечно широкое понятие: партийная работа. Забывать об этом в толчее забот наших никак нельзя; иначе не то, что надо, настроим и в прямом и в переносном смысле...

В день депутатского приема к Семизорову всегда приходит очень много народа. С чем только не идут к нему. Мне не раз приходилось слышать, как сетовали люди, обратившиеся к тому или иному работнику:

— Вижу — не хотите вы разобраться в моей просьбе, не понять меня не можете, не выслушать толком, все недосуг вам. Что ж, в таком случае я к Семизорову пойду, как к депутату, у него время всегда найдется...

И говорилось это обычно не в виде угрозы — пугать именем Семизорова в Тольятти не принято,— а звучало скорее укором: из-за вашего равнодушия, мол, я буду вынужден теперь отвлекать от дел такого занятого человека, просить его сделать то, что смогли бы и вы, кабы захотели.

— Когда выдвинули меня кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР,— вспоминает Валентина Никифорова Савинова,— я подумала: как справиться-то? А вдруг скажет кто: какой она депутат, да разве сможет Савинова

подойти так душевно к беде моей или тревоге, вникнуть в нее, как Семизорову это дается?.. И я старалась, чтоб никто не сказал такого. И не подумал. Очень старалась...

Старание... Прекрасное человеческое умение! Стараются человек. Не для себя, для других. И для других не ради того, чтоб сказали: смотрите, какой он хороший. А для других, потому что не может иначе.

УРОКИ НРАВСТВЕННОСТИ

«**Н**ичто так не возвышает личность, как активная жизненная позиция, сознательное отношение к общественному долгу, когда единство слова и дела становится повседневной формой поведения. Выработать такую позицию — задача нравственного воспитания».

Эти слова Леонида Ильича Брежнева очень точно характеризуют дела, поступки, внутреннюю сущность большинства кадровых куйбышевгидростроевцев, с которыми мне посчастливилось познакомиться и подружиться в разные периоды строительства в Жигулях, от первых дней его, уходящих в уже далекие пятидесятые, и до дня нынешнего. Не надо быть искушенным в строительных делах, чтобы понять: те дела, что встают перед Куйбышевгидростроем в ближайшем будущем потребуют не только огромных материальных средств, но в первую очередь именно «активной жизненной позиции», именно «единства слова и дела», возведенного в жизненный принцип, в «повседневную форму поведения». Другими словами,

успех нового лишь начинаемого строительства будет зависеть не только от технических возможностей, но и от категорий сугубо нравственного порядка.

Не раз приводилось задумываться над тем, что общий для коллектива нравственный климат всегда является итогом своеобразной интеграции. Какова жизненная позиция, каковы духовные устремления и общественная активность тех, кто являет собой лицо коллектива, большого или малого, таковы и нравственные возможности этих объединенных воедино людей.

Неоднократно убеждался я и в том, какое определяющее влияние оказывают действия, принципы, поступки конкретного человека на формирование личности всего коллектива.

Мне запомнилась трогательная в простоте своей и внешней приземленности история с очень старой женщиной, живущей в Васильевке, в селе, к околице которого вплотную подошли кварталы Тольятти.

И не село уже толком, и еще не пригород, середина на половину. Через это промежуточное состояние прошли многие села Ставропольского района; наступил черед и Васильевки, как бы зажатой между Центральным районом Тольятти и новыми площадками вступающего в строй ТоАЗа.

Но рядом с этой громадной, грохочущей, ультрасовременной жизнью продолжается тихая, привычная, наполненная ежедневным трудом жизнь двух одиноких женщин: старой колхозницы и ее приемной дочери, тоже уже пенсионерки. Это труд не только на себя, но и на общество; молоко, овощи, мясо — все то, что создается на небольшом приусадебном участке, пусть самой малой частью, но вливается, причем регулярно, в рацион полумиллионного города.

Но этак уж, видно, сложились дела в Васильевке, что

до нужд и забот двух старых женщин у колхозных руководителей, как говорится, руки не доходили. И вот однажды, года три назад, в кабинет Семизорова, прихрамывая, вошла согнутая годами старуха.

— Здравствуй,— сказала она.— На прием я к тебе, значит. Слух идет — с пониманием ты начальник, авось поможешь нам...

Глаза у нее были зоркие и живые, речь неторопливая, внятная.

И во всей ее фигуре, сухонькой и, казалось бы, немощной, скрывалась какая-то не израсходованная за долгие и, видимо, нелегкие годы жизненная энергия.

Просьба старухи была необычной, и выполнить такую просьбу Семизорову было более чем сложно.

— Нечем кормить мне скотинку-то,— сказала она.— И под покос нынче ничего нам не дали, и комбикормов, говорят, нету лишних для личного нашего хозяйствования, значит...

Все можно было разыскать на многочисленных базах Куйбышевгидростроя, кроме, пожалуй, сена и комбикормов.

Имелся, правда давненько, лет двадцать семь назад, табун коней в пятьдесят голов, испрошенный Иваном Васильевичем Комзиным у самого Буденного; до сих пор ветераны стройки да и сам Комзин в веселые минуты вспоминают перипетии с этим необычным тяглом.

— Вот у тебя тут, вокруг конторы твоей, гляди, травы-то сколько зазря пропадает,— пришла на помощь Николаю Федоровичу старуха.— Разрешил бы мне скосить ее, а?..

— Хорошие две копешки получились,— рассказывал мне Семизоров.— Она и потом, в другие годы, косила... С колхозным начальством я говорил, конечно. Нет, отвечают, указаний сверху по обязательному и полному обеспе-

чению личных хозяйств кормами. Нет сверху?— спрашиваю. Так, надо думать, скоро дадут такие указания; а вы пока что, не дожидаясь, самим себе снизу укажите. Разве ж непонятно всем нам, какая значительная доля того, что производится в личных хозяйствах, идет на стол горожан?.. Чувствую: мнутя мужики... Ну, что могли, мы сами сделали для старушки той... Поразила меня, понимаешь ли, ее исконная иступленная верность труду на земле. Труд не по обязанности уже, а потому, что без него не видела она смысла в жизни... Сказал я и снабженцам нашим: вы, мол, ежемесячно горы разбитой тары и других деревяшек списываете; чем на свалку вывозить — свезите в Васильевку, в благодарность за то, что эта крестьянка старая, несмотря на свои восемьдесят, каждый день на горбу нам с вами в город молоко носит. Причем по сходной цене продает, не дорожится...

Я часто думаю о том, что вот хватило у Николая Федоровича именно «сознательного отношения к общественному долгу» своему, и в сонмище окружающих его дел он не забыл о скромных нуждах двух, вчера еще незнакомых ему женщин. Хватило терпения, сил, памяти, наконец, на многие телефонные звонки и разговоры о делах, прямо его не касающихся: о проблемах личного хозяйства колхозников, о лишнем самосвале комбикормов, о нескольких кубометрах списанной тары, вполне пригодной на дрова, — и сухие, и пилить не надо. И одновременно с этим сколько людей получили ненавязчивый, наглядный урок. Урок нравственности...

Надо сказать, что Николай Федорович не относится к той категории руководителей, которая любит и умеет пространно теоретизировать на отвлеченные темы. Будучи по складу своему человеком сугубо практического ума, он всегда общим теоретическим положениям предпочитает силу конкретного примера.

— Тема нравственности, морали,— говорил он мне как-то,— тема духовного самосовершенствования все чаще и чаще становится предметом обсуждений, споров, просто разговоров, к которым мы приходим по тем или иным ассоциациям. А ведь порой пример чьей-то жизни, жизни, прожитой здорово, ярко, нараспашку, что называется, воздействует на окружающих куда сильнее, чем какой-нибудь, пусть умный, но отвлеченный доклад ли там или статья... Не всегда по-хозяйски используем мы тот жизненный материал, что мог бы стать для кого-то, в первую очередь для молодых, конечно, мерилom житейских ценностей, тем направляющим азимутом, по которому курс держать. И материал этот вокруг нас, только руку протяни. Взять ту же Любовь Стефановну Сиверскую — хоть поэму пиши о ее жизни!..

Оговорюсь сразу: о поэме было сказано задолго до того, как в гостинице Набережных Челнов к Любви Стефановне подошел высокий худощавый человек и смутил ее необычным вопросом:

— Скажите, за что вам дали такую красивую золотую звездочку?

— За ВАЗ...— растерянно ответила Сиверская.

— За меня?! — переспросил он.— Это как же: за меня?

Его искреннее недоумение помогло Сиверской справиться со смущением. Она рассмеялась громко и весело, как обычно смеется.

— Да нет! Не за вас, а за Волжский автомобильный, что в Тольягги, слыхали небось? Я его строила. Кровли там моя бригада ладила...

С этого и началась поэма. Будущая поэма, что появится лишь год спустя. А тогда, в тот вечер, они просто говорили. Бригадир кровельщиков с Куйбышевгидростроя Любовь Стефановна Сиверская и поэт Евгений Евтушенко.

РАССКАЗ О МАМЕ ЛЮБЕ

Кровельщицы... Ну что тут, казалось бы, сложного? Для тех, кто видел их только с улицы, конечно, все очень просто. Мелькают белые косынки на голубом фоне неба, подрагивает марево над горячим слоем битумной мастики.

Но когда начинаешь вдумываться в то, что сделано бригадой за многие годы труда и какой ценой досталось им все сделанное, проникаешься глубоким уважением к этим самоотверженным, преданным своей трудной профессии женщинам.

По две смены кряду, зачастую без выходных дней, с наколенниками, в рукавицах, они укладывали кровлю на десятках заводских цехов.

Я видел их в штурмовые дни на ВАЗе, в коммуникационном тоннеле, где каждый сантиметр гидроизоляционного покрытия приглажен неумолимыми руками девчонок из бригады Сиверской. Монтажники устанавливали колонны, расклинивали их, а следом шла бригада Любви Стефановны. Здесь нельзя было рассчитывать на помощь механизмов, где тут развернешься с механизмами, большими или малыми. Руки, только руки. Терпеливые, аккуратные, забывшие про усталость. Заливали бетон, вибрировали его, где надо было — делали кирпичную кладку, прибетонку, а то брались и за малярные кисти.

— Я не раз говорила девчатам, — рассказывает Сиверская, — у кого есть разряды, идите в бригады каменщиков. Там же легче работать. Но никто не ушел. Пусть труднее, говорят, зато в своей бригаде.

Любовь Стефановна всегда и обо всем рассказывает подробно — все, до самых на первый взгляд незначительных деталей...

Она рассказывает об июле сорок первого, когда пришли в их тихое село немцы и на три долгих года упала непроглядная ночь.

Семь раз пытались угнать Любу Сиверскую в далекий и страшный германский плен. И семь раз, обманывая охрану, бежала она с этапов; пашнями, лесочками, сторонясь дорог, обходя посты полевой жандармерии, пробиралась в родные Новоставцы.

— Опять утикла?!— удивлялись соседки.

— Лучше пусть здесь расстреляют да схоронят, чем у германа на чужбине сгинуть,— отвечала Люба.— На своей земле и смерть вполсмерти.

Мать ее, Пелагея Митрофановна, ходила к старосте, валилась ему в ноги.

— Пожалей ты ее, не забирай больше, ну что тебе далась Любка моя?!

— Да она у тебя вон какая, все одно сбежит, не побоятся. А пошлю вместо нее кого из робких да тихих, те и пропадут ни за грош...

После седьмого побега — Бернадын, фашистская тюрьма в Изьяславле. Камера на двадцать шесть человек, цементный пол и крики людей, которых истязали в застенке, этажом ниже.

— Мне и восемнадцати тогда не было,— говорит она.— А то, что видала, и на сто лет хватило б...

После войны работала Сиверская в родном селе, а потом уехала с мужем на строительство дорог в Ростовскую область. С жадностью хваталась за любое дело, было б только нужное людям, а что трудное оно для женских рук, так это не беда.

«Где сейчас те девчата из бригады землекопов?— думаю я, слушая Сиверскую.— Помнят ли своего бригадира, Любу-Любушку? Вспоминают ли славные рабочие города — Шахты, Артем, трудные пятидесятые годы?.. А лесо-

рубы Приморского края, помнят ли они Любу Сиверскую?..»

Я как-то спросил ее, не скрывая удивления:

— Неужели вы были бригадиром лесорубов?

— Еще каким!— рассмеялась в ответ Любовь Стефановна.— Так махала топором, аж щепки со свистом — во все стороны света...

Но жизнь не сложилась. Она уехала с Дальнего Востока вдвоем с сынишкой Толей. А муж остался там. Так уж получилось...

...16 апреля 1958 года разнорабочая Любовь Сиверская впервые пришла на строительство Волжской ГЭС. В правобережном стройуправлении появился еще один рабочий человек, один из многих тысяч.

Вначале она боялась высоты: от нее захватывало дух и кружилась голова. Зажмурившись, перешагивала Сиверская через широкие температурные швы: казалось, сейчас разойдутся они в стороны и рухнет все вниз, в гулкую пустоту машинного зала.

Короткая учеба на курсах, всего лишь семьдесят часов, и она узнала, что такое газобетон, пенобетон, битумная мастика и мягкая кровля и как со всем этим надо обходиться.

— Я радовалась. Я снова была со всеми, на людях, в бригаде. С детства мечтала, разглядывая журналы: вот я иду в красной косынке с такими же, как на журнальных фотографиях, девушками; заводские ворота, шумный поток людей, и я среди них — своя! Отец говорил: на врача тебя выучу. А мне хотелось к девушкам в красных косыпках. И вышло, как мечталось...

Я слушал Любовь Стефановну, и на память приходили прекрасные слова Константина Георгиевича Паустовского:

«Если отнять у человека способность мечтать, то отпадет одна из самых мощных побудительных причин, рож-

дающих культуру, искусство, науку и желание борьбы во имя прекрасного будущего»...

Томик Паустовского стоит на этажерке. В маленькой библиотеке Сиверской любовно подобраны книги. Возможно, ей знакомы эти слова замечательного русского писателя. Я не спрашивал, потому что знал, что прекрасное будущее для Любви Стефановны не абстрактное понятие. Это совершенно конкретный результат ее героического труда, труда ее подруг по бригаде. Это тысячи и тысячи квадратных метров кровли, гидроизоляционных покрытий, это кирпичная кладка, бетон, теплоизоляция, химзащита — все умеет делать бригада Сиверской. Все, что нужно уметь строителям прекрасного будущего...

Волжский завод цементного машиностроения, строительномонтажное управление. Именно здесь оттачивалось мастерство бригады, здесь она проходила закалку, порой в полном смысле этого слова: сверху палило летнее солнце, снизу обдавал горячим дыханием раскаленный битум.

Здесь к Любви Стефановне пришла первая награда — медаль «За трудовое отличие». Она дорогого стоит, эта скромная медаль.

А потом были ВАЗ и Тольяттинский азотный. И снова все вместе, подружки, рабочие люди, одно на всех дело, одна на всех судьба. Мария Григорьевна Фадеева, Надежда Сергеевна Якунина, Мария Ивановна Артемова... Маша, Надя, Люба — девчата. По-прежнему девчонки, хоть и лет уже каждой немало. Да что года, был бы душой человек молод...

— Я все знаю о своих девчонках, — Сиверская смеется, Сиверская грустит. — Ведь всяко бывает в жизни, правда? Не одни радости да веселье. У кого порой не поладится, кого обидят. Так у нас беда на всех поровну делится, как и полагается в доброй семье. Бывает, мужик у какой за-

колобродит, я и его за чуприну оттаскаю, чтоб в чувство вошел. Но чаще радость...

Любовь Стефановна улыбается, а я гляжу на нее, и невольно приходит мысль о том, сколько же горя, тяжелых раздумий, потерь выпало ей в юности, столько сурового, мужского труда на всю остальную жизнь, но она не потеряла умения улыбаться вот так: открыто, весело, от всей души. Улыбаться людям, радоваться тому, что они рядом, вместе с ней, с ее Куйбышевгидростроем.

Куйбышевгидрострой... Я не случайно упомянул о нем еще раз. Для Любви Стефановны — это труд последних двадцати с лишним лет; это — два ордена Трудового Красного Знамени и Золотая звезда Героя; это — родная бригада, сотни близких друзей, не раз протягивавших ей в трудную минуту руку помощи и участия; это — сын Толя, хороший трудовой парень, студент-вечерник, достойный продолжатель всего, начатого Любовью Стефановной...

Каждый год, не пропустив ни одного, едет она на Украину, в неведомое здесь, на Волге, село Новоставцы.

— Здравствуйте, мамо!..

И летит по селу весть: к Пелагее Сиверской дочка приехала. И собирается в просторной хате родня да соседи, слушают рассказы о далекой Волге, о домах и заводах, которые строила дивчина из их села, та самая Любка, что семь раз утикала от фашистов. Дивятся, качают головами:

— Трудненько тебе там. Таки дела великие!

Да, трудно. Очень трудно. Героям всегда трудно, на то они и герои. С них спрос другой. И спрашивают не только люди, спрашивает само время...

— Вы гений, Любовь Стефановна, — сказал ей на прощание Евтушенко.

— Да вы что?! — Она глянула на него, махнула рукой, рассмеялась. — Нашли тоже гения...

Но спорить с поэтом бесполезно. Поэт все равно написал по-своему:

Гениальны матери земли —
Пусть не все им гении достались.
Гениальны все, кто помогли
Людям, чтоб людьми они остались.
«Ненормален гений» — чей навет?
Врут, наверно, те, кто ненормальны.
Гений — вот нормальный человек.
Мама Люба тем и гениальна.
Дайте провожу я вас домой —
Ведь сейчас кругом такая вьюга.
Добрый гений всей страны и мой,
Кровельщица, наша мама Люба...

— Однажды слышал я спор двух шибко ученых мужей, — сказал мне Семизоров. — Можно ли обучать нравственности, спрашивал один из них, как обучают, к примеру, математике или литературе. И сам же отвечал: нет, никогда, это невозможно! Нравственность не учебная дисциплина, она познается другим путем, куда более сложным. Второй возражал ему в чем-то, приводил разные доводы, в общем, чисто академический получался у них спор. А я слушал и думал о своем: что понимать под словом «обучение»? Наверное, не парты в школьном классе, не доску и мел, и не прописные истины, заученные наизусть. И все-таки — уроки. Именно уроки нравственности, каждодневные, живые, преподанные такими искусными учителями, как Люба Сиверская, или Петр Досаев, или Валя Савинова. Нам повезло — учителей немало, хоть они порой и сами не ведают о своей необычной педагогической миссии. Пример их жизни, прошлой и нынешней, и есть, на мой взгляд, урок на тему: «Нравственное воспитание трудящихся». Надо только, чтобы как можно больше людей знало бы подробности их жизни. Волнующие подробности, понимаешь? Урок обязательно должен быть эмоциональным...

У СТАРЫХ. СИНИХ ЖИГУЛЕЙ.,

В конце шестнадцатого века, за сто лет до появления на волжском левобережье бревенчатой крепости Ставрополь, в мрачных застенках итальянской инквизиции почти три десятилетия томился Томмазо Кампанелла. Философ, теоретик искусства, поэт.

В тяжелом мраке каменного мешка он мечтал о чудесном городе, где все люди будут счастливы и свободны. И объединены единой радостной целью, и труд во имя нее станет для них делом чести.

Городом Солнца назвал Кампанелла образ своей утопической мечты.

Но то, что для средневекового ученого было утопией, материалом для схоластических построений, спустя века стало осуществимой реальностью. И не случайно так часто, говоря о Тольятти, об этом юном и прекрасном городе, люди вспоминают далекую мечту Томмазо Кампанеллы.

Город — воплощенная мечта по меньшей мере трех поколений строителей. Город, который одновременно — гигантская строительная площадка. Да, у такихстроек ни-

когда не будет последнего года. Окончание одного дела, словно сигнал к началу другого, нового, еще более сложного и удивительного.

Здесь, на стройках Тольятти, в течение многих лет сливался опыт поколений, не сменявших друг друга, а соединявших воедино свои усилия, свой талант, свое мастерство. И в этом — сам сегодняшней день во всей его сложности и неповторимости. День, впитавший в себя прекрасные трудовые традиции прошлого, обогащенный ими и одновременно творчески устремленный в день завтрашний...

— Почему мы иногда грустим о прошлом, вспоминаем его не просто, а высвечивая только самое хорошее, радостное, удачное? — задав вопрос, Семизоров, казалось, и не ждал от меня ответа; скорее всего размышлял вслух. — Стараемся забыть все огорчения, весь неуют былого. И снятся нам старые синие Жигули, бегущая мимо них Волга... Странно, правда?

— Нет, не странно. Мы просто вспоминаем молодость, которая, в общем-то, всегда с нами. До сих пор ведь по старой памяти мы нет-нет да назовем Тольятти Ставрополем. Ставрополем-на-Волге...

Я смотрю на Семизорова. Впервые в этот город он приехал без малого тридцать лет назад. Тогда город был никому не известным районным центром, полугородом-полуселом.

Неторопливая, размеренная жизнь, словно неспешное течение Волги. Белый разлив яблоневого цвета по весне, терпкий хвойный дух спускающегося к пойме соснового бора, гудки колесных пароходов, отраженные отвесной стеной Жигулевских гор.

Было особое очарование в этом маленьком деревянном городе, окруженном цветущим разнотравьем заливных лугов. Цепочки озер, озерце и безымянных ериков прятались за частоколами из рогоза, встречали забредшего в это

безлюдье путника встревоженным криком взлетевшей утиной стаи.

Весь день можно было бродить в лугах, перебираясь с гривки на гривку, прячась от солнца в тени старых осокорей. И не встретишь никого. Разве что косарей или ватагу детишек с корзинами крупной, на чудо пахучей, луговой клубники.

Мне всегда казалось, что в таком краю могли родиться и жить только добрые и сильные люди, настолько добрым, сильным и красивым было не тронутое никем раздолье этих мест...

Для большинства сегодняшних тольяттинцев и сам старый Ставрополь — недолгая столица Куйбышевгидростроя, — и все, связанное с ним, рисуется довольно условно. Ведь сохранился всего лишь десяток-полтора маловыразительных фотографий да несколько набросков художника Вингорского.

Нынешнему поколению привычен и дорог сердцу совсем иной, современный пейзаж, созданный руками людей.

Блестящая под солнцем гладь водохранилища, отраженная в ней панорама Жигулевских гор, голубые клинья заливов и бетонный пояс гидроузла.

— А что, раньше было лучше? — спрашивают иной раз у ветеранов.

— Когда задумываешься над этим вопросом: а не было ли лучше? — говорит мне Семизоров, — то невольно начинаешь сопоставлять, что за последние десятилетия взял или, может, отнял у природы наш брат строитель здесь, в Жигулях, и что дал ей взамен. Если оставаться объективным, то вывод будет однозначным: на протяжении всей своей деятельности мы всячески старались не быть врагами самим себе. Мы сохранили в неприкосновенности восемнадцать тысяч гектаров векового соснового бора и бережно вписали в него наш город. Мы вели и продолжаем вести

капитальное изучение вод созданного нами искусственного моря, пытаюсь заселить эти воды новыми видами рыб, взамен исчезнувших или почти исчезнувших старожилов: осетра, стерляди, белорыбицы и шипа. И главное, мы однажды победили самих себя, отказавшись от такой соблазнительной для гидротехников идеи — построить еще один, Переволокский гидроузел. Помнишь эту историю? Отказались, чтобы сохранить здоровье природы, а значит, и свое. Мы всегда старались не забывать о неразрывном единстве двух этих начал... Да, нам приходилось взрывать жигулевскую твердь, добывая камень. Раны, нанесенные этими взрывами, еще не полностью заросли березовым молодняком. Но тогда другого выхода мы не смогли найти. Возможно, недостаточно старательно искали его. Согласен. И все же не следует забывать: в то время не существовало еще строгих законов, ограничивающих действия людей, вторгающихся в природу. Мы вольны были крушить, но никогда не делали этого без крайней нужды. Нас удерживала собственная гражданская совесть, понимание того, что в благословенных этих краях жить не только нам, а скорее всего и детям нашим и внукам. Так оно и получилось...

Сегодня сочетание нетронутой природы с тем, что создано в ее чертогах руками строителей, являет собой прекрасную гармоничную картину. Ее не до конца еще написали, но это уже не эскиз, а близкое к завершению полотно вдохновенного художника, умеющего быть и суровым и лиричным одновременно...

О Жигулевские утесы гулко бьется морской прибой. Гуляет штормовая волна от берега до берега. От бетонной набережной Автограда до изъеденной ветрами каменной груди утесов; это два десятка километров. И тридцать лет человеческой жизни. Они пролетели незаметно, и начинает казаться, что всегда здесь было море и белый город на его берегу...

— Строитель непременно в долгу у времени. За ним вечный долг — долг побеждать, такова профессиональная обязанность. Как всякий предвестник будущего, он просто не имеет права быть побежденным. Ну, а мы здесь, в Тольятти, все до единого — строители...

Эти слова сказал мне однажды Борис Самуилович Кашунин.

Я часто вспоминаю первую пекарню, снабжавшую строителей хлебом. Ну, что, казалось бы, — хлебопекарня всего, сто́ит ли вспоминать о ней сейчас, когда в Тольятти возведены химические и машиностроительные гиганты, когда ВАЗ выдает уже четырехмиллионный автомобиль и вошли в строй цеха еще одного, самого крупного в Европе завода — Тольяттинского азотного! Ну что по сравнению с ними скромная пекарня первых строителей? И все-таки я вспоминаю о ней. Потому что ее не так-то просто было пустить тогда, в начале пятидесятых, и с первых же дней дать строителям хлеб, который по качеству не уступал московскому. За этим тоже стояли бессонные ночи, самоотверженность, любовь к людям. И уверенность в том, что делается очень большое и очень важное дело, что вообще не бывает маленьких дел, если речь идет о чем-то нужном живущим рядом с тобой товарищам.

Когда я встречаю сейчас Станислава Ивановича Саулева, генерального директора хлебокомбината, то всякий раз приходят на память услышанные однажды слова о том, что хлебопеком нельзя стать, им надо родиться. Станислав Иванович родился хлебопеком. В этой профессии для него заключен весь смысл жизни. Он может говорить о хлебе, как говорят о стихах. Мне думается, что, когда Станислав Иванович видит людей, спешащих по утрам за хлебом к дверям его фирменного магазина, людей, живущих порой в другом конце города, но все же идущих именно в этот магазин, он испытывает такое же чувство,

какое испытывает поэт, видя в руках читателей новую, еще не листанную книжку своих стихов. А ведь хлебокомбинат Станислав Иванович начинал с той самой, более чем скромной пекарни, кормившей хлебом первых жителей будущего Тольятти. И он, хлебопек, тоже был его строителем. И продолжает быть им сейчас.

Я не случайно привел этот пример. Он характерен для того нравственного настроения, в котором живет своеобразный, необычный город, город-стройка. Без внутреннего понимания каждым его жителем непреложной истины: я — строитель Тольятти, вне зависимости от должности своей и профессии трудно было бы свершить то, что уже свершено. И еще труднее решить сложнейшие проблемы, встающие перед городом сейчас, когда начала реализовываться программа комплексного завершения его строительства.

Любые планы, от простых и до самых грандиозных, разрабатываются людьми и людьми же реализуются. От их вдохновения, увлеченности, от их патриотизма и умения зависит, останется ли план лишь тщательно продуманным, глубоко обоснованным документом или воплотится в осуществленную реальность...

Над Жигулевским морем пели весенние ветры, гнали упругую волну, трепали на судовых флажках алые лоскутки вымпелов. В порты пяти морей шли суда, и их капитаны гудками приветствовали друг друга, а белый город с зеленой ладони берега смотрел им вслед.

Мы стояли с Капуниным на гранитной площадке городского мемориала. Одним из его главных строителей был Петр Алексеевич Досаев. Строили мемориал ударными темпами, надо было успеть закончить его к тридцатилетию Победы. Но как ни спешил бывший солдат Петр Досаев,

а все же не стал он делать то, что попытались заставить его сделать. Пришел к Кашунину, как был, в рабочей спецовке, сказал решительно: «Не буду я обратную засыпку вести, в грунте металла полно, тонны там! Не могу его гусеницами в землю трамбовать, совесть не позволяет, это же не хворост — сталь! Если самим недосуг, то школьников пусть скличут, те все подберут в одночасье. А там я хоть три смены подряд работать согласен...»

Кашунин говорил мне, что он готов был поцеловать этого сердитого, непримиримого Досаева. Именно за сердитость его, за уважение к незнакомым сталеварам, чей труд ему предложили втоптать в землю. За жалость к народной копейке, которую тоже туда же, под гусеницы, швырнуть пытались, да он не дал, заставил подобрать...

Мы стояли на площадке мемориала. У самого ее края. На гранитных плитах стыли прозрачные капли росы. Здесь проходила городская черта. Дальше — желтая полоска пляжа и море.

За нашей спиной встречал утро полумиллионный город. Он уже отпраздновал рождение своего 500-тысячного жителя, вернее, жительницы — в семье рабочих Волжского автозавода Козловых родилась дочь Леночка.

— Да, нас полмиллиона! — говорил мне Кашунин. — Ты представляешь, какая это сила, как много добрых дел способна она сделать, как много трудных дел ей предстоит! Пятьсот тысяч строителей, предвестников будущего... Считай, почти два года готовили мы материалы по комплексной достройке Тольятти. Трудно пробивалось дело — как никак, а пятнадцать министерств воедино завязать надо, шутка ли — пятнадцать!.. Но теперь все позади. Деньги выделены. Наши они, все! Будет где развернуться Николаю Федоровичу...

Об этом мы и говорили с Кашуниным, стоя у самого

края города, словно у порога будущего, на пронизанном весенним ветром берегу Жигулевского моря.

Рассказывая о Николае Федоровиче Семизорове, о коллективе, который он возглавляет два десятилетия, я ловлю себя на мысли, что кто-то, прочитав написанное, может сказать:

— Послушайте, а не кажется ли вам, что это ненормально: работа с такими перегрузками, с таким расходом нервной энергии, с бесконечными авралами и так далее? А не оправдываете ли вы обычную штурмовщину, причем возводя ее в ранг чуть ли не подвига? Давно пришла пора так организовывать любое производство, чтобы работало оно ритмично, без сбоев, словно хорошо отрегулированный механизм. У вас же все наоборот — прорывы да авралы. Чему тут восхищаться? Напротив, негодовать надо, развешивать, бичевать!..

— Могут сказать что-нибудь в этом роде? — спросил я Семизорова. — Видимо, скажут. И куда деваться, коли формально истина пребывает на их стороне? Не станешь же утверждать, что ритмичная работа хуже неритмичной, а ночной субботний аврал приятнее пикника с шашлыком и танцами под гитару?

— Да, утверждать подобное не следует, конечно, — согласился Семизоров. — Побить могут... Говорено на эту тему много... Бывает, что, идя домой, усталый да вымокший или если зимой, то промерзший до костей после каких-нибудь сверхурочных бдений иной прораб, бригадир или рядовой рабочий думает о нас, ответственных за нормальную организацию его труда, подчас не очень лестно. А в другой раз, услышав критику в наш адрес, подумает и скажет: вы и сами ведь покоя не знаете, тоже торчите на стройплощадках сверх положенного, может, кончим эту не-

организованность, накажем виновных, приведем все в норму?.. Все так, все правильно. И тем не менее нет еще больших строек, работающих без большого напряжения. Беру смелость утверждать, что, наверное, и не будет, в ближайшем будущем во всяком случае. Не надо забывать и о следующем: упомянутая ритмичность работы, особенно в громадном коллективе, тоже ведь результат чьей-то, до предела напряженной организаторской деятельности. Снизится эта напряженность, расслабится начало, жестко организующее все и вся, и тут же нарушится ритмичность, дела пойдут не в ногу. И потом — нельзя уравнивать единым, обобщенным словом «производство» стройку и, скажем, хорошо отлаженный, современный завод.

Когда в 1969 году первые строители и вместе с ними Николай Федорович приехали под Оренбург на площадку будущего газоперерабатывающего завода, они увидели далеко не вдохновляющую картину: открытая всем ветрам и ненастьям степь в двадцати пяти километрах от города. Ни жилья, ни деревца, ни ручейка — голое место. На нем предстояло построить не только три очереди громадного завода, причем в сроки очень жестко определенные, но и жилые дома, детские сады, баню, кинотеатр, школы — в общем все необходимое для нормальной, благоустроенной жизни тех, кто придет на построенный завод и станет работать на нем. Кроме того, нужна была и производственная база, в частности для механизаторов — зимы в Оренбуржье суровые и снежные, технику под открытым небом не оставишь. И пожалуй, самая главная сложность заключалась в том, что несколько тысяч куйбышевгидростроевцев должны были работать здесь, сменяя друг друга через каждые полтора-два месяца.

А теперь, не кривя душой и не впадая в демагогию, подумаем: возможно ли в таких экстремальных обстоятельствах добиться организации работ, расписанной, как по

нотам? Да первая же налетевшая метель или мороз под сорок градусов скомкают всю партитуру! И волей-неволей придется с удвоенными усилиями, уставая, волнуясь и перерабатывая, выравнивать положение, наверстывать упущенное, догонять вечно ускользающее от нас время.

И еще одно, немаловажное обстоятельство: крупная стройка ведется, как правило, не одним, а несколькими организациями, которые зачастую разделены высокими ведомственными перегородками.

— Это сложнейшие взаимоотношения!— говорил мне Семизоров.— Треугольник: заказчик, генеральный подрядчик (это, как правило, мы — Куйбышевгидрострой) и субподрядчик. По идее — дружная тройка, связанная стремлением к единой цели: быстрее, лучше, экономичнее построить завод ли, ГЭС или жилой комплекс. Ну, а в практике, сам понимаешь, по-разному случается. Частенько бывает: подведут там, где и не ждешь, и пошло все через пень-колоду... Кто из нас не мечтал о такой организации дела, чтоб никаких накладок, чтоб данное слово было крепче любых подписей, чтоб ведомственные соображения не наносили бы ущерба общим интересам? Но даже и в этом случае останется множество факторов, учесть и предупредить которые практически невозможно.

— Стихия, например?

— Да не только стихия. Вспомни строительство ВАЗа. Техники у нас было много. А вот опытных специалистов, умеющих управляться с этой техникой, не хватало. Значит, нужно было самим готовить их, на что ушло незапланированное время. Только в течение трех месяцев, с мая по август 1968 года, на Куйбышевгидрострой прибыла двадцать одна тысяча молодых ребят и девушек. Плохо ли — такая армия энтузиастов! Но у большинства никакой строительной специальности, значит, шли в разнорабочие на первое время. А это — низкие заработки и, в общем-то,

спад энтузиазма, потеря ни с чем не сравнимая! Выходит, опять приходилось нам решать сложнейшие задачи, не запрограммированные заранее. Не запрограммируешь их...

— Но как здорово и щедро нам помогали! И обком партии и Центральный Комитет. Приезжали, работали здесь неделями. Не разносы чинили, а глубоко и сочувственно вникали во все беды наши. И старались помочь. Доказывали, убеждали, настаивали. Как сейчас помню: пятьдесят тысяч тонн цемента и семь тысяч тонн арматуры получил Куйбышевгидрострой дополнительно в результате одного лишь такого приезда работников Центрального Комитета партии! Представляешь себе объем этой помощи?.. А Ветлицкий? Все три с половиной года, пока строили ВАЗ, да и потом тоже Вячеслава Федоровича чаще видели в Тольятти, чем в кабинете секретаря обкома, который он, можно сказать, покинул ради нас... Если б не эта помощь, не ходить бы нам сейчас гоголями.

Когда речь заходит о Вячеславе Федоровиче, Семизоров обязательно вспоминает самые трудные дни минувшего, когда, казалось, что нет выхода из-за обострившихся до предела конфликтов. И всякий раз Ветлицкий спокойно, и если надо было, то и со всей страстностью, присущей его натуре, не просто искал выход из сложившейся ситуации, но точно творил его, сводя воедино интересы еще совсем недавно непримиримо спорящих людей. Причем людей, привыкших считать свое мнение непререкаемым. Его талант, громадный жизненный опыт, увлеченность всем тем, что делалось и делается вокруг, принципиальное неприятие репрессивных решений (за весь период строительства ВАЗа не был освобожден от работы ни один из руководителей — ни большой, ни малый) оказывали неоценимую помощь и доброе влияние на ход строительства в Жигулях, особенно в период возведения Волжского автомобильного и ТоАЗа.

— Себя мы считали на уровне, ну, десятников, что ли, не более того. А Вячеслав Федорович у нас как бы в старших прорабах состоял,— Семизоров усмехается. — Так и называли его за глаза: наш старший прораб. Шутка-то шуткой, а ведь и впрямь им многое, очень многое сделано и на Куйбышевгидрострое и в Тольятти...

В 1910 году друг и соратник Владимира Ильича инженер Кржижановский выступил с идеей строительства гидроузла на Волге, в районе Жигулей. В те времена земли Самарской Луки принадлежали графу Орлову-Давыдову.

О проекте Г. М. Кржижановского сиятельный владделец Жигулей узнал из письма епископа Самарского и Ставропольского. Письмо нашло графа в Италии.

«Ваше сиятельство,— писал ему епископ,— призывая на Вас Божью Благодать, прошу принять архипастырское извещение: на Ваших потомственных исконных владениях прожектеры Самарского технического общества совместно с благоотступником инженером Кржижановским проектируют постройку плотины и большой электрической станции.

Явите милость своим прибытием сохранить божий мир в Жигулевских владениях и разрушить крамолу в зачатии.

С истинным архипастырским уважением имею честь быть Вашего сиятельства защитник и богомолец Епархиальный архиерей, преосвященный Симеон, епископ Самарский и Ставропольский.

Самара, июня — 9-го дня, 1910 года».

Через девять лет после появления этого фискального письма Владимир Ильич подпишет мандат Г. М. Кржижановскому, и тот с охранной грамотой и отрядом красноармейцев приедет в Жигули, чтобы познакомиться с местны-

ми условиями и, используя результаты изысканий известного энергетика Е. В. Лукьянова, наметить район строительства будущей гидроцентрали.

В архивах и поныне хранится доклад Глеба Максимилиановича, сделанный им на заседании Совнаркома после возвращения из Жигулей. Шел 1919 год. Молодой Советской республике не под силу было поднять строительство крупнейшего в мире гидроузла. Но проект Кржижановского не отклонили. Воплощение его было лишь вопросом времени. Время должно было принести силы.

— Когда я слышу, как кто-то говорит: мы начинали энергетическое строительство в Жигулях, мы начинали здесь то, мы начинали тут это, я всегда стараюсь обратить взор к истории.— Сделав паузу, Семизоров добавил:— Строительство начинается не с первого ковша вынутого грунта и даже не с первого забитого колышка. Строительство начинается с идеи, с мечты. Здесь, в старых синих Жигулях, все начинается с Ленина, с его мечты о новой могучей Волге, реке электричества, о крае заводов и фабрик. Пришло время воплощения этой мечты, и мы продолжили начатое и завещанное Лениным. Ты представляешь, как удивительно повезло нам в жизни!..

Тольятти — Куйбышев
1978—1979 год

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
«Инженер номер один»	7
С чего начинается стройка?	20
С чего начинается книга?	30
«Трудная земля пятидесятых»	48
С чего начиналась жизнь?	57
Прошлое и настоящее	80
Не расстанусь с комсомолом...	96
Что означает — быть настоящим инженером?	105
Добрый след на родной земле	123
Высокая должность	151
Уроки нравственности	184
У старых синих Жигулей	195

Евгений Евгеньевич Астахов

ПОВЕСТЬ О ДРУГЕ

Редактор А. Д. Скопечная
Художественный редактор В. П. Бухарев
Технический редактор О. Ю. Цишевская
Корректор Г. М. Ульянова

ИБ № 1683

Сдано в набор 18.05.79. Подписано в печать 27.09.79. А13134. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл.-п. л. 9,10. Уч.-изд. л. 8,74. Тираж 30 000 экз. Заказ 401. Цена 40 к. Изд. инд. ХД-244.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 103012, проезд Сапунова, д. 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

1011

СОЮЗСКАЯ РОССИЯ